

Александр Конторович

«ЧЕРНЫЕ БУШЛАТЫ»

Черные тропы

Annotation

В руки немцев попадает таинственный пленник. Что может быть интересного в человеке, который потерял память и не помнит о себе ничего?

Но именно он вдруг становится причиной, из-за которой внезапно резко обостряется многолетняя упорная борьба советской и германской разведок. С обеих сторон задействованы самые серьёзные силы, к операциям привлечены самые опытные специалисты и мастера своего дела.

К делу подключается новое спецподразделение НКВД – Управление «В».

Теперь его сотрудникам предстоит на практике доказать свое умение... Даже их инструктора – и те идут в бой, наравне со своими вчерашними учениками. Ведь права на проигрыш у них нет.

- [Владимир Конторович](#)
  -
  - [Утром того же дня](#)
  - [Москва](#)
  - [Ярославль](#)
  - [А тем временем...](#)
  - [Управление «В»](#)
  - [Несколько часов спустя](#)
  - [1943 г.](#)
  - [Некоторое время спустя](#)
  - [Объект «Тишина»](#)
  - [Полтора месяца спустя](#)
  - [Несколько дней спустя](#)
  - [А тем временем...](#)
  - [Спустя некоторое время](#)
  - [Несколько дней спустя](#)
  - [А тем временем...](#)
  - [Тем временем, где-то далеко в лесу...](#)
  - [Где-то совсем далеко...](#)
  - [Берлин](#)
  - [Вечером следующего дня](#)
  - [Два дня спустя](#)

- [Где-то в лесу](#)
  - [А тем временем в лесу](#)
  - [Лондон](#)
  - [Где-то в глубине страны](#)
  - [Спустя некоторое время](#)
  - [Где-то в Берлине](#)
  - [Где-то в лесу](#)
  - [В лесу](#)
  - [Москва](#)
  - [Несколько днями ранее](#)
  - [Несколько часами позже](#)
  - [Из записей профессора фон Хайдлера](#)
  - [Москва](#)
  - [Объект «Тишина»](#)
  - [Несколько часов спустя](#)
  - [Объект «Тишина»](#)
  - [Дновский военный аэродром](#)
  - [Много лет вперед...](#)
  - [Москва](#)
  - [Берлин](#)
  - [Лондон](#)
  - [Управление «В»](#)
  - [Где-то у моря](#)
  - [Наше время](#)
-

Владимир Конторович

Черные тропы

Налетевший ветер качнул жестяной колпак фонаря, и причудливые сполохи света метнулись по кустам, на секунду осветив стену дома и ходящего вдоль неё часового. Блеснул кончик примкнутого штыка.

Часовой окинул взглядом тропинку, ведущую к дому, подстриженные кусты и темные окна здания. Все в порядке... Поправил ремень винтовки и зашагал дальше, совершая привычный обход здания.

И тогда задвигалось темное пятно, которое до того момента казалось продолжением тени, падавшей от большого дерева. Тень вытянулась, удлинилась и... распалась на две половинки. Меньшая часть тени скользнула в сторону дома и почти бесшумно скрылась в кустах. Не шелохнулась ни одна ветка, не зашелестела листва. Спустя ещё пару минут от дерева донесся какой-то звук... упала ветка... или ещё что-то подобное.

По песку заскрипели шаги часового, прошуршал по гимнастерке ремень снимаемой винтовки. Но выходить на открытое пространство постовой не стал... Прижался к углу дома и высунул оттуда голову, внимательно вглядываясь в кусты. Тихо... Но он не торопился покидать свое укрытие, продолжая прислушиваться к темноте. Минута... другая...

Часовой пригнулся, рука его зашарила по песку... Бросок!

Что-то прошуршало в кустах – кто-то небольшой стремительно удалялся в сторону растущих неподалеку деревьев.

Еж!

Или кошка...

Топота ног слышно не было, убегавший был совсем невелик ростом, иначе он неминуемо задевал бы ветки кустов, что могло вызвать куда больший шум при передвижении. Особенно – при быстром.

Успокоившийся часовой закинул винтовку за плечо и продолжил свой привычный маршрут.

А на другой стороне здания, тем временем тихонько скрипнула доска под окном. Умелая рука подделя ножом тонкие гвоздики и извлекла с привычного места штапик, удерживавший стекло в форточке. Второй...

Блеск вынимаемого стекла, чуть слышный шорох...

Проскрипел открываемый шпингалет, тонкая бечевка скользнула вниз. Секунда – и заранее завязанная петелька обхватила головку второго

шпингалета. Толчок – распахнулось окно.

Темная фигура бесшумно перемахнула внутрь комнаты и тотчас же приладила на место вынутое стекло. Правильно – ходивший вокруг здания часовой мог заметить отсутствие привычного отблеска в окне. Рама бесшумно закрылась.

И точно – через пару минут по тропинке заскрипели шаги часового.

Поравнялись с закрывшимся окном... удалились... совсем стихли – он свернул за угол. Окно приоткрылось снова – вторая тень перемахнула внутрь комнаты.

Очнувшись в доме, оба незваных гостя огляделись.

Комната оказалась безлюдной, только из-за стены доносилось неразборчивое бормотание – кто-то читал вслух. Но здесь – людей не было.

Первый из визитеров прокрался к двери, приложил ухо к косяку, прислушиваясь. Но кроме неразборчивого голоса из-за стены, ничего другого слышно не было.

Толчок – заперто!

В падавшем из-за окна отблеске лунного света блеснул нож. Прочный клинок вошел в щель между дверью и косяком.

Елё слышный скрип... есть!

Коридор освещался только тем светом, который попадал туда из окон – преимущественно лунным. Имевшееся здесь освещение в настоящий момент было отключено.

Второй изочных посетителей распластался на полу и взял на прицел ту дверь, из-за которой доносился голос чтеца. Первый же на секунду приподнялся – толстая булавка проткнула жгут проводов, проходивший по стене от выключателя к висящей на потолке лампочке.

Похлопав своего товарища по плечу, он осторожно двинулся по коридору.

Хрусть!

Предательски скрипнула доска под подошвой ботинка – страховавший товарища стрелок моментально обернулся. Первый из визитеров успокаивающе показал ему раскрытую ладонь – порядок! Доски скрипнули ещё дважды – этот участок пола был уложен небрежно. Добравшись до нужной двери, он призываю взмахнул рукой – давай сюда.

Его товарищ поспешил на зов. Аккуратно отставив в сторону стоящую у стены швабру, он, в свою очередь проскрипев досками, присел рядом с дверью.

– Чего так? – шепнул он. – Охрана-то – в той комнате сидит!

– Пойдут в нашу сторону – доски заскрипят, услышим.

– А-а-а... ловко это ты придумал, Миха!

– Ну так!

Повозившись около двери, Миха отжал клинком её в сторону, и оба визитера проникли в помещение.

Здесь на окне уже присутствовала решётка, у стены стоял шкаф и несколько стульев. А рядом с письменным столом возвышался сейф. Впрочем, вскрывать его нужды не было – искомое должно было лежать в столе.

– Крышку стола приподними – язычок из пазов выйдет! – шепнул его товарищ.

– Угу...

Чуть скрипнуло стол – и тотчас прошуршал выдвигаемый ящик.

– Есть папка!

– Назад его задвигай... долго не удержу!

– Момент... всё – отпускай!

Спрятав папку за пазуху, Миха прокрался к двери. Здесь доски уже не скрипели, и шаги вышли почти бесшумными.

Он приложил ухо к двери... ничего подозрительного.

Обернувшись к товарищу и изобразив в воздухе двумя пальцами шагающие ножки, Миха осторожно толкнул дверь. Здешние петли тоже не скрипнули, когда он выскользнул в коридор, привычным движением вскидывая к лицу наган.

Бух!

Дверь?

О стену?

Но – почему так громко, я же её еле-еле подтолкнул?!

Присев и разворачиваясь назад, он вытянул в ту сторону вооруженную руку... и вывернутая сильным рывком, она потянула за собою и своего обладателя.

Бумс!

И оба незваных гостя столкнулись лбами!

Кубарем вкатившись назад в комнату, они врезались в стену под окном – и сверху на них пролился ледяной дождь. На подоконнике стояла банка с водой. От удара она упала – и холодный душ окатил обоих незваных гостей. Второй из них инстинктивно вскинул вверх обе руки, закрываясь от льющейся сверху воды... в том числе – и руку с наганом.

– Вот так и держи... – в проеме двери показался револьверный ствол. – А вздумаешь опустить...

Топот ног – в дверях показались бойцы дежурного наряда. Вспыхнули

ручные фонари.

– Свет не зажигайте – коротнет... – пробурчал кто-то из задержанных.

– Да ну? – в комнату зашел высокий мужчина в темном комбинезоне. – Отчего же?

– Я иголку в провода воткнул... около лампочки.

– Ларионов!

– Я, товарищ майор!

– Проверь!

– Сей момент!

Задержанных диверсантов подняли с пола, быстро обшарили, повытаскивав из их одежды всякие смертоубийственные штуки. Забрали папку и указали на стулья – садитесь.

Майор сел за стол, предварительно осмотрев ящик.

– Ну, голуби мои, где третий? В кустах сидит?

– Там...

– Гальперин! – повернулся хозяин кабинета к дежурному. – Давай, тащи сюда и этого ухаря. И чаю нам завари, во рту пересохло...

Вытащив из кармана ключ, он убрал папку на место. Поставил на стол локти и оперся подбородком на скрещенные руки.

По коридору пропали шаги, и в дверях появился третий член диверсионной группы.

– Товарищ майор, курсант «Лихой» прибыл по вашему приказанию!

– Вольно, курсант. Присаживайся.

Тот, подтянув к себе стул, присел рядом с товарищами.

– Ну-с-с, разлюбезные мои, кто первым высказываться начнет? – майор покачался на стуле. – Как вы часового отвлекли – хвалю! А поподробнее?

– Кх-м... – прокашлялся «Миха». – Ну... это его идея была.

«Лихой» смущенно потупился.

– Да... сучок к веревке подвязали – я его и протащил по кустам. Вроде как шаги, но легонькие они – веса в той ветке-то? Понятно, что не человек – а кто? Часовой и насторожился. А раз он с одной стороны дома стоит да на кусты смотрит, другую сторону и не разглядеть ему! И не слышит он ничего... ну, почти ничего. Ребята и залезли...

– Стекло в форточку назад вставили – молодцы! Есть голова на плечах... А вот дальше... Как же вы так опростоволосились-то? Как меня зевнули?

Неудачливые похитители папки переглянулись.

– Что – непонятно?

– По коридору вы подошли... – неуверенно сказал третий член группы.

– По скрипящим доскам? Это как же?

Все трое смущенно замолчали.

– Пошли!

Майор вывел всю троицу в коридор, подойдя к скрипучему участку пола. Здесь уже горел свет – булавку из провода вытащили.

– Как тут пройти можно? Чтобы доски не скрипели? Кто ответит – ставлю зачёт!

– По подоконнику перелезть... – неуверенно предположил «Лихой».

– Да? – приподнял бровь майор. – Давай, продемонстрируй!

Но, увы, неоднократные попытки миновать скрипучий участок по подоконнику успеха не принесли.

– Это – мимо! Другие варианты будут?

«Миха» попробовал обойти это место по плинтусу – доски предательски скрипнули.

– Туда же. Ещё?

Троица убита молчала.

– А по сторонам глянуть – может, есть тут какая подсказка?

То же самое.

– М-м-да! – покачал головою хозяин кабинета. – А так?

На пол легла швабра. Быстро ступив на неё ногой, он одним скользящим шагом пересек «музыкальный» кусочек пола.

– Зачем тут швабре стоять? Уборка – четыре часа, как закончилась! А здесь – воинская часть, бардак не допускается! Убрать её должны были!

Курсанты только переглянулись.

– А банка с водой откуда взялась? И главное – зачем?

– Я руку поднял... – третий диверсант вздохнул. – По привычке – лицо закрыть. Плеснуло...

– И что? Не керосин ведь – не страшно!

Курсант вздохнул.

– Да... Само оно как-то вышло.

– И в итоге, оружие к потолку задрал. Чего я и добивался! Для того и банку именно в это место поставил, туда же вас обоих и толкал.

Майор вздохнул и покачал головой.

– В общем, так – незачет! А за придумку с веткой – молодцы! Завтра расскажете товарищам и покажете. Всё! Свободны!

Утром того же дня

То же место

Поселок казался совсем небольшим. Одноэтажные, выстроенные по финскому проекту зеленые домики были почти незаметны среди деревьев. Рабочие, собиравшие дома, старались не трогать растущий здесь лес и вписывали строения в окружающий ландшафт очень искусно. Пришедшие после строителей бойцы выкопали чуть в сторонке несколько капониров, в которых разместились всевозможные склады и стрельбище. Чуть поодаль, в лесу и в оврагах, устроились учебные площадки, на которых происходило обучение всевозможным подрывным фокусам.

Маленькое поселение жило своей, замкнутой и незаметной со стороны, жизнью. Да откровенно говоря – кому было её замечать? Вся, весьма немаленькая по европейским меркам, территория находилась внутри большого полигона, на котором производились опытные стрельбы. Данний факт хоть нигде и не рекламировался, тем не менее, был хорошо известен окрестному населению. Поэтому желающих пособирать грибы и ягоды в данных местах как-то не наблюдалось. Жизнь, знаете ли, дороже... Никого не прельщала возможность ненароком заработать себе на голову шальной артиллерийский снаряд.

Да и сама воинская часть, обслуживающая полигон, тоже не проявляла никакого интереса к этому участку своего хозяйства. Есть там свои бойцы, порядок соблюдается... других дел, что ли, нет? Остались незамеченными и посты внутренней охраны, которые в тайне от всех, бдительно наблюдали за тем, чтобы никто из посторонних не проявлял нездорового интереса к зеленым домикам и их обитателям.

Быстро примелькались и машины, изредка заезжавшие в небольшой поселок. Они стали совершенно обыденным явлением.

По узкой дорожке, почти совсем скрытой под кронами деревьев, майор подошел к очередному строению, ничем не выделявшемуся среди окружающих домиков. Козырнув дежурному на входе, он постучался в одну из дверей.

– Разрешите войти?

Услышав ответ, решительно толкнул дверь.

– Добрый день, Александр Иванович! – привстав из-за стола, протянул

руку начальник школы. – Присаживайтесь! Я как раз дежурного озадачил чаю принести. Вы ведь не завтракали ещё?

– Здравствуйте, Михаил Николаевич. Нет, не успел. И от чая – не откажусь, очень даже вовремя и к месту!

– Ну-с, чем порадуете, Александр Иванович? Как последняя группа сработала?

– Незачёт.

– М-м-да… Печально. Как-то вот меня это не радует совсем…

Вошедший пожал плечами.

– А что тут скажешь? Нет, одна задумка у них очень даже неплохо получилась, не спорю. Но вот дальше… опять всё по шаблону пошло. Из десяти групп – семь лезут в здание через туалет! Понимаю, что удобно – окна разработанные, дверь все время не заперта… но думать-то головою нужно! Один раз сошло – ладно… Два, три… А дальше? Фокус со шваброй – его только одна группа разгадала, а с банкой – вообще никто. Вывести из строя освещение – сообразили две группы. Правда, в одном случае, ухитрились ещё и керосин с дежурных ламп слить – учили и такую вероятность. Про прочие хитрости – вообще молчу! И что? Как теперь с ними поступать? Не работает голова – хоть тресни!

– И какой же будет из всего этого вывод?

– К дальнейшему обучению рекомендую допустить шесть человек.

Вот список, – гость положил на стол лист бумаги.

– Из восьмидесяти пяти?!

– Да. Нормальный процент… В мое время – так ещё хуже было.

– М-м-да… Хуже. Куда уж ещё-то? И так курсантов всех персонально отбирали!

– По анкете?

– И по ней тоже.

Гальченко пожал плечами.

– Вы начальник – вам и решать.

Стукнула дверь, на пороге появился помощник дежурного.

– Товарищ старший майор! Вы распорядились насчет чаю…

– Давайте!

Боец поставил на стол горячий жестяной чайник с кипятком, на блюдечке разместился заварочный фарфоровый чайничек, рядом появились стаканы. Выйдя в коридор, помощник дежурного принес вазочку с печеньем и сушками, поставил на стол сахарницу и положил на блюдечко ложки.

– Угощайтесь, Александр Иванович, – кивнул хозяин кабинета. – Чем

богаты...

– Благодарствую! – гость плеснул себе в стакан заварки. – Надо будет вам китайского чая достать – там, знаете ли, такие штуки прекрасные бывают!

– Чай – это, конечно, неплохо... – отхлебнул из стакана начальник школы. – Но меня сейчас, в первую очередь, интересуют рабочие вопросы. Что с людьми делать будем? Где нам набирать новых курсантов, и кто это будет делать?

– Так я же предлагал! – всплеснул руками гость. – Давайте хоть деда Мишу послушаем – он ведь тоже на эту тему свои соображения имел.

– Разумно, – кивнул старший майор.

Нажав на кнопку звонка, приказал вошедшему дежурному пригласить инструктора по минно-взрывному делу.

Долго ожидать не пришлось – кабинет старого спеща находился в соседнем здании.

– Разрешите? – появился на пороге дед Миша.

– Милости прошу, Михаил Владимирович. Проходите, присаживайтесь... Чаю вот себе наливайте...

Пока сапер вдумчиво выбирал сушку поаппетитнее, Гальченко в двух словах ввел его в курс дела.

– Хм! А вы-то что хотели? – удивился Сиротин. – А ты, старый злодей, чего молчал?

Майор только руками развел.

– Все так и должно быть! – поднял дед палец к потолку. – Не подскажешь, знаток, кто там из французов высказывался на этот счет? Ну, относительно того, что...

– «Только преступник может поймать преступника»? Это? – вопросительно глянул на него Гальченко.

– Ну да!

– Эжен Франсуа Видок – создатель «Сюртэ Женераль».

– Во! А здесь кто курсантов отбирает? Отдел кадров? Небось, по анкетам смотрят да по рапортам начальства?

– И так тоже, – кивнул начальник школы.

– А то вы не знаете, как эти рапорта пишут! Когда нет видимых причин человека взад пинком поддать, однако ж, и терпеть его у себя – мочи уже нет. Вот его и задвигают – вверх! На повышение. А он, человек этот, вовсе к делу негодным себя и объявит! И кто виноват? Его прежний командир? А кому с того легче? Время ушло, силы – потрачены... а выхлоп – ноль! Нет, я не спорю, диверсанты их них выйдут! Да нам-то – вовсе не

они нужны! Этим – пущай другие занимаются. Поди, и без того желающих – вагон! Так?

– Так... – нехотя согласился старший майор. – Но мы-то что делать должны в такой ситуации?

– Искать надо таких людей. Вот он, – ткнул сапер пальцем в сторону Гальченко, – пусть и ищет. Знает ведь, как! Да и... иного кого... тоже поискать стоило бы...

– Ты про Часовщика? – нахмурился Проводник.

– А что – другой кто на примете есть? Он скольких распознал? А? Молчишь? То-то...

– Где же его сыскать-то? Так на дно залег... Управление кадров его уж как только не искало – без толку.

– Да уж – сумел! Мастерство – оно всегда видно! А ты подумай. Мозгой пораскинь. Сам ведь прятаться можешь. А вас всех – он и учил!

– Так он – мастер!

– А ты – школьник? Меня нашел ведь? А я и вовсе – в заграницах пребывал.

– Так и он...

– Не-е-е... Он привязанность сильную к вам всем имел! Вспомни, как и кого он особо обижаживал? Имелись же такие, я-то помню!

Майор поставил на стол пустой стакан.

– А ведь ты верно говоришь, старый! Было такое...

– Вот и рой!

Выдержка из справки, составленной Управлением кадров НКВД СССР

Молин Петр Степанович.

Год рождения – предположительно 1884.

Место рождения – дер. Жилино, Вятского уезда.

Примечание: при проверке записей в церковно-приходской книге обнаружено, что страница с записью о рождении Молина – отсутствует. По показаниям настоятеля прихода Лозовского П.А., таковая имелась, но он ничего не может пояснить о том, когда и при каких обстоятельствах она исчезла.

Родители Молина умерли в 1897 г. Дальнейшее воспитание получил в семье дяди Богрова Д.А, скончавшегося в 1904 г.

По имеющимся сведениям, в 1902 году Молин П.С. поступил на службу в Брест-Литовскую таможню, где и находился до

1905 г. Никаких дополнительных сведений об этом периоде его деятельности не имеется.

В 1905 г. откомандированывается в распоряжение Отдельного корпуса жандармов. По другим данным – переведен в Хабаровское управление пограничной стражи. Никаких записей об этом в архивах Отдельного корпуса жандармов или пограничной стражи не найдено.

В обнаруженном письме крестьянина дер. Жилино Агафонова Д.П. имеется запись:

«... А сиротам тем, что опосля пожара у Лямкиных остались, вовсе плохо стало. Но, погибло в огне хозяйство ихнее. Идти бы им по миру, но сельчанин наш – Молин Петька-то, помог. Денег дал да упросил народ за ними присматривать. И вдругорядь денег ишько присыпал. Что ему, поди, жандармам-то и платят нехудо, с таких-то доходов можно толику малую на дело доброе пожертвовать...»

В 1908 году Молин направлен в распоряжение генерал-квартирмейстера, о чем обнаружена запись в соответствующих документах.

Официальная причина – «обучение господ офицеров приемам и способам сокрытия вещей и бумаг, применяемых злоумышленниками при перемещении товаров и нелегальной почты через границу Российской империи».

В 1909 году фамилия Молина П.С. встречается в документах Отдельного корпуса жандармов с пометкой – письмоводитель.

В 1910 году – Молин П.С. официально зачислен в списки личного состава 137-го пехотного Нежинского Ее Императорского Высочества великой княгини Марии Павловны полка в звании подпоручика. Об этом свидетельствует приказ по полку, подписанный его командиром – полковником Острянским Николаем Максимовичем.

В 1914 году награжден орденом Св. Анны 4-й степени.

До 1915 года присутствует в списках офицеров полка, но никаких сведений о прохождении им службы не имеется. Сослуживцы по полку не помнят офицера с таким именем и фамилией.

В декабре 1915 г. штабс-капитан Молин П.С. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и исключен из списков офицеров полка. Приказ подписан командиром полка –

полковником Дроздовским Львом Антоновичем.

В дальнейшем никаких официальных документов о прохождении Молиным П.С. службы не имеется.

Оперативным путем установлено следующее:

1) Из воспоминаний бывшего сотрудника царской разведки – подполковника Остроумова Д.П.

«А учил нас всяким хитростям, которые контрабандисты и прочая шушера применяет, интересный такой человек. Звали его Петром Степановичем, фамилии нам не сообщали. Однако же между собою называли его наши преподаватели „часовщиком“. По слухам, мастер он в этом был чрезвычайный! Любые часы, да и вообще – какой угодно механизм, мог разобрать и починить. Часы многим ремонтировал, это да. Привычка у него имелась – ставил он на таких часах маленькую букву „М“. Внизу, на циферблате, около цифры 6. И ходили те часы долго...»

2) Из материалов о ликвидации бандгруппы есаула Родионова Н.Г.

«При осмотре личных вещей убитого главаря банды, были обнаружены часы фирмы „Мозер“. На задней крышке часов имеется надпись, свидетельствующая о том, что указанные часы были заказаны генералом Кутеповым в 1924 г. и тогда же подарены Родионову. На циферблите часов, внизу, около цифры „6“, черным красителем нарисована буква „М“...»

– Что вы на это скажете? – дождавшись, когда Сиротин положил на стол бумаги, поинтересовался начальник школы.

– То и скажу – здесь он.

– Но как же так? Часы подписаны именно им – на фото видна буква «М». Часы сделаны за границей, в 1924 году. Тогда же или чуть позже попали в руки к Молину... Он был в это время там же! Какие у вас имеются основания утверждать обратное?

– Вот всегда так... – покачал головой сапер. Повернулся к Проводнику. – Ты же заметил уже, не прикидывайся! Давай, излагай! Я так связно не умею.

Тот смущенно кашлянул.

– Видите ли, уважаемый Михаил Николаевич, а ведь именно этих-то материалов я и не читал! В смысле – в полном объеме. А так – и раньше бы среагировал.

– Да на что же?

– На это... – палец майора отчеркнул строчку. – Прочтите...

– «...При проверке записей в церковно-приходской книге, обнаружено, что страница с записью о рождении Молина – отсутствует. По показаниям настоятеля прихода Лозовского П.А., таковая имелась, но он ничего не может пояснить о том, когда и при каких обстоятельствах, она исчезла...»

– Ну и что? Это давно известно...

Оба инструктора переглянулись, сдерживая улыбки.

– Именно так, – кивнул Гальченко. – И настолько очевидно, что никто даже не удосужился спросить себя – а зачем убегающему за кордон офицеру тайком уничтожать именно эту страницу? Чем она ему мешала?

– Ну... – озадаченно нахмурился старший майор. – Да... черт его знает!

– А никто не поинтересовался – один ли ребенок родился в семье? Были ли у Молина братья и сестры?

– Э-э-э... думаю, что нет, не интересовались. Я выясню...

– Не нужно! – отмахнулся рукою сапер. – Это известно. Была у него сестра – Анечкой звали. Красивая такая девушка – я фотокарточку видел. Вот её-то он и прятал.

– Но зачем? Что ей могло угрожать?

– «Часовщик» был очень к ней привязан. Берег и защищал. У неё случилось несчастье – ногу повредила и ходить долгое время не могла. Так и осталась хромоножкой навсегда. Так он её выгуливал, в театры вывозил, в синематограф, когда очередную новую фильму крутили. Нет, Михаил Nikolaevich, Анечку Степаныч не бросил бы!

– Ну... хорошо... Согласен! Мало ли у нас в стране симпатичных хромоножек? Думаю, что, как минимум, несколько тысяч – можно отыскать довольно быстро! В одной только Москве. И что прикажете с ними делать? Расспрашивать каждую о пропавшем брате-жандарме? Смеетесь?

– Нет! – поднял руки перед своим лицом Гальченко. – Незачем... Мы и так уже знаем – где его искать!

– Тоже в документах нашли?

– Угу! – энергично закивали головами оба инструктора. – В них...

– Да их же уже просматривало огромное количество людей!

– Совершено верно – просматривали, – согласился майор. – Но надо-то было – читать!

Сбитый с толку начальник школы озадаченно на него взирался.

– Вот их, – отчеркнул ногтем ещё один абзац в тексте Гальченко, – искал хоть кто-нибудь?

Проследивший за его пальцем Чернов остановил глаза на бледной

строке документа...

«... А сиротам тем, что опосля пожара у Лямкиных остались, вовсе плохо стало. Бо, погибло в огне хозяйство ихнее. Идти бы им по миру, но сельчанин наш – Молин Петъка-то, помог. Денег дал...»

– Они все росли в одном селе. И сестра «Часовщика», когда приезжала летом в деревню, всегда принимала в их воспитании самое горячее участие! Да они и жили в доме Молиных! – поднял палец к потолку Сиротин. – Их-то – сгорел дотла! Он сам мне об этом и рассказывал тогда, смущался. Казалось ему, что неправильно как-то они оба поступают... Больше можно было бы сделать, да... А у Степаныча в селе был авторитет... как же – офицер! Так что, товарищ Чернов, надо искать эту семейку! Где-то там рядом и «Часовщик»...

Нарком внутренних дел поднял глаза от документа.

– А что вы, товарищ Чернов, думаете по этому поводу?

– Своё мнение, товарищ народный комиссар, я уже изложил в рапорте...

– Я прочел, – кивнул Берия. – Вы не снимаете с себя ответственности – это похвально. Да. Но в данный момент – меня интересует совсем другой вопрос... Я склонен поддержать мнение ваших инструкторов. Они оба – люди знающие и опытные. Но где у нас гарантия, что их метод поиска и подготовки людей – есть наилучший? У вас, товарищ Чернов, такая уверенность есть?

Нарком предостерегающе поднял палец, предупреждая ответ собеседника.

– Нэ торопись дорогой! Подумай, Михаил Николаевич – я никого не подгоняю.

Собеседник на секунду замер, сосредотачиваясь.

– Уверен, товарищ народный комиссар.

– Добро! – кивнул Берия. – Тогда – тебе и карты в руки, работай! О результатах – доложишь лично!

Проводив взглядом посетителя, нарком некоторое время барабанил пальцами по столу. Потом надавил кнопку.

В дверях почти бесшумно материализовался секретарь.

– Найдите мне этого доцента... как там его... Благова.

Аппарат НКВД сработал быстро – уже через два часа тот, чья фамилия только что прозвучала в кабинете, сидел напротив стола, ерзая на удобном, но в данный момент – весьма неуютном, сиденье стула. Не каждый день приглашают к таким людям...

– Да вы чай пейте, – покровительственно сказал хозяин кабинета. – Лимон кушайте – это свежий, хороший – где ещё такой найдёте?

– Спасибо, товарищ народный комиссар.

– Да не за что, – благодушно кивнул Берия. – Я вас, собственно говоря, зачем позвал?

– Даже и предположить-то не могу…

– А всё просто! Вот это, – нарком выудил из ящика стола тонкую папку с красиво оформленной обложкой, – ваша работа?

Доцент кивнул.

– Моя…

– Вот! – удовлетворенно кивнул хозяин кабинета. – Об этом-то мы и поговорим… не спеша.

Он раскрыл папку и выложил на стол несколько листов бумаги.

– Признаться, я с некоторым удивлением это прочёл… Не то, чтобы вы писали здесь совсем уж невозможные вещи, нет. Кое в чём я даже с вами согласен. И выкладки ваши – тоже весьма интересны, да… Но вы ведь не имели доступа к личному составу воинских частей?

– Имел. Глеб Иванович, в свое время, распорядился на этот счет. И даже документ соответствующий выдал.

Берия заинтересованно приподнял бровь.

– То-то я и смотрю… Хм! Понятно теперь, откуда у вас такие данные. А приказом он это не оформил, да… Ну да ладно! Не про то разговор! У меня к вам есть конкретный вопрос!

– Слушаю вас, товарищ народный комиссар.

– Вас негласно, разумеется, прикреплят к группе весьма интересных товариществ. Нет, это не враги! Это наши сотрудники, выполняющие определенную работу. Мне хотелось бы, чтобы вы, используя свои наработки, попытались проанализировать тех людей, которых эти товарищи станут отбирать для своих целей. Насколько они соответствуют вашим критериям? Чем именно руководствуются наши сотрудники, отдавая предпочтение тому или иному кандидату? Мы в таком серьёзном деле не можем всецело зависеть от каких-либо личных впечатлений – данную работу необходимо поставить на строго научную основу! Вы согласны?

Доцент кивнул.

– Разумеется, товарищ народный комиссар, я приложу все свои усилия! Но… как и в каком качестве я буду там присутствовать? Да и на службе…

– Не ваша забота! С вашим директором никаких проблем не возникнет – ему позвонят. А вот с участием в группе – подумаем. В любом случае –

это вас волновать не должно. С вами постоянно будет присутствовать наш сотрудник – старший лейтенант госбезопасности Коротаев. Все вопросы – к нему. Всё ясно?

– Да, товарищ народный комиссар.

– Как много времени требуется на сборы? Вам будет нужен ещё кто-нибудь из сослуживцев?

– Разве что... стенографист не помешал бы. Писать много приходится, а у меня пальцы обморожены ещё в детстве, медленно это получается.

– Это решим. Ещё что?

– Да... всё вроде бы...

– Вы женаты?

– Да... но какое это имеет отношение к...

Нарком нажал кнопку звонка – на пороге появился секретарь.

– Коротаева ко мне! Прикрепить семью товарища Благова к нашему спецраспределителю. На время его командировки они ни в чем нуждаться не должны.

– Нас только двое... – смущенно пробормотал доцент.

– И что? Ваша жена работает?

– Да, воспитательницей в детском саду.

– Понятно. Отправляйтесь домой, готовьтесь. Выезд – завтра, в девять часов утра. Жене скажете – служебная командировка. Все остальное ей объяснят наши сотрудники, которые станут привозить паек. Не задерживаю вас более.

С появившимся через несколько минут старшим лейтенантом Берия был немногословен.

– Опекаете товарища Благова. Оказывать ему всевозможное содействие и помочь – какую ни попросит. Все инструкции получите сегодня, к восемнадцати часам. После прочтения – пакет вернуть курьеру. Вопросы есть?

– Нет, товарищ народный комиссар.

– Имейте в виду – товарищ Благов, хоть и работал с нашим ведомством ранее, многое попросту не знает и не понимает. Не стесняйтесь ему подсказывать – это нормально.

– Ясно, товарищ народный комиссар.

– Официально вы представляете ХОЗУ НКВД. На время командировки получите соответствующие документы и официальное предписание. Все вопросы, от кого бы они ни исходили – туда! На месте будут знать – что и кому ответить. Выезд завтра – в девять часов, машина прибудет за вами к

восьми. Забираете товарища Благова – и в путь! Всё – больше вас не задерживаю.

Когда за Коротаевым закрылась дверь кабинета, нарком снова придвинул к себе папку.

– Вот, значит, как... Ай, да товарищ Бокий! Хитрован ты наш... На чем сидел! И ведь ни словом не обмолвился!

Совершенно секретно
Начальнику УНКВД
Ярославской области
Капитану госбезопасности
Тов. Носову М.А.

Приказываю Вам, под вашу личную ответственность, оказать всемерное содействие специальной группе ГУГБ, выполняющей задание особой важности в г. Ярославле. Обеспечить группу автотранспортом и создать условия для нормальной работы. Прикрепить постоянного сотрудника для решения возникающих в процессе этой работы задач. Обо всех непредвиденных ситуациях, связанных с деятельностью группы, докладывать мне лично.

Начальник Главного управления
государственной безопасности НКВД СССР
комиссар государственной безопасности 3-го ранга

Меркулов В.Н.

– Вот что, Петр Федорович, – Коротаев закончил осматривать выделенное группе помещение и присел на стул. – Нам с вами работать долго, поэтому вы уж как-то сориентируйте меня в основных вопросах.

– Олег Дмитриевич? Я ничего не перепутал? – присев на другой стул, в свою очередь поинтересовался доцент.

– Всё так.

– А разве товарищ нарком вас не информировал подробно? Мне – так целую инструкцию прочли!

– Он дал мне ориентировку на наших фигурантов и предупредил, что я всегда, в любое время дня и ночи, обязан быть в курсе того, что они делают и где находятся. Разумеется, это касается и вас – данную информацию я должен предоставлять вам постоянно. Сообщать об их контактах –

служебных и внеслужебных. Опрашивать, при необходимости, людей, с которыми они станут контактировать. Выполнять все ваши поручения, касающиеся их деятельности. Так вот, мне хотелось бы, пусть и в общих чертах, понимать характер этих поручений.

– Угу... – Благов почесал переносицу. – Да здесь, в общем-то, нет никаких особенных секретов... Мне необходимо понять – кого и по каким требованиям они отберут. Понять характер этих требований и критерии, которыми они руководствуются.

– Для чего?

– Они ищут курсантов. Для последующего углублённого обучения в соответствующей школе.

– На кого? В смысле – на разведчика, на оперуполномоченного или ещё на кого-нибудь? Тут не праздный вопрос – для этого люди разные нужны. Разведчик – он незаметным быть должен, двухметрового амбала туда не возьмут...

– А вот не факт Олег Дмитриевич! Совсем не факт! Разведчик – он разным быть может. И двухметровым амбалом – очень даже запросто! Впрочем, не будем пока вперед забегать...

Заместителю начальника УНКВД
Ярославской области
Старшему лейтенанту ГБ
Тов. Макарову А.П.

P a n o r m

Докладываю Вам, что сегодня, ... 1941 г. в 09.35 мною, сержантом ГБ Акулиничевым Р.В. была организована установка наблюдения за объектами, согласно ориентировке 13/04.

Оба объекта прибыли московским поездом, в вагоне № 6, как и было указано в ориентировке. Словесным портретам и фотографиям – соответствуют. Сразу же по прибытии, оба направились в городской отдел ЗАГС, где один из них (на фото № 2), именуемый в дальнейшем – объект «Молодой», предъявив служебное удостоверение НКВД на имя майора ГУГБ Гальченко Александра Ивановича, потребовал ряд материалов по учету граждан. С присоединившимся к нему вторым наблюдаемым (фото № 1, объект «Борода») они около трех часов изучали

переданные им материалы.

Вернув документы ответственному за это сотруднику ЗАГС (Тринкиной В.П.), объекты проследовали в ресторан, расположенный поблизости от отдела ЗАГС, где оставались около часа. Ими был заказан обед. Воспользовавшись обстановкой мл. оперуполномоченный Теркин О.Я. расположился за соседним столиком, пытаясь услышать о чем беседуют оба наблюдаемых. Попытка успехом не увенчалась – в зале играла музыка, и разговоры объектов были ею заглушены.

Выйдя из ресторана в 14.45, наблюдаемые проследовали в городской отдел народного образования. Ввиду малочисленности посетителей в отделе, продолжить негласное наблюдение не представилось возможным. В 17.11 оба объекта проследовали в гостиницу, где ими ранее был заказан номер (о чем имелось указание в ориентировке). До нашей смены в 20.00 никто из них гостиницу не покидал.

Начальник отделения 3-го спецотдела
УНКВД Ярославской области
Лейтенант госбезопасности

Фатеев И.С.

Прошло два дня с момента прибытия обоих визитеров. За это время никто из них не сделал ни малейшей попытки уйти от наблюдения или как-то показал, что указанное наблюдение ими обнаружено. Благов, читая рапорта оперативников, недоумевал. Не в меньшей степени был озадачен и его прикрепленный. Из имевшихся у них материалов можно было сделать вывод о том, что, как минимум, один из прибывших был высококлассным специалистом именно в области выявления постороннего негласного наблюдения. И неоднократно это подтверждал в самых разных условиях.

Но сейчас...

Действия этой парочки развивались словно по одному и тому же сценарию. С утра – ЗАГС, потом – ресторан и городской отдел народного образования. Доцент затребовал список изучаемых ими материалов – и только присвистнул! Даже если поверхностно проверить тех людей, чьи данные интересовали прибывших, на это уйдет совершенно непредсказуемое количество времени. С абсолютно неясным результатом.

А гости – работали.

Перелистывали бумаги, делали выписки... и никак не проявляли своей заинтересованности в ком-либо. Но ведь что-то же они нашли?!

Обстановка внезапно изменилась на четвертый день.

В двери комнаты, где, изучая списки, сидел у стола Благов, решительно постучали.

– Олег Дмитриевич? – поднял доцент взгляд от стола, – Мы что, кого-то ждем сейчас?

– Нет... – мотнул головою старший лейтенант. – Местные... только вечером рапорта принесут, а сержант Горшков – тот в булочную отбежал, я отпустил... хлеб у нас закончился, кстати говоря!

– Как это? – удивленно поднял бровь Благов. – Утром ещё был!

Энкаведешник смущённо кашлянул.

– А... простите, не подскажете мне, чья это привычка – от буханки корочки отъедать? В то время как вы над бумагами этими сидите?

– Г-х-м-м! Ну... а это...так, по привычке... надо же, чтобы и руки при делах находились. А то дай им волю...

Коротаев усмехнулся.

– Да ладно вам, смущаться-то... Пойду встречу нашего гостя.

Гостем оказался заместитель начальника управления. По его внешнему виду было понятно, что он чем-то изрядно озадачен. Едва сев за стол, он с ходу спросил:

– Товарищи, я, конечно, понимаю, что у вас своё задание, но...

– Да в чём дело-то, Александр Павлович? – удивленно поднял бровь доцент. – Мы вам чем-то помешали?

– Нет. Тут другое. Помните, в первый день один из ваших подопечных предъявил в ЗАГСе удостоверение?

– Было дело.

– Так вот! Гальченко Александр Иванович – находится во всесоюзном розыске! Как особо опасный преступник! Сегодня только удалось найти эту ориентировку. То-то мне эта фамилия знакомой показалась...

– Постойте-постойте... Но ведь мне сам нарком приказал наблюдать именно за ними! – в свою очередь удивился Коротаев. – Что вы уже успели сделать?

– Ничего. Наблюдение удвоили, подготовили сотрудников для задержания. Пока все.

– В Москву доложили?

– Да, перед самым выездом к вам послали спецсообщение. Ответа пока нет.

Москва

НКВД СССР

Кабинет наркома

– И как такое могло выйти? – Берия поднял глаза от документа. – Вы проверили?

– Да, Лаврентий Павлович. Действительно, Гальченко Александр Иванович проходит по ориентировкам. За убийства и разбойные нападения. Ранее судим.

– Хм, так это, стало быть, меня самого в этом винить надо? Это же я ему такое имя придумал... А отдел кадров куда смотрел, когда документы ему выписывал?

– Так он по милицейской ориентировке проходит, ещё три года назад объявили в розыск. Вот глаза-то и замылились... – развел руками Меркулов. – Не могут же они всех преступников на память знать?

– Ну это-то ладно! Поправим. Фамилию оставим, а имя-отчество заменим, дело привычное. Там, в Ярославле, ничего ещё по этому поводу натворить не успели?

– Ждут приказа.

– А у Благова что?

– Не понимает он пока ничего. Нет в действиях инструкторов никакой системы.

– И Коротаев тоже? Неглупый ведь оперативник, я к нему давно присматриваюсь.

– Ему тоже ничего непонятно.

– Так-так-так... – повертел в руках карандаш нарком. – Интересно выходит... Вот что, Всеволод Николаевич, поступим мы следующим образом...

В этот день, как и во все предыдущие, московские гости не изменили своим привычкам. ЗАГС, ресторан... далее все по-прежнему.

Но уже после ресторана, опергруппа УНКВД плотно обложила все возможные пути отхода гостей. Предусмотрели и вовсе экзотические – типа прыжка в окно с третьего этажа. Мало ли... их предупредили, что оба клиента – люди весьма и весьма неординарные. Однако же при этом категорически запретили применять табельное оружие – в любом случае!

— Руки-ноги у вас есть — и хорош! — недвусмысленно прокомментировал этот приказ заместитель начальника УНКВД. — Чему-то вас всё это время учили ведь? Вот и покажите класс!

Войдя в здание отдела народного образования, старший группы задержания встретил там наблюдателя, которого выставили на данный пост загодя. Наблюдатель, проходя мимо, кивнул на лестницу — значит, второй этаж...

И действительно, оба гостя обнаружились в коридоре второго этажа. Тот, что помоложе, уселся на жестком диванчике в начале коридора. А второй, смоля папироску, устроился возле подоконника распахнутого окна. Кроме них двоих в коридоре находился всего один визитер — пожилой благообразный мужчина, ожидавший своей очереди около одного из кабинетов.

Бесшумными тенями скользнули вдоль по коридору оперативники, блокируя всех троих.

— Гражданин Гальченко? — навис над более молодым гостем старший группы задержания.

— Допустим. А вы, простите, кто таков будете?

— Ярославский уголовный розыск! Оперуполномоченный Синякин! Попрошу ваши документы!

— Пожалуйста... — в руке сидящего на диванчике человека материализовалась красная книжечка.

— Гальченко Александр Иванович... майор ГУГБ?

— Там так написано, — наклонил голову гость.

— И все же, гражданин Гальченко, я попрошу вас проследовать со мной!

— Куда?

— Не понятно?!

— Нет.

— В уголовный розыск! Вы задержаны!

— На каком основании? — гость был абсолютно невозмутим.

— Там объяснят! Попрошу ваше оружие!

Майор левой рукой оттянул в сторону полу пиджака — блеснул металл пистолета.

— Сами возьмёте?

— Климаков! — кивок старшего группы — Обеспечь!

Оружие перекочевало в карман оперативника.

— Встать! Руки за спину! Вперед!

Гальченко обменялся коротким взглядом со своим спутником. Тот кашлянул, привлекая к себе внимание.

– В чём дело? – покосился на него Синякин.

– На каком основании произведен арест? – в руках второго гостя мелькнуло служебное удостоверение.

Старший группы внимательно его просмотрел.

– Вы вместе?

– И всё же?

– Не арест – задержание. На данного гражданина имеется ориентировка. Если вам это так интересно – обратитесь к моему руководству. Предупреждая возможные претензии с вашей стороны, скажу – задержание согласовано с руководством УНКВД Ярославля.

– Всенепременно! – кивнул пожилой. – Ко мне есть какие-нибудь вопросы?

– У меня – нет! А вот у вашего руководства вполне могут и возникнуть! Это вы уж сами у себя разбирайтесь.

– Ответим... – не смутился пожилой.

– В таком случае – всего вам доброго!

Топот ног – и вся компания оперативников покинула здание, уводя с собою задержанного.

– Петр Федорович! Ну что вы, как тигра по клетке, туда-сюда все мечетесь? – Коротаев с укоризной взглянул на вышагивающего по комнате доцента. – Присядьте, отдохните, наконец!

– Олег Дмитриевич! Вы не понимаете...

– А вы?

– И я... оттого и места себе не нахожу!

– То есть?

– Мне реакция майора непонятна! Задержание было произведено со всеми возможными нарушениями, грубо и нарочито показушно – а он и бровью не повел! Ни слова не возразил – отчего? Вот скажите – вас милиция смогла бы задержать?

– Сотрудника ГУГБ?!

– Вот именно! А Гальченко – промолчал! Не стал на этом внимание заострять. Правда, и это было предусмотрено – оперативники УНКВД ждали на лестнице. Его в любом случае задержали бы... Да и напарник его – тот вообще себя странно повел, почему?

– Он, кстати говоря, и в УНКВД не пришел до сих пор.

– Вот! И этого – я тоже никак понять не могу!

Ярославль

Кабинет заместителя начальника УНКВД

– Присаживайтесь! – хозяин кабинета привстал со своего места и указал вошедшему на стул.

Гальченко скептически осмотрел его и, не торопясь, уселся.

– За дверью обождите, – кивнул замначальника конвоирам.

Обождав, когда за ними закроется дверь, он повернулся к своему гостю.

– Итак,уважаемый, слушаю вас.

– В смысле?

– То есть?

– Простите, но я к вам в гости не напрашивался. Меня задержали, привели к вам, что странно. Ибо изначально заявили, что задерживают по ориентировке уголовного розыска. Стало быть, у вас есть вопросы. Так и задавайте их...

– Ну, относительно розыска.... Тут все просто. Был бы у вас при себе паспорт – так и сидели бы там. А с таким удостоверением... это уж, согласитесь, наша епархия.

– Логично. Итак?

– Вы, действительно, Гальченко Александр Иванович?

– Перед вами мои документы лежат... там все предельно ясно указано. Да, я Гальченко. Александр, отца Иваном звали.

– Ознакомьтесь... – хозяин кабинета протянул гостю лист бумаги.

– И кто у нас тут? Ага, разыскивается... ого – грабитель и разбойник, даже так? Александр Иванович, угу... рост, волосы... особых примет нет.

Майор с интересом рассмотрел фотографию. Увы, но качество снимка оставляло желать лучшего. Опознать по нему разыскиваемого как сидящего сейчас на стуле человека можно было только после двух-трех стаканов, не раньше.

– Ну, фото тут, мягко говоря, сомнительное...

– Уже сообщили, ждем другого. А по остальному – что скажете?

– Чушь. Ошиблись ваши товарищи. По таким приметам можно первого встречного задержать – сойдёт.

– Ой ли?

– Вот что, Александр Павлович. Не удивляйтесь, я же должен знать,

кто тут всеми делами ворочает. Вы свое задание выполнили. Хреновато, но уж как есть. Если вам ещё за каким-то чертом надо меня тут продержать – валяйте. Но! – майор поднял палец. – Спецсообщение вы отправить должны!

– Куда это? И с какой вдруг радости?

– Я скажу. А вот вы – подумайте. И прикиньте, стоит ли его задерживать.

– Ну-ну...

– Москва, ГУГБ, старшему майору Чернову М.Н. Задание выполнено, объект найден, дал свое согласие на дальнейшую работу.

Хозяин кабинета повертел в руках карандаш.

– Всё?

– Да. И – заодно. То, как работают ваши топтуны, это даже не два! Я бы и кол им не поставил – слишком высокая оценка! Сесть за соседний столик и уши в сторону объекта навострить – это кто же у них там такой умный выискался? Кстати, гостям вашим, тем, что по нашу душу прибыли – тоже неуд. У вас что, негласных сотрудников нет? Обязательно было им своих штатных оперов подставлять? Как ещё вывеску на дом не прикрепили – для наглядности! И кто вас тут только учил...

А тем временем...

Услышав стук в дверь, Коротаев прервал разговор и поднялся.

– Ну вот, не иначе как новости какие-то подоспели!

И он оказался прав!

Новости материализовались в виде вошедшего в комнату человека – одного из тех, за кем уже несколько дней наблюдали оперативники УНКВД.

– Честь имею! – гость вежливо наклонил голову. – Увы, с вами лично не знаком, поэтому по имени-отчеству не называю.

Опешивший Коротаев растерянно замер на пороге.

Неловкую паузу разрядил доцент.

– Проходите, Михаил Владимирович, присаживайтесь. Позвольте представиться – Благов, Петр Федорович. Доцент.

– И по каким наукам специализируетесь? – опустился на стул старый сапер.

– Психология. Некоторые аспекты развития и формирования человеческого мышления.

– Уважаю, – наклонил голову визитер. – Всегда с почтением к ученым людям относился. А сей молодой человек, надо думать, приставлен к вам от нашего богоспасаемого ведомства?

– Старший лейтенант Коротаев, – нашелся, наконец, тот. – Но как вы нас нашли?! Вы же никуда не выходили из номера?!

– Уметь надобно, молодой человек! – назидательно поднял палец к потолку Сиротин. – Раз уж судьбе угодно было вас свести с таким мастером, как Александр Иваныч – учитесь!

– Да уж,уважаемый, уели вы нас по всем статьям, признаю, – почтительно наклонил голову доцент. – Но... каким же образом? Не скрою, инициатива в этом деле исходила, естественно, не от меня, и в том, что с вами произошло ни я, ни товарищ старший лейтенант, никоим образом не повинны. Все указания исходили свыше. Мы – всего лишь исполнители.

– Да это-то мне понятно! – отмахнулся Дед. – Вы бы, коли у вас такая возможность имеется, дали знать туда, что пора эту комедью заканчивать. Делом заниматься надобно, а не хороводы вокруг друг друга водить. А уж по всякой вашей науке – так и после побалакать можно.

Впрочем, сообщение Благова послужило лишь дополнительным аргументом – приказ о прекращении операции пришел уже через час...

Управление «В»

Кабинет начальника разведшколы

– Ну-с, все у нас в сборе? – старший майор Чернов обвел взглядом кабинет. – Насчет чаю я распоряжусь, а там и обед скоро подоспеет. Новостей у нас много, так что начнем по порядку. С вас, товарищ майор!

Гальченко приподнялся со стула.

– Да вы сидите, мы сейчас не на приеме у наркома-то, – махнул рукой начальник разведшколы. – Разговор у нас предполагается долгий, а в ногах правды нет...

Проводник уселся на место.

– Ну, раз так... Наблюдение мы обнаружили практически сразу, как только с поезда сошли. Стандартная ошибка – они перекрыли все выходы с перрона, чтобы мы не смогли уйти в город незамеченными. И в этом – был их промах!

– А как же они должны были поступить? – подал голос один из преподавателей, сухощавый человек лет тридцати. Как раз эта тематика и являлась его задачей.

– Все просто. Местные знали время нашего прибытия и, как я теперь понимаю, пункт назначения – ЗАГС. Обо всем этом никто, кроме руководства управления, не был осведомлен. Соответственно, вышестоящее управление в Москве тоже было в курсе дела. Значит, это, скорее всего, указание оттуда. Ну, так и подсадили бы в поезд своего человека! Он бы на нас и навел, когда мы в город вышли! Или у ЗАГСА ждали бы – его никак нам не миновать. А так... Утро, народу немного – и несколько человек изображают праздношатающихся на пустом перроне. Это в рабочий-то день? В Москве или Ленинграде – сошло бы, а в Ярославле? Первый звонок. В ресторане за соседний столик человек подсел – зачем? Спиной к нам и лицом к солнцу, что в окно светило! Он загорать собрался или что? Второй...

– Ясно.

– А как же вы товарища Молина нашли? – поинтересовался начальник разведшколы.

– А его никто и не искал! – Гальченко посмотрел на ухмыляющегося пожилого человека, сидевшего рядом с Дедом. – Понятно было, что уж если за столько лет не нашли, так и пробовать незачем. Искали братьев

Ляминых – трое их должно было быть. Нашли двоих, а вместе с ними – и сестру! Которой, откровенно говоря, в природе-то и не существовало никогда. Быстро и место работы установили – МТС. Прошли по цепочке – благо что все бумаги в ЗАГСЕ имелись. Закончили братья ФЗУ, там же – в Ярославле. А вот уже в самом ФЗУ и обнаружился интересный человек – Мольнар Петр Степанович, мастер производственного обучения. Тут уже пришлось ехать в горону и изобретать предлог для того, чтобы означенный товарищ прибыл в данное учреждение. Отыскали и такой – правда, вместе с ним и директора вызывать пришлось... но это уже мелочи... Кстати, когда за нами бравые опера явились, Петр Степанович там же, в коридоре, и сидел.

– А как вы установили местонахождение товарища Благова?

– Вообще без проблем... – пожал плечами майор. – Тут уже я все просчитал. Ясно, что должен был кто-то из центра за всем этим стоять. Должны обязательно контролера на место выслать – это уже азы оперативной работы, чай не урку какого-то пасут, а двух серьезных спецов! И сидят эти ребятки точно не в здании управления – не станут их светить. А вот кого-то из местных оперов – прикрепят обязательно. Петр Степанович и проследил... А дальше... сами знаете.

– Так просто? – недоверчиво переспросил преподаватель.

– Если знать – как! – поднял вверх палец Гальченко. – Тогда и впрямь – ничего сложного.

– Ладно! – подвел итог начальник школы. – Это уже в рабочем порядке разберемся. Если никаких особых вопросов ни у кого нет, то двигаемся дальше. Петр Федорович, прошу!

Благов встал и слегка растерянно осмотрелся.

– Прошу любить и жаловать – доцент Благов, – старший майор сделал ему знак присесть. – С сегодняшнего дня возглавляет отдел обеспечения учебного процесса. Это указание наркома, так что попрошу оказывать Петру Федоровичу всеверную поддержку. Он в наших делах пока не до конца ещё разбрался, поэтому вопросы будет задавать часто. Кто-нибудь хочет что-то спросить?

Таковых не нашлось.

– В таком случае, товарищи, попрошу остаться Гальченко, Мольнара и Сиротина. Все остальные – по распорядку!

Когда кабинет опустел, Чернов вышел из-за стола и присел на стул напротив Степаныча.

– Петр Степанович, теперь – к вам. Согласно распоряжению наркома, вы зачислены в штат управления с присвоением звания капитана

госбезопасности. Фамилия и имя – прежние, тут у вас, насколько я в курсе дела, возражений нет?

– Нет.

– Отлично. Тогда вернемся к вашему предмету. Как он назывался ранее?

– Изучение и оборудование мест тайного хранения документов и вещей, потребных для обеспечения успешной деятельности. Устройство и оборудование систем механической и электрической охраны, методы их отключения и бесшумного преодоления. Маскировка укрытий и систем охраны. Если кратко – то таким вот образом.

– Хм... Это у вас называется – кратко? М-м-м...а если – оперативная маскировка?

Инструктор пожал плечами.

– Сути дела это ведь не меняет?

– Нет.

– Пусть будет оперативная маскировка.

– Вам что-то требуется? Оборудование какое-то... может, к помещению требования особенные будут?

– Вот список, – Степаныч положил на стол несколько листов бумаги. – Чертежи помещения. Перечень необходимых работ.

– Так-так-так... – Чернов подхватил бумаги со стола. – Хм? А ведь это уже давненько написано – чернила-то повыцвели!

– Три года назад. Я же понимал, что такой вопрос встанет перед вами рано или поздно...

Старший майор только головою покачал.

– А теперь, товарищи, у меня к вам всем вопрос! У нас за окном сентябрь. А уже к маю мы должны показать результаты своей работы! Успеем?

Инструктора переглянулись.

– А конкретнее можно? – выразил общий вопрос Гальченко.

– Три рабочие группы по пять человек. Готовить с прицелом на возможную легализацию.

– Где?

– На территории СССР, район западной границы.

– Профиль работы?

– Разведка, негласное наблюдение, связь. При необходимости – проведение силовых акций. Вероятный противник – агентура заграничных разведок и националистическое подполье. Работа автономная, без опоры на территориальные органы НКВД.

– Прибалтика, Украина, Белоруссия?

– Прибалтикой будут заниматься другие люди.

– А оппоненты наши кто будут? Немцы, румыны?

– Немцы. Сколько человек у вас есть сейчас?

– Девять, – после некоторого раздумья ответил Гальченко. – Чтобы совсем готовых – девять.

– А ещё семерых где брать будете?

Вместо ответа Степаныч положил на стол ещё один лист бумаги.

– Что это? – начальник разведшколы поднял бумагу. – Кто эти люди?

– За доцентом вашим ходили... – буркнул сапер. – Сам Степаныч их и готовил...

– К чему же?

– К войне, товарищ начальник... к чему ж ещё-то? Мы всегда к ней готовимся – и всё одно она каждый раз кирпичом на башку падает... – пожал плечами Мольнар. – Год я с ними колобродил... так чтобы никто ничего даже и не заподозрил. Мол – солдат будущих учу! Начальство одобряло, даже почином это признали, на доску почета повесили...

– Солдат... не нелегалов же!

– За полгода понатаскаем – не в заграницу же им ехать, дома... привычное всё. А уж стрелять да башку крутить – это к нему! – кивнул Степаныч на Проводника. – Здесь – он мастер! Всякие механические премудрости – тут они иного инженера за пояс заткнут, отвечаю! Всякие кружки военные – давно уж этап ими пройденный. Взрывать – вон у вас деятель сидит, равных ему не ведаю.

– А как на это отдел кадров посмотрит? С гражданки ведь людей берём!

– Это вы правильно сказали – людей! Нешто в армию иной кто попадает? И не с гражданки приходят? Вам, товарищ старший майор, кто надобен? Грамотный специалист – или идейно выдержаный?

– А что, вместе – так не бывает?

– Бывает, – кивнул старый преподаватель. – Только гораздо реже, чем вам этого хочется. Правильно вы сказали – нет у нас времени... некогда искать.

– Ладно, с кадрами... решим. Но – здесь всего трое! Где остальных будем брать?

– Поищем... да и доцент ваш – он ведь тоже тут зачем-то появился, так ведь?

– Так.

– Он ведь здесь по научной части будет? Если я все правильно понял?

Будет нам помогать какими-то своими хитрыми штучками?

– Ну... можно и так сказать. Курсантов наших изучать станет. С тем чтобы в последующем выработать какую-то единую методику подбора возможных кандидатов.

– Вон оно как... Ну... пусть попробует, глядишь, чего и выйдет дельного.

Чернов покатал в руках карандаш.

– Вот что, господа офицеры... Я вас, конечно, понимаю... да, серые мы и многих вещей пока не умеем. Что поделать, не нашлось у нас таких учителей. Оттого и ляпы обидные допускают наши сотрудники, промахиваются. Про ваши похождения, Александр Иванович, впору уже отдельную книгу писать. И тому, как вы наших сотрудников мордой в это самое потыкали – немалая её часть отведена будет. Впрочем, тут про каждого из вас такое отыскать возможно, не особо даже и напрягаясь. Всё так! Было! Гордиться нам тут нечем, признаю. Но! – карандаш в его руках хрустнул, разламываясь на две половинки. – Война скоро... Да вы и сами это хорошо чуете, оттого и пришли. К нам пришли. Никого силком не волокли, все вы сами на это подписались. И мы тоже это понимаем. Вы стране этой присягали – и я присягал. И опасность нас ожидает – общая для всех. Враг разбирать не станет – советский командир или царский офицер – оба они русские. Так что, дорогие вы мои, давайте-ка все эти подколки и подначки – побоку! Нам всем – работать предстоит до полного охренивания. И даже больше. Я достаточно доходчиво излагаю?

– Вполне, – серьезно кивнул Мольнар.

– Или у кого-то иное мнение имеется? Вы не стесняйтесь...

– Не надо, товарищ начальник, нас за дефективных держать, – насупился Сиротин. – Тут тоже, чай, не вчерашние приготовишкы собрались. Знаем и чуем, умом господь никого не обделил. А что до шпилек этих... не станет таковых более – за всех говорю!

– Ну и славно! – Чернов бросил сломанный карандаш в урну. – В таком разе, товарищи командиры, дальше работать станем. Так, как в вы умеете. А разговора этого – не было его. Послышалось тут всем, с устатку-то...

Маленькая полусолнечная уличка небольшого городка жила своей незаметной жизнью. Не торопясь рылись в земле бродячие собаки, лениво перебрехиваясь со своими собратьями, сидевшими на цепи за заборами. Редкие в полуденную жару прохожие спешили побыстрее уйти с солнцепека под сень листвы растущих здесь повсюду деревьев. Даже около

небольшой пивной не наблюдалось практически никакого движения. Лениво подремывал на лавке седоватый дедок. Правда, время от времени его рука безошибочно нашаривала стоявшую рядом недопитую кружку с пивом. Дед делал глоток, отставлял в сторону кружку и продолжал дремать. Стоявший за стойкой грузный мужик в это время оборачивался в его сторону. Но своего занятия – чтения газеты, не прерывал. Никаких других посетителей в пивной не имелось – не время ещё.

Стук копыт, поскрипывание колес – из-за угла вывернулась небольшая бричка. Несомненно, когда-то она зневала и лучшие времена. А теперь... когда-то лакированные крылья потрескались, просели рессоры и затянули свою нескончаемую песнь колеса. Пока ещё негромкую, но начало ей было уже положено... Под стать бричке была и лошадь. Тоже немолодая, в надетой на макушку соломенной шляпе, прикрывавшей её от жары, она неторопливо переставляла ноги, таща за собою поскрипывающее транспортное средство. Впрочем, сидевшим в бричке пассажирам данный транспорт вполне приходился по вкусу.

Их было трое.

Кряжистый мужик лет тридцати, оглядывающий пустую улицу исподлобья.

Молодой парень, одетый, несмотря на жару, в пиджак (явно с чужого плеча) и очень этим довольный.

И интеллигентного вида мужчина, лет около сорока, одетый достаточно аккуратно и опрятно выгляделший. Он, в отличие от своих спутников, не вертел головою, разглядывая окрестности. Развалившись и опервшись на борт брички, он безучастно скользил взглядом по покосившимся заборам, запыленным кустам и лениво пробегавшим мимо собакам.

Увидев пивную, он слегка оживился.

– А не глотнуть ли нам пивка, панове?

Жарко...

Глоток пива в такую жару?

А что?!

Очень даже и неплохо может статься! Особенno, если некуда и незачем спешить. Надо думать, что времени у пассажиров брички было вполне достаточно, а вознице – и вовсе всё равно. Клиент платит – так пусть хоть на голове стоит, его право...

В последний раз проскрипев колесами, бричка притормозила около пивной. Возница, воткнув в гнездо кнутовище, расслабленно развалился на облучке – можно немного вздремнуть.

Спрятавшись на землю, вся троица неторопливо направилась к стойке. На лице стоявшего за нею мужика отобразился умеренный интерес.

– День вам добрый,уважаемый! – молодой парень в чужом пиджаке оказался у стойки первым. – Нам пива... кружки три... нет,четыре!

– Да хучь десяток! – пожал плечами мужик за стойкой. – За ваши гроши – все что хошь!

– Всё – не надо. Нам – только пива. Четыре кружки.

– Как пану угодно, – пожал плечами продавец, теряя интерес к посетителям.

Однако же парень, получив свое пиво и отнеся кружки за стол, снова вернулся обратно.

– Уважаемый...

– Да?

– А к пиву что-нибудь... таранки, например?

Рука, протиравшая полотенцем кружку, на секунду замерла.

– Ни... чего нет – того нет. Давно уж не завозили-то...

– А дядька Иван говорил, что есть у вас...

– Так вы у дядьки и спросите! Сколько вам надобно той таранки?

– Для одного человека...

Стукнула о стойку поставленная кружка. Поднял голову дремавший дед. На этот раз глаза его смотрели зорко, и никакой сонливости в них больше не наблюдалось.

– Таранки вам надобно, панове? Трохи е...

Парень, подойдя к внезапно проснувшемуся деду, присел на стул напротив.

– День вам добрый!

– Взаимно... Хорошо ли доехали?

– Не без трудностей.

– Два дня вас ждем уже.

– Как смогли... – развел руками парень.

Стукнула входная дверь, и на пороге возник новый персонаж.

Изрядно поддатый молодой парень, ухватившийся рукою за косяк двери, попробовал войти внутрь, но ноги, и так еле его державшие, в нужный момент не справились со своей задачей, и он сполз вдоль притолоки на пол.

– Прошу прощенья, панове! – откуда-то из-за его спины вынырнул второй парень и, подхватив товарища под руки, выволок на улицу.

– Кто таков?! – метнул взгляд на хозяина пивной обладатель чужого пиджака.

– Пустое! – отмахнулся тот. – Три дома отсюда – в школе крышу перекрывают. Так это те самые работнички и есть. За что им только платят? С утра уже нагружился! И ведь второй день уже! Директор школы в отъезде, вот они и разошлись.

С этими словами он подошел к двери и набросил крючок.

– Вот так! Не помешает нам никто более...

И действительно – никто более не сунулся к двери. Так что обстоятельный разговор прибывших гостей и проснувшегося деда никем посторонним прерван уже не был. Впрочем, он продолжался недолго. Спустя несколько минут лязгнул отбрасываемый крючок, и хозяин заведения нарисовался на пороге. Зорко оглядел улицу. Заметив неподвижную фигуру, подошел ближе.

Давешний алкаш полулежал, откинувшись спиной на ограду ближайшего дома. Судя по всему, его товарищу надоело тащить за собою пьяницу и он попросту оставил его сидеть у забора. Куда делся он сам – определить было невозможно, во всяком случае, на улице его уже не было. Подойдя поближе и наклонившись над спящим, хозяин пивной принюхался. От парня разило так, что диагноз можно было ставить безошибочно. Успокоившись, продавец вернулся к двери и, заглянув внутрь, что-то негромко сказал.

Первым на пороге появился обладатель чужого пиджака. Выйдя на улицу, он облокотился на забор и встал так, чтобы иметь возможность контролировать часть улицы, заодно наблюдая за мирно посапывающим пьяницей.

Вторым из пивной вышел дедок, быстро взобравшийся в бричку. Он выглядел абсолютно трезвым и внимательно оглядывал окружающую обстановку.

Кряжистый мужик... интеллигент... замыкал шествие хозяин пивной.

Мужик запрыгнул в бричку – она скрипнула и накренилась набок.

Оставшийся стоять на земле интеллигент в свою очередь в транспортное средство не полез. Замер около брички, сунув правую руку под пиджак и настороженно оглядываясь по сторонам. Его беспокойство передалось и радушному хозяину пивной – тот тоже сунул руку под передник и замер на крыльце своего заведения.

Причина их беспокойства стала ясна в самое ближайшее время – звучавшие где-то поблизости голоса усилились – стало возможным различать даже отдельные слова. И из-за угла появился приятель валявшегося пьяницы, сопровождаемый парнем покрепче. Надо полагать, что отчаявшись дотащить упавшего в одиночку, его коллега успел сбежать

за подмогой. Но данное проявление участия к другу отчего-то не очень понравилось хозяину пивной. И не ему одному – интеллигент коротко кивнул в сторону подходящих парней и сделал жест рукой – задержи!

Сойдя с крыльца, продавец заспешил в их сторону, оставив дверь открытой.

– Это что ж такое деется?! Около приличного места развалился – и в ус не дует! Где ж такое видано-то?! Тут люди сурьезные ходят, и – нате вам! Ишь чего удумали! – попер на парней продавец.

Растерявшиеся друзья алкаша попятались, не находя никаких слов в свое оправдание.

А тем временем, на заднем дворе пивной через забор бесшумно перемахнули две стремительные тени. Тонкая спица, войдя между дверью и косяком, поддела крючок. Чуть слышно пропели петли и в пивную, с заднего хода проникли незваные гости. Быстро, стараясь не скрипнуть ни одной доской (вот когда пригодился опыт посещения пивной!) они проскочили мимо опустевших столиков и замерли около двери на улицу.

Стоявший около брички интеллигент сделал пару шагов в сторону разгоравшейся перепалки, кивком головы указав обладателю чужого пиджака на транспортное средство – мол, садись!

Тот отлепился от забора и взялся рукою за бортик брички...

– Ложись!

В воздухе мелькнул темный предмет, оставлявший за собою дымный след.

– Бомба!

И немаленькая! Даже на первый взгляд было хорошо заметно, что дымящаяся хреновина имеет размер чуток поменьше литровой бутылки. Это как же она жахнет-то?!

Бумс!

И темный цилиндр упал прямо в бричку!

Первым сориентировался возница.

Дымный шлейф только ещё разматывался в воздухе, а он уже рыбкой нырнул прямо с облучка, стремясь в прыжке достать до ближайшей придорожной канавы. Хотя расстояние до неё было совсем немаленьким...

Следом за ним из брички вывалился кряжистый мужик. Этот, разумно прикинув, что до канавы точно добежать не успеет, решил поискать укрытия где-нибудь поблизости. Вот, кстати, и бревна рядом лежат... чем не защита?

И он всем телом вжался в узкий промежуток между теплыми, нагревшимися на солнце деревяшками.

А вот хозяин пивной ничего сообразить попросту не успел – прилетевший прямо в морду увесистый кулак лишил его всякого соображения на ближайшие несколько минут.

Безучастный же ко всему на свете алкаш, вероятно подстегнутый громким криком, внезапно стартовал из своей, совсем для таких фокусов непригодной, позиции. Видимо, именно поэтому, он, не разобрав спьяну дороги, врезался прямо в интеллигента, свалив того на землю. И нельзя сказать, что таковое падение прошло для последнего бесследно – да ещё и добрых семьдесят с гаком килограмм упавшего сверху алкаша... Словом, из обмякшей руки интеллигента вывалился браунинг и шлепнулся в дорожную пыль.

Обладатель чужого пиджака, не желая украшать окрестные заборы своими, вывернутыми наружу кишками, рванулся назад – к пивной. Там стены, дверь – есть где укрыться! Увы, но столкновение с выскочившими навстречу тенями закончилось фатально – отброшенный в сторону ударом в подых, он скорчился около забора. А добавочный удар по затылку и вовсе выключил его из игры на какое-то время.

Протрезвевший дедок никуда выскакивать не стал – попросту не смог, что называется, заколодило. Вцепившись в сиденье побелевшими руками, он с ужасом смотрел на вертящийся у его ног цилиндр.

Бричка качнулась – внутрь неё перемахнул один из проворных незнамцев. В живот деда уперся револьверный ствол. А другая рука нежданного гостя, охлопав одежду деда, бесцеремонно выволокла оттуда пистолет.

– Сиди, старый! И не рыпайся!

Секунда, другая...

Взрыва все не было.

Лежавший между бревнами кряжистый мужик осторожно приподнял голову.

Отказал детонатор?

– Лежи-лежи!

В затылок мужика уперлось что-то твердое.

– Сам понимаешь... только дернись...

Несколько часов спустя

Совершенно неприметное место на окраине городка.

– Ну что ж, товарищи, присаживайтесь! – Гальченко, войдя в комнату, сделал приглашающий жест рукой, усаживая на места вскочивших при его появлении оперативников. Пододвинул к столу стул и уселся сам.

Осмотрел присутствующих.

Пятерку находившихся в помещении парней прямо-таки распирало изнутри. От удовольствия, надо полагать.

– Ну, что ж, товарищи, для начала – хочу вас поздравить с успехом! И передать благодарность командования и местного управления НКВД – там все весьма высоко оценили проведенную операцию. Так что с официальной стороной дела – разобрались. Теперь – перейдём к нашим баранам. Никишин!

– Я, товарищ майор! – поднялся с места тот самый «алкаш».

– Кто конкретно разрабатывал план операции?

– Я – как старший группы.

– Коснемся расстановки сил. Почему вы не предусмотрели дальней страховки?

– Нам был известен численный состав прибывающей группы. Какое-либо дальнее прикрытие у них отсутствовало.

– У них – не спорю, они здесь все относительно пришлые и местных реалий хорошо не знают. А если бы такое прикрытие выставила встречающая сторона?

– И как долго они его там держали бы? Дата прибытия была определена очень приблизительно – в пределах десяти дней... держать человека на позиции столь долго – тоже не так просто.

– А где, с вашей точки зрения, такая позиция могла бы располагаться?

– Если контролировать улицу, – подойдя к столу, старший группы развернул на нем карту, – то вот здесь и здесь. С других точек неважный обзор. Мы эти места предварительно проверили – пусто, и следов никаких.

– А если двор?

– Только в доме напротив – но там живет член партии... не у него же на чердаке? Хотя эту точку мы тоже проверили предварительно. И «сторожок» поставили – его так никто и не сорвал.

– Нет, – покачал головою майор. – Я не этот двор имею в виду – задний! Тот, через который проникли в пивную.

– Ну... – несколько смущался старший группы, – мы его тоже предварительно осматривали...

– И?

– Пусто там было...

– Да ну? – усмехнулся Гальченко.

– Утром никого не было, вон Ларин все сам проверил!

– Угу... – побарабанил пальцами по столу майор. – А куда делся тот парень, что обычно продавцу помогал?

– На месте его не было... я имею в виду, в момент захвата. Он ушел куда-то...

– И куда же?

– Корзинку взял... и ушел. Ребята видели!

– Ну-ну...

Никишин разом вспотел и почесал в затылке.

– Но... он же нам никак не помешал!

Гальченко хмыкнул, поднялся со своего места и открыл шкаф, стоявший неподалеку от стола.

– Вот – та самая корзиночка...

На стол бухнулась плетеная из лозы корзина, с которой обычно ходят на рынок домохозяйки и пожилые покупатели.

– Каким образом закупал продукты хозяин пивной?

– Ему их дважды в неделю привозили. Пиво и закусь всячую. В понедельник и в пятницу. Обычно – с утра.

– На чем?

– Телега приходила...

– И часто его подручный куда-то с корзиной ходил?

– Не ходил...

Продолжая задавать вопросы, майор выкладывал на стол содержимое корзинки. Пистолет, три гранаты, револьвер, несколько пачек патронов, запасные магазины к пистолету...

– А не фиговая такая закусь получается... – одобрительно оглядел он выставку вооружения на столе. Поднял глаза на присутствующих.

Старший группы молча разглядывал арсенал.

– Ну? – ехидно поинтересовался Гальченко. – Есть соображения по этому поводу?

Никаких особенных соображений не было – все понимали, что можно было натворить таким набором вооружения.

– Но, товарищ майор... – поднялся со своего места один из тех самых «незваных гостей», худощавый и подтянутый Огородников. – Ведь этот

подручный никуда со двора не выходил – мы бы видели!

– А зачем ему со двора выходить, собственно говоря? – удивился майор. – Вот вы сами поставьте себя на место хозяина пивной. С улицы у них прикрытие есть – возница сидит. Да, безоружный, так ведь его дело – сигнал дать, вот и все. Да и вышли они туда немаленькой такой кучкой – семь стволов в общем итоге оказалось-то! Тут весьма серьезно можно кому-то возразить. Значит, что надо обеспечить?

– Отход, – старший группы взял себя в руки.

– Правильно! И каким образом?

– Путь проверить… Вот и выходил с заднего двора этот рабочий. Вышел, посмотрел… да и назад возвратился.

– Точно? Вы это сами видели?

– Ну, я-то как мог? Под забором лежал… Огородников там был, вот он и видел.

– Ага! Стало быть, товарищ Огородников… хорошо! Так и расскажите мне – куда делся этот рабочий?

– Так это… не нашли мы его.

– Исчез, значит? Или ещё одна хитрая дырка там была?

– Нет! – отрицательно мотнул головой Огородников. – Некуда ему было уходить, нет там второго пути.

– Однако же – пропал! Куда и как?

– Ну… если только через забор сиганул… к соседям.

– Не так, – Гальченко уселся на стол. – От задачи плясать надобно! Что должен был сделать хозяин явки? Прикрыть возможный отход! И для этого – перекрыть доступ во двор! Чтобы никто сзади не вошел! С какой позиции это можно сделать? Задняя дверь отпадает – оттуда только отстреливаться можно, входу во двор помешать уже весьма затруднительно.

– У входа во двор сесть надобно – вот тут! – ткнул пальцем в карту второй «незваный гость» – коренастый Михальчук. – Как раз здесь поленница дров имеется, хорошее укрытие. Мы проверили! Никого там не было.

– Что проверили – молодцы! А вот этот сарай?

– Так он же чужой! С соседнего двора туда вход…

– А то, что две доски в стене легко в стороны раздвигаются? Это вы знали? Там-то этот молодчик и засел…

Старший группы озадаченно почесал в затылке.

– Так вот он куда исчез…

– Там до сих пор и лежит… – хмыкнул Гальченко. – Не он один про эти доски знал, как выяснилось… Привыкайте, ребята – шутки кончились!

Если кто сомневался до сих пор, так пора эти сомнения прекращать! Наша война – она никогда не заканчивается! А ты как командир группы – втройне за всех и за всё отвечаешь! Собственными ножками по маршруту пройди, на место противника встань, своими руками все ощупай – тогда уж и командуй! Не всякий раз я рядом окажусь, не всегда помочь смогу...

Начальнику Главного управления
Государственной безопасности НКВД
Комиссару госбезопасности З ранга
Тов. Меркулову В.Н.

R A P O R T

Докладываю Вам, что за отчетный период управлением «В» были подготовлены три оперативные группы. Численность каждой группы – 5 человек. Весь процесс подготовки сотрудников, начиная с этапа подбора кандидатов, до этапа первичного боевого применения проходил под постоянным контролем отдела обеспечения учебного процесса. В ходе подбора кандидатов и обучения нами выявлены определённые закономерности, которыми руководствовался инструкторский состав, лично отбиравший возможных кандидатов. Подбор курсантов производился лично инструкторами управления «В» (список «А»). Всего было отобрано 17 (семнадцать) человек.

При этом:

- из числа сотрудников центрального аппарата НКВД было отобрано 4 (четыре) человека;
- из числа сотрудников погранохраны НКВД – 2 (два) человека;
- из числа бойцов РККА – 5 (пять) человек;
- из числа гражданских лиц, не состоявших на воинской службе и не проходивших первичного военного обучения – 6 (шесть) человек.

В процессе обучения показали себя непригодными к выбранной специальности – 1 (один) человек (из числа бойцов РККА). Переведен в службу обеспечения.

Получили травмы и были переведены в службу обеспечения

– 1 (один) человек из числа гражданских лиц.

Выпускные экзамены прошло 15 (пятнадцать) человек, допущенных к самостоятельной работе в составе оперативных групп.

Следует отметить, что указанные курсанты, в процессе обучения и стажировки, показывали стабильно более высокие результаты, нежели курсанты других учебных групп, комплектование которых производилось по прежней системе подготовки личного состава.

Полагаю, что методика предварительного отбора курсантов, примененная в данном конкретном случае, заслуживает самого пристального внимания и может быть рекомендована для применения в системе подготовки оперсостава спецподразделений государственной безопасности.

Начальник отдела обеспечения учебного процесса
Управления «В» НКВД СССР

Доцент Благов П.Ф.

Выписка из приказа

Совершенно секретно

... Присвоить звание «старший лейтенант госбезопасности» начальнику отдела обеспечения учебного процесса управления «В» НКВД СССР – Благову Петру Федоровичу...

... Присвоить звание «капитан госбезопасности» начальнику отделения оперативной маскировки управления «В» НКВД СССР – Мольнару Петру Степановичу.

1943 г.

Пригород Берлина.

Этот особняк некогда принадлежал процветающему еврейскому коммерсанту. Но, в связи с некоторыми обстоятельствами, он и его семья спешно покинули уютное жилище, стремясь сохранить свою голову, а также накопленное годами добро. Быстро погрузив самые ценные вещи, семейство уселись в автомобиль и удалилось без особой помпы. Удалось ли им скрыться или нет – неизвестно. Нигде более о них не слышали, писем от уехавших никто не получал, а в опустевшем особняке вскоре появились новые жители. Немолодой господин вполне ученого вида и его ассистенты – подтянутые молодые люди. Новые обитатели были людьми приветливыми, но не особенно общительными, и подолгу отсутствовали дома. Даже местный лавочник – старина Везель, не мог похвастаться близким знакомством с ними – они почти ничего не покупали в его лавке. Всё потребное, надо полагать, привозили к ним прямо домой. А приезжали в особняк частенько... Не раз и не два замечали окрестные жители автомобили и автобусы, заезжающие в приветливо распахнутые ворота. Впрочем, новые люди достаточно быстро примелькались и стали вполне обыденным явлением. И как следствие – выпали из области интересов своих соседей. Что толку обсуждать непонятные поступки неразговорчивых обитателей особняка? Да и помимо этого, у жителей окрестных домов хватало и своих забот – не менее важных и первоочередных.

Вот и сегодня, они только проводили взглядами блестящий лаком «опель-адмирал» и, увидев, что он заезжает в ворота особняка, моментально утратили к нему всякий интерес.

Въехав в ворота, автомобиль описал полукруг, объезжая клумбу, на которой, по случаю зимы расстился белоснежный покров, и остановился прямо у ступеней лестницы.

Предупрежденный звонком, у распахнутой двери уже ожидал новый хозяин дома – ему успели доложить о визите важного гостя. Привратник хорошо знал – чья эта машина...

– Эрвин, друг мой, вы – прямо как с неба свалились! Не ожидал вас сегодня... – встречавший был благообразным пожилым мужчиной. Называя

его профессором, соседи и не подозревали, насколько близко к истине оказывались их суждения. Иоахим фон Хайдлер действительно иногда читал лекции в ряде высших учебных заведений, где каждый студент считал своим долгом на них попасть. Обладавший колоссальной эрудицией и громадным научным багажом, профессор умел в нескольких предложениях раскрывать суть самых заковыристых проблем. Немало серьезных научных учреждений сочло бы за честь пригласить его к себе. Фон Хайдлеру не раз предлагали кафедру в Оксфорде, Йеле – да и в любом другом университете его встретили бы с распростертыми объятиями. Но – профессор выбрал Германию. И этот его патриотический шаг не остался незамеченным...

И сегодняшний визит высокого гостя являлся очередным подтверждением этому.

Ибо навестил особняк никто иной как начальник «Абвера – 2», полковник Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт – персона более чем значимая...

– Что поделать, Иоахим – дела! Увы, но эта война отнимает у нас столько времени и сил... – полковник не лукавил, с профессором его связывала давняя дружба, и он не имел никаких оснований для того, чтобы придумывать какие-то иные объяснения.

– Кофе?

– Да хорошо бы и рюмочку коньяку...

– И вы ещё спрашиваете?! – искренне удивился хозяин дома, хорошо знавший вкусы своего гостя. – Лоренц, прошу вас...

Худощавый ассистент, тенью следовавший за профессором, кивнул и бесшумно исчез.

Оставив в прихожей шинель, фон Лахузен проследовал в каминный зал, где для него уже успели пододвинуть поближе к огню тяжелое удобное кресло.

Усевшись в него, полковник протянул к пламени руки.

– Хорошо! В вашем присутствии, мой друг, как-то забываешь обо всём, что творится за стенами этого уютного дома.

– Так приезжайте чаще, Эрвин! – искренне ответил профессор. – Уж вас-то я всегда рад видеть!

– Взаимно, Иоахим! Не поверите, но я, приезжая к вам, как-то отдыхаю душой!

– Отчего же? – пожал плечами фон Хайдлер. – Чего тогда стоили бы все мои научные изыскания, не умей я устраивать своим друзьям такие

маленькие приятные мелочи? Всякая наука без практического применения – деградирует...

– Кстати... вот именно о практическом применении я и хотел с вами поговорить!

Разговор прервался на некоторое время – принесли кофе и коньяк. Уж чего-чего, а это в гостеприимном доме всегда было самого отменного качества! С сожалением отставив в сторону пустую чашку, гость удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Блаженно прикрыл глаза и некоторое время просидел, собираясь с мыслями.

– Так вот, друг мой... Говоря откровенно, даже как-то теряюсь... не знаю, с чего и начинать...

– Наверное, с того, что ваша служба столкнулась с такими явлениями, истинные масштабы которых постичь пока никто не в состоянии...

Полковник покачал головой и налил себе ещё коньяку.

– И в самом деле, Иоахим, не знай я вас столько времени, можно было бы задать себе весть какие вопросы. Например – про вашу потрясающую осведомленность в наших делах! Вы же не касались этой темы вообще никогда!

– А что же вы хотели, Эрвин? Обращаясь к «колдуну» – так, кажется, прозвали меня некоторые недалекие болтуны, надо быть готовым ко всякого рода неожиданностям! – улыбнулся одними губами профессор.

– Ну, уж я-то не относился к их числу! – фыркнул полковник. – И мы никогда не разделяли мнения этих досужих болтунов!

– И всё же?

– Проблема, действительно, имеет место быть! Да, мой друг... здесь вы абсолютно правы.

– Как и всегда, между прочим! – наклонил голову в знак согласия со словами гостя фон Хайдлер. – Хотите, я припомню некоторые мои слова, сказанные ещё пару лет назад?

– Э-э-э?

– «Наша школа, хоть и является в настоящий момент одной из наиболее эффективных, не должна, тем не менее, затормозить в своем неуклонном развитии, в соответствии с реалиями окружающей обстановки». Так? Именно этими словами я намекнул вашему руководству на грядущие проблемы и сложности. Ещё два года назад! Впрочем, не думаю, что только эти вопросы привели вас сегодня в мой дом...

– И здесь я вынужден признать вашу правоту! – развел руками полковник.

Он чуть прикусил губу, собираясь с мыслями. А сидевший напротив

него хозяин дома неуловимым движением свел пальцы рук, сложив из них какую-то сложную фигуру. Чуть сдвинул руки в сторону, снова изменил положение пальцев...

– Да! – словно очнувшись ото сна, энергично встряхнул головою фон Лахузен. – Пожалуй, вы правы и здесь...

Он снова плеснул себе коньяку.

– Дело в том, Иоахим, что в последнее время произошли некоторые события, при тщательном анализе которых возникает мысль о том, что все мы стали участниками какой-то грандиозной игры...

Полковник протянул руки и открыл свой портфель, стоявший около кресла.

– Вот, мой друг, просмотрите эти записи. Помимо официальных бумаг, здесь присутствуют также и мои заметки, которые я делал по ходу развития событий. Внешне – все абсолютно логично и объяснимо, но складывая вместе все кусочки этой мозаики, я не раз убеждался в том, что некоторые её фрагменты совершенно не вписываются в общую картину.

Некоторое время спустя

Москва

Управление «В» НКВД СССР

– Присаживайтесь, Александр Иванович! – протянул руку в сторону кресла полковник Чернов. – Мы тут с Петром Федоровичем голову ломаем над одной задачкой...

Поздоровавшись с Благовым, Гальченко опустился в кресло по другую сторону стола.

– Для начала, – Чернов протянул ему тонкую папку, – ознакомьтесь... А я пока чаю попрошу нам всем организовать. Чует мое сердце, что на ужин мы нынче опоздаем.

«Совершенно секретно»

Агентурное сообщение

«В личной беседе источник пожаловался на предстоящие трудности, связанные с внезапной командировкой своего шефа в Россию. Дословно это выглядело следующим образом: „Там даже дорог нормальных нет! И машина профессора дважды застревала на этих немыслимых ухабах, которые называют дорогой только по незнанию! И мы катаемся в это проклятое место постоянно! Хорошо ему, сиди себе в теплом салоне, а толкать машину должны мы!“

По словам источника, что-то, находящееся в этом месте, чрезвычайно заинтересовало профессора. Источник связывает этот интерес с личностью какого-то странного человека, которого исследует там профессор.

По каким-то непонятным причинам, вывезти исследуемого человека в рейх не представляется возможным, и фон Хайдлер вынужден приезжать туда сам».

«Совершенно секретно»

Разведсводка по объекту «Тишина».

В течение последнего месяца охрана объекта существенно усиlena. В дополнение к ранее присутствовавшему здесь взводу 2 батальона 4 полицейского полка, на место прибыло ещё два взвода солдат, которые оборудовали отдельный периметр охраны внутри собственно объекта. Выставлены дополнительные посты на входах в здания и, вероятно, внутри помещений. Введены специальные пропуска, форма которых еженедельно меняется. В категорической форме запрещено использование труда местных жителей – в любом виде и проявлении, а те, кто работал здесь ранее – уволены. Все хозяйствственные работы по объекту выполняются силами солдат подразделения охраны.

Охрана осуществляется:

Внешнее кольцо – на удалении до километра от зданий и сооружений выставлено шесть постов солдат полицейского полка. Посты одиночные, оборудованные телефонной связью. Промежутки между постами патрулируются парными патрулями – всего два патруля. В ночное время патруль не ходит, выставляются дополнительно два поста – у дороги и около ручья (отметки на карте № 9 и № 11).

Внутреннее кольцо охраны – пост у въезда на территорию, около ворот (ранее занимался солдатами полицейского полка). Парный, телефонизирован.

Пост в котельной – на крыше (два человека и станковый пулемет).

Пост около хозяйственных ворот – парный, телефонизирован.

Пост во дворе – парный.

По территории постоянно, в любое время дня и ночи передвигается патруль – четыре человека.

О наличии постов внутри зданий можно сделать вывод из того, что там постоянно несут службу не менее шести человек, сменяющихся каждые четыре часа. Момент смены был неоднократно зафиксирован наблюдением.

Постоянно, в режиме минутной готовности, находятся под ружьем не менее шести человек дежурной группы.

Личный состав служащих объекта составляет не менее десяти-пятнадцати человек, периодически заменяемых. С местным населением не контактируют, расположения объекта не покидают.

Иногда на объект прибывают крытые автомашины-фургоны, которые в пути усиленно охраняются. Характер перевозимого груза и пассажиров установить пока не удалось.

На территории оборудовано небольшое кладбище, ранее отсутствовавшее. В настоящий момент на нем имеется девять мест захоронения. Одно место – могила солдата охраны, подорвавшегося на своей же гранате во время учений – и восемь могил, не имеющих никаких пояснительных табличек.

Судя по количеству завозимого продовольствия, на объекте присутствует еще не менее десяти человек. Что это за люди – установить пока не представилось возможным.

«Совершенно секретно»

Аналитическая записка.

По имеющимся сведениям, руководством немецкой военной разведки и высшими руководителями нацистского государства санкционировано начало операции «Дальний зов». Указанной операции присвоен высший гриф секретности. Какое-либо упоминание этого названия запрещено использовать в повседневной переписке и телефонных переговорах по всем линиям связи. Для её обозначения предложено использовать специальные кодовые символы, согласно прилагаемому списку.

Все требования лиц, причастных к операции, являются строго обязательными для всех партийных и государственных чиновников и военнослужащих, независимо от их звания и занимаемой должности.

Непосредственное руководство осуществляют:

От немецкой военной разведки – начальник Абвер-2, полковник Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт.

От НСДАП – бефельсляйттер Лангерхарт.

По некоторым сведениям, задействованы также и представители Аненербе – кто именно, узнать пока не

представилось возможным.

Просмотрев прочие документы, Гальченко уважительно покивал.

– Серьёзно! Кто такой Лахузен – представляю неплохо, надо думать, что и все прочие ему под стать. А вот Аненербе... эти-то тут что потеряли?

Полковник пододвинул к себе другую папку.

– А вот это – получено уже прямо сейчас, перед началом совещания, я и сам-то просмотреть пока толком не успел. Так что совместными усилиями и поглядим...

– Фон Хойдлер... – повертел в руках карандаш Благов. – Если это т о т фон Хойдлер... а ни о каком другом я и не слыхивал никогда... то это... словом, невесело!

– Отчего? – вопросительно приподнял бровь Чернов.

– Я и сам по его трудам учился! Это фигура в научном мире – пресерьёзнейшая! Мне с ним бодаться – все едино, что в танк снежками бросать!

– Снежок – он тоже разный бывает, – пожал плечами Гальченко. – Я вот пока что ни одного такого серьезного деятеля, чтобы пули от него отскакивали, не встречал... Думаю, что и этот случай не станет исключением.

– Так! – подвел итог препирательству полковник. – Иоахим Вернер Макс фон Хойдлер. Профессор Берлинского университета, доктор наук... почетный член разных научных обществ... многочисленный лауреат... этот?

– Он самый, – кивнул доцент. – Берлинский университет, кафедра психологии.

– Даже так? – удивился Чернов. – А вот тут – кое-что другое имеется... Один из научных консультантов Аненербе, занимает серьезный пост в данной организации. Привлекался адвокатом – в особо исключительных случаях, для проведения допросов лиц, владеющих особо важной информацией. Это такая у него психология теперь?

– Хороший психолог... – развёл руками Благов. – Такой специалист может вытащить из памяти очень многое. Даже и то, что сам допрашиваемый давно уже позабыл либо особого внимания тогда на это не обратил. Но в памяти – данное событие отложилось! Вот только как все это оттуда извлечь? Надо

полагать, фон Хойдлер научился делать такие вещи. Неудивительно – он всегда отличался неординарностью суждений и нетривиальными решениями. Его многие не любят – именно за такие методы разрешения научных споров. Он необычен, странен даже... но – мастер! Крайне серьезный – и на многое способный!

– Ладно... – проворчал полковник, переворачивая лист бумаги. – А тут у нас кто? Хм?! Гауптман Норберт Фосс?

– Специалист по негласному силовому задержанию. Проще говоря – по похищению людей. Мастер своего дела! – прищелкнул языком Гальченко. – Его натаскивал сам Вернер Обердорф – старик знал свое дело! Приходилось мне с ними сталкиваться – те ещё волки! Хорошо, что старик Вернер уже отошёл в мир иной – этот деятель мог серьезно попортить нам кровь! Впрочем, и Фосс – тоже далеко не подарок. Он уже работал у нас в стране – ухитрился выкрасть и вывезти – аж из-под Перми (!) нужного для немцев человека. Это, знаете ли, звоночек... Стало быть немцам нужен кто-то, находящийся у нас!

Объект «Тишина»

Практически в то же время

– Присаживайтесь, гауптман! – профессор указал гостю на удобное кресло около стола. – Кофе?

– Буду вам весьма признателен, герр профессор! – вошедший наклонил голову в коротком полупоклоне. Быстрым, почти незаметным движением он оказался около кресла, куда и опустился. Наблюдавший за ним хозяин кабинета удовлетворённо кивнул.

– Я прочитал ваше личное дело...

– Всё, герр профессор? – вежливо поинтересовался гость.

– В с ё ! От меня – у вашего руководства тайн нет. Я изучил все ваши операции... и нашел их красивыми!

Гауптман удивленно поднял бровь. Чашечка кофе в его руке на секунду замерла в воздухе.

– Не удивляйтесь! Истинное произведение искусства – оно всегда красиво, ведь так?

– Не смею с вами спорить, герр профессор.

– В истинном произведении искусства – нет ничего лишнего! Как и в ваших операциях! Здесь вы тоже не станете со мною спорить?

– Не стану.

– Далеко пойдете, молодой человек! – поднял указательный палец фон Хайдлер. – Впоследствии, уже выйдя в отставку, вы вспомните мои слова! Я редко ошибаюсь...

Фосс кивнул, соглашаясь.

– Теперь, молодой человек, я вам поясню, зачем мне нужна была личная встреча. Не сомневаюсь, что вы исполнили бы и это задание также красиво и изящно, как и предыдущие. Так! Но! – профессор поднял палец. – Это задание – особое! Тот человек, которого вам надлежит доставить сюда – нужен мне не только целым и невредимым!

– Простите? – чуть наклонил голову вбок гауптман.

– Мне н у ж н о ! О ч е н ь нужно! Чтобы его психика не была травмирована и надломлена.

– Но сам факт плена...

– Это – уже другое дело! Мое – если хотите. Для этой цели я тут кое-что набросал... прочитайте! – фон Хайдлер протянул своему собеседнику

папку.

– Старший лейтенант Демин, Олег Павлович... сотрудник Особого отдела?

– Именно так, молодой человек! Вот этот-то русский мне и нужен! И желательно – поскорее!

Полтора месяца спустя

Свердловск

Заводоуправление завода

«Уралэлектроаппарат»

В дверь решительно постучали.

«Конец рабочего дня – и нате вам! – мелькнула в голове Демина мысль. – А ведь собирался сегодня с Настей встретиться пораньше... Наверняка, опять какую-то кляузу разбирать! И никуда не денешься...»

– Войдите!

Но похоже, что кляузами тут и не пахло – порог переступил высокий человек в военной форме.

– Оперуполномоченный Особого отдела старший лейтенант Демин?

– Это я! – приподнялся навстречу хозяин кабинета.

– Старший оперуполномоченный Озолинь, – протянул раскрытое удостоверение вошедший. – Мое командировочное предписание.

На стол легла внушительная бумага.

Демин внимательно прочитал оба документа – всё было правильно. Командировка – именно сюда, в Свердловск. Конкретно – в Особый отдел Уральского военного округа. Цель командировки – стандартная, как и у всех. «Выполнение задания командования» – всё как всегда.

– Слушаю вас, товарищ капитан.

– Ваше удостоверение личности, пожалуйста.

Николай удивился, но документ все-таки достал. Капитан уселся на стул и раскрыл удостоверение особыста.

– Угу... так... да, все сходится.

А вот после этого он сделал нечто странное! Раскрыл свою полевую сумку... и убрал туда документ Демина! Достал из сумки плотный пакет из серой бумаги и положил его на стол. Пакет (скорее даже – почтовая бандероль) ощутимо бухнул о дерево – надо думать, содержимое там было увесистым.

– Распишитесь на пакете, поставьте дату и время прочтения. Сейчас, – он приподнял рукав гимнастерки, – семнадцать часов сорок восемь минут.

Пожав плечами, Олег расписался на конверте и надорвал плотную бумагу.

Удостоверение личности?

«Старший лейтенант Григорьев? Олег Павлович – ну хоть имя-отчество своё оставили… Оперуполномоченный… тут тоже все понятно… Но зачем? Чем вызваны эти странные фокусы? А карточку-то – из личного дела взяли, я именно так тогда и выглядел! Причём, скорее всего, просто пересняли – то-то она такая нечеткая…»

Следом за документами из конверта выскользнул «ТТ» и маленький карманный «Вальтер», похожего калибра.

«7,65-мм – у немцев данный пистолет именно на этот патрон рассчитан».

– Да, – словно отвечая на невысказанный вслух вопрос, сказал Озолинь, – ваше фото в удостоверении переснято из личного дела – не было времени добывать новое. Оттого и знаки различия ещё старые.

– Я так и подумал…

– Проверьте оружие, – гость выложил на стол запасные магазины и несколько пачек патронов. – «Вальтер» в карман уберите, так незаметнее будет. Он небольшой и в работе удобный. Ваше оружие попрошу сдать.

– Простите, товарищ капитан, но я обязан доложить о вашем визите! – протянул руку к телефонному аппарату Демин.

– Через пять минут, товарищ старший лейтенант, хорошо? Сначала я попрошу вас меня выслушать, ведь у вас, наверняка, возникло множество вопросов, так?

– Да!

– Я так и предполагал… Фамилия генерал-лейтенанта Рогова… вам говорит что-нибудь?

– Допустим.

– Разумеется. И ваш с ним разговор, полагаю, вы ещё не позабыли…

– Возможно. Но на дальнейшие вопросы я вам ответить не имею права, товарищ капитан!

– А их и не будет. Тем более, что я даже и не предполагаю, что именно должен у вас спросить. Все гораздо проще – я должен вас доставить именно к нему. Обстоятельства сложились таким образом, что вашей жизни угрожает прямая и непосредственная опасность. Моя задача – охранять вас! И именно с этой целью вам сменили фамилию и должность. Ваше место займет наш сотрудник.

– Но меня тут многие знают! В лицо!

– И что, кто-то из служащих станет задавать вопросы – почему сменился наш особист? И требовать у него предъявления удостоверения? Неделя – и вы вернетесь на свое место, никто ничего и понять-то не успеет.

– Но я ежедневно докладываю обстановку на заводе!

– Лично?

– Нет... сводку составляю... Но ведь могут позвонить! Или с проверкой приехать!

– На звонок – ответим. Насчет проверки – это тоже наша забота. Ещё вопросы есть?

– Хорошо... тут вы меня убедили... А дальше что?

– Дальше – в Москву. Потом назад. Впрочем, это уже вне моей компетенции, решать, как вы понимаете, будем не мы с вами. Всё ещё хотите позвонить? – кивнул гость на телефонный аппарат. – Пожалуйста, но этим можно настолько усложнить нашу работу... собственно говоря, тогда и менять вам личность не стоило. Проще уж на лбу мишень нарисовать...

«Спокоен и невозмутим. Устал, надо думать, давно не спал... Сколько же у него таких вот случаев было, как со мной? Не я первый, надо полагать, капитан словно повторяет заученный текст, видать часто это объяснял кому-то. Акцент легкий – ну да, он же из Прибалтики!»

Рука опустилась на стол, так и не подняв телефонной трубки.

Заперев и опечатав сейф, Демин с капитаном вышли в коридор. Подпирая могучими плечами стены, там находились ещё двое офицеров – молодой лейтенант и мрачного вида старший лейтенант. Увидев выходящих, последний быстро переместился вперед, пройдя по коридору несколько метров. А его товарищ занял позицию позади.

– Все настолько серьезно? – Олег покосился на своего спутника.

– А вы всё ещё сомневаетесь? – пожал плечами тот.

Сдав на выходе вахтеру ключи и расписавшись в журнале, Демин со спутниками вышли во двор завоудования. Здесь уже находилась неприметная «Эмка» с работающим двигателем.

– Прошу! – указал на заднее сиденье капитан.

Фыркнув выхлопной трубой, машина выехала за ворота.

Спецсообщение

23 марта 1943 года в 11.36 при проверке подъездных путей станции Аппаратная, обходчиком Емельяновым А.С. была обнаружена обгоревшая автомашина, стоявшая неподалеку от станционных путей. О находке он, не приближаясь к машине, немедленно сообщил в отделение милиции Транспортного отдела

НКВД железной дороги им. Л.М.Кагановича.

Прибывший на место в 12.27 мл. оперуполномоченный Таращенко П.Р. произвел первичный осмотр автомобиля.

Осмотром обнаружено:

1) Автомобиль марки М-1 гос. номерной знак – 23-17 МА – в сильно обгоревшем состоянии.

2) На переднем сидении – тело водителя. Мужчина, на вид 30 лет, одет в форму бойца РККА, с погонами старшего сержанта. В кармане найдены обгоревшие документы на имя Никодимова Павла Васильевича, военнослужащего в/ч 34211.

Предположительная причина смерти – пулевое ранение в голову.

3) На заднем сидении – тело мужчины, одетого в военную форму с погонами старшего лейтенанта. На вид – 25 лет. Предположительная причина смерти – огнестрельное ранение в левую часть груди.

При осмотре тела обнаружено удостоверение личности оперуполномоченного Особого отдела Уральского военного округа старшего лейтенанта Демина Олега Павловича. Около тела, на полу обнаружен пистолет «ТТ» № ВК 432, с тремя патронами в магазине. При дальнейшем осмотре салона обнаружены пять стреляных гильз от пистолета «ТТ».

Указанный номер пистолета соответствует вписанному в удостоверение личности номеру личного оружия старшего лейтенанта Демина.

Обнаруженные при осмотре личные вещи, остатки документов, оружие и стреляные гильзы – приобщены к протоколу осмотра.

Несколько дней спустя

Москва

Управление «В»

– И какое отношение к нам может иметь этот случай? – Гальченко опустил на стол последний прочитанный документ. – Ну, погиб сотрудник контрразведки Свердловского УНКВД. Согласен, смерть странная, и даже более того... Но к нашим-то делам это как прилепить?

– Стоп-стоп-стоп! – поднял руку Чернов. – Странная? Отчего же?

– Так в документе же все есть! – майор жестом фокусника выдернул из стопки бумаг один листок. – Вот! «Указанный номер пистолета соответствует вписанному в удостоверение личности номеру личного оружия старшего лейтенанта Демина».

– Ну и что?

– А у вас в удостоверении – какое оружие вписано?

– М-м-м...

– «Владельцу удостоверения разрешено хранение и ношение огнестрельного оружия». Так?

– Ну-у, да...

– Отчего же тогда у этого особиста иначе? Или это какой-то специальный Особый отдел?

– Так... А ещё что?

– Машина, судя по повторному протоколу осмотра и фото, сильно обгорела. А пистолет – даже не закоптился – да и патроны в магазине уцелели. Кобура сгорела напрочь – а запасной магазин испарился, надо думать... а ведь время-то – военное! С одним магазином сейчас мало кто ходит, а тут ещё и особист! Да и документы уцелели непонятно каким макаром. А ведь они, как правило, первыми и сгорают в таких случаях!

– Так вы полагаете – инсценировка?

– Полностью исключить этого не могу. Уж больно настойчиво нас хотят убедить в том, что погибший человек – именно Демин. Для того и пистолет в удостоверение вписали! А то вдруг не допрут номер проверить?

– Так-так... А ведь невеселые дела-то выходят!

– С чего бы это? Или мы уже и такие случаи расследовать будем? Других дел у нас нет?

– Как сказать, Александр Иванович... как сказать... Вы Леонова

помните?

— Такого, пожалуй, забудешь... читал я рапорт моего «родственника», на него сей товарищ очень даже основательное впечатление произвел. А в чем дело-то?

— А в том, Александр Иванович, что подобный человек попал в поле зрения наших коллег. Не там, где вы Леонова искали. В Псковской области! В самом начале зимы 1941–1942 годов. И тоже — при весьма странных обстоятельствах... И очень мне эти обстоятельства кое-что напоминают!

Майор изобразил на своем лице вежливый интерес.

— Зря вы так, Александр Иванович! — покачал головою полковник. — Не только нам интересные люди попадаются! Вот, почитайте — это рапорт того самого Демина.

Гальченко взял из рук Чернова тонкую папку и раскрыл. На некоторое время в кабинете воцарилась тишина. Полковник занимался своими бумагами, изредка делая какие-то пометки в блокноте, а его собеседник молча переворачивал подшитые в дело листы бумаги. Он не торопился, читал вдумчиво и, взяв со стола лист чистой бумаги, делал на нём какие-то записи.

Наконец, он закончил, медленно закрыл папку и положил её на стол. Откинулся в кресле и задумчиво уставился в окно.

— Благов раскопал?

— Он, — кивнул полковник. — Петр Федорович частым гребнем прочесывает все случаи, где появляются хоть какие-то намеки на непонятное.

— И что же именно здесь ему таким показалось?

— Манера передвижения, приемы стрельбы — да и все поведение Котова! Очень уж некоторые моменты странно совпадают между собой. Манера говорить, двигаться... И даже более того — Благов усмотрел подобные закономерности и в действиях Леонова!

Гальченко резко изменился в лице. Не ожидавший этого хозяин кабинета поперхнулся на полуслове.

— Так, значит... — майор недобро усмехнулся. — Вот оно куда, стало быть, вывездло...

— О чём вы, Александр Иванович?

— Манзырев. Благов ведь изучал эти материалы?

— Да.

— Все?

— Все.

— У нас — точно нигде не течёт?

– У нас нет.

– Тогда надо искать у соседей. Если Демина действительно похитили, то я знаю следующего кандидата.

– Вот как? И кого же захотят спереть немцы в этот раз?

– Барсову.

Следующий разговор полковника с Гальченко состоялся только через неделю, которая до отказа была заполнена сложнейшей, но постороннему глазу незаметной работой. Громадный механизм НКВД и некоторых «родственных» организаций, получив побудительный импульс, понемногу начал приходить в движение. Руководствуясь ориентировками, приступили к поискам указанных лиц органы контрразведки. Насторожили свои чуткие уши службы радиоперехвата. Поползли по тайным тропкам партизанские разведчики. Каждый из этих людей был твердо уверен в том, что именно его действия и именно на этом участке фронта – являются самыми важными и нужными.

И потекли в неприметный лесной поселок тонкие ручейки информации... По пути они сливались в уже более серьезные ручьи, в речушки... а вот до конкретного адресата дотекал уже могучий вал самых разнообразных сведений.

Разумеется, получателем этой информации являлось не управление «В». И даже – совсем не оно. Управление даже не значилось в списке адресатов – хозяевенники... у них «своя» война... Лесной поселок был всего лишь ещё одной передаточной инстанцией, задача которой официально состояла лишь в систематизации получаемых сведений и в их дальнейшей передаче конкретным адресатам. Так оно, в принципе, и обстояло. Сведения были нужны всем – особенно свежие, ещё хранившие на листах сероватой бумаги тепло от рук людей, торопливо писавших на них. Эти документы: записи радиоперехвата, подслушанные телефонные переговоры и сделанные тайком фотоснимки – все имело свою цену. И иногда она оказывалась запредельной... На измятых бумажных листах кое-где попадались и пятна крови, а слушая некоторые переговоры, операторы сталкивались с тем, что запись внезапно обрывалась на полуслове – слухач закончить свою работу уже не успел. Поселок, оборудованный по последнему слову техники, имел на своем вооружении не только аппараты «Бодо» и прочие подобные вещи. В отдельном домике располагались и вовсе необычные службы – там круглосуточно вращались катушки магнитофонов, выбрасывая в наушники операторов слова на чужом языке...

И три человека, появившиеся в этом поселке, не вызвали никакого

удивления – очередные специалисты, мало ли их таких тут бывает... Единственное, что вызывало некоторое удивление – так это их пропуска-вездеходы, дающие им право входить во все отделы информационно-аналитического управления. Да, такое тоже иногда случалось, правда, не сказать, чтобы очень часто.

Но эта работа не осталась незамеченной и на той стороне фронта – насторожили свои ушки контрразведчики противника. Какие-то крупицы полученной ими информации, хоть и не раскрывали полностью всего замысла, однако же, кое-какие выводы можно было сделать и из этого... И они были сделаны. Выдвинулись в новые пункты дислокации воинские части, скользнули в лес неприметные тени ягдкоманд, раскрутили винты самолеты с парашютистами-диверсантами – немцы приняли вызов.

Очередное обострение тайной войны которая никогда не заканчивается. Иногда эта война чуток затихает – так торфяной пожар ныряет под землю, чтобы выйти наверх с утроенной силой – но уже в другом месте. Иногда перерастает в открытую фазу – и тогда гремят пулеметные очереди, и тихо хлопают бесшумные пистолеты. Но перемирия на ней не бывает – вообще никогда.

Разумеется, здесь были свои победы – и свои поражения. На столы штабов легли новые карты – уже со свежими пометками. В журналах учета сообщений появились свежие записи – номера частей и фамилии командиров. Вспыхнули ярким светом лампы в допросных камерах – гребущий вовсю невод проверок частенько отлавливал в свои ячей весьма любопытных «товарищей».

А сидевшие за небольшим столиком неприметные гости аналитического центра рассеянно листали записи с выводами специалистов. Они не вмешивались в их работу – только иногда задавали уточняющие вопросы. Получив же ответ, благодарили – и возвращались к своему занятию.

А тем временем...

Объект «Тишина»

– Присаживайтесь, молодой человек! – жестом радушного хозяина указал на кресло фон Хайдлер. – Скажу сразу, свой коньяк к кофе – а мне этот напиток привозят прямо из Франции, вы честно заработали! Рад за вас! Даже ваша небольшая задержка – и та не доставила мне никаких волнений.

– Самолет, герр профессор... Увы, но здесь я бессилен – нелетная погода.

– Да, на это я повлиять никак не могу! Как прошла операция? Результат – видел. Но мне интересно и ваше мнение.

– Не считите за лесть, герр профессор, но все шло, как по партитуре! Написанной мастерской рукой. Я, признаюсь, ожидал проблем с Деминым... все же это контрразведчик... а, значит, априори – человек недоверчивый и подозрительный. Но... он поступил точно так, как вы и предсказали! Герр профессор – это прямо-таки колдовство какое-то!

– Все просто, дорогой мой Норберт. Смотрите, я сейчас все разложу вам по полочкам – за пять минут!

Фон Хайдлер лично наполнил рюмки ароматным коньяком.

– Итак – что мы знали? Молодой офицер, воевавший, Особый отдел. Вышел из окружения, доставив своему начальству важные документы – и сидит в глубоком тылу, охраняя завод от вражеской агентуры. Почему?

– Возможно, его туда направили по состоянию здоровья? Контузия? – спросил гауптман. – Ибо следов от ранений я у него не нашел – так, царапины какие-то...

– Нет. Его спрятали – от нас! Разумеется, проще было бы его убрать. В смысле – в могилу. Но... красные упустили свой шанс, а я им такого подарка не сделаю.

– Понятно... Секретоноситель?!

– Правильно. Подальше от фронта – и под присмотром. Но ведь Демин – совсем ещё молод! Воевал, опыт есть. И – сидеть за бумагами, разбирая чьи-то доносы и сплетни? Второй год, между прочим! Да он вам сапоги чистить будет – только заберите его из этой дыры!

– Хм...

– И тут – вы! От генерала – виновника всех его нынешних

злоключений. Тут надо сказать спасибо старине Эрвину – это он снабдил меня необходимой информацией. И фотокарточку Демина передал. Где уж он всё это взял – неизвестно. Но, как вы уже успели заметить, партитура была расписана тщательно – до реплик!

– Признаться, я больше всего именно фотокарточки опасался – всё же он был на ней снят достаточно давно...

– А это – дополнительный штришок к портрету! Именно старое фото! Оно, просто по определению, должно лежать в личном деле – а где то дело?

– М-м-м...

– В Москве – у генерала Рогова, тот его из своих рук уже не выпустит.

– И тогда человек, предъявивший эту фотографию...

– Совершенно однозначно прибыл именно от того самого генерала. Элементарная логика, гауптман! Здесь маленький штришок, там... а наш клиент – контрразведчик, приучен думать и анализировать. Вот он сам, своими руками выстроил нужную нам цепочку умозаключений. Да и кому не польстит то, что его считают важной персоной? Настолько важной, что выделяют личную охрану?

– Да, герр профессор... если бы все наши операции планировались с такой тщательностью...

– Так для чего же я вам объясняю все эти вещи? Планируйте, молодой человек, кто же вам не дает?

– Увы, герр профессор – я не настолько значимая фигура. Кто будет слушать мои рекомендации?

– Доставите мне второго фигуранта этой истории – получите майора и Железный крест первого класса – это я могу обещать вам однозначно! Вот тогда вы и станете той фигурой, к чьему мнению надо прислушиваться!

Фосс даже в кресле привстал!

– И кого же я должен буду вам доставить на этот раз? Похитить самого генерала Рогова?

– Неплохо было бы... но он мне не нужен. Эта персона представляет интерес для вашего руководства, меня же интересует совсем другой человек.

– Слушаю вас, герр профессор!

– Это женщина... – заметив пренебрежительную улыбку, скользнувшую по губам собеседника, профессор нахмурился. – А вот это, гауптман, вы напрасно! Не случайно я отложил её на завершающий период операции! Она может – и станет для вас серьезным противником!

– Но...

– Младший сержант в 1941, радиост. Казалось бы – сопливая

девчонка... Через полгода – уже младший лейтенант и орден! За что?

– Бывает... – не смутился Фосс. – На войне ещё и не такие вещи случаются.

– Да? Гауптмана Борга – вы знали?

– Лично не знаком. Но наслышан – и весьма!

– Как по-вашему – это хороший профессионал?

– Более чем! Признанный мастер своего дела. Нас, специалистов такого класса, не так уж и много. Поэтому все слышали друг о друге. Но в последнее время я не получал о нём никаких сведений...

– И неудивительно! С того света новости идут долго!

– Так он погиб? Как?! Бомбёзка, артналет?

– Об этом нужно расспрашивать как раз нашу фигурантку – ведь именно за уничтожение группы Борга она получила лейтенанта и второй орден! Вы по-прежнему склонны рассматривать её как несерьёзного противника?

– Извините меня, герр профессор! Какие уж тут шутки... Борг... Вот уж не ожидал...

– То-то же! – поднял вверх палец фон Хайдлер. – Я, молодой человек, никогда и ничего просто так не говорю! И уж если вам обещан за неё Железный крест и очередное звание – поверьте, работа не будет легкой!

Узкая дорога через лес долгое время оставалась полузаброшенной. Да и сейчас она выглядела почти так же. Но вот в нескольких местах заботливые руки чуть-чуть подсыпали и укатали полотно, укрепили мост – так, что он стал выдерживать тяжелые грузовики. Кто-то убирал в сторону упавшие деревья, засыпал промоины... не особо при этом афишируя свое пребывание. По привычке ходившие по дороге местные жители с некоторых пор стали её избегать. После того как пара человек бесследно исчезла в лесу, а один – избитый до полусмерти и окровавленный, был обнаружен недалеко от деревни. В себя он так и не пришел, и умер не приходя в сознание. Пытливый ум крестьян быстро сопоставил некоторые вещи и события – и дорога опустела. Никто уже больше не пытался срезать путь, пройдя вместо леса по ней. Да и на любые заходы в леса немцы и без того смотрели весьма неодобрительно...

Но всякое действие обязательно имеет две стороны. Убрав, таким образом, с дороги местное население, немцы тем самым привлекли к ней внимание уже совсем других людей – именно тех, кого они желали бы видеть здесь в самую последнюю очередь. И в отличие от окрестных жителей, эти незнакомцы тоже не слишком желали привлекать к себе

внимание. Поскольку по лесу они ходить умели достаточно хорошо, а в умении скрывать свои следы гости ничуть не уступали егерям ягдкоманд, то и их прибытие никем и никак отмечено не было. Небольшая группа, одетая в камуфляжные комбинезоны, бесшумно растворилась в лесу. И – словно канули в неизвестность. Напрасно напрягали слух специалисты из функабвера – посторонних сигналов в эфире не прозвучало. Лес жил своей, чужому взгляду непонятной, жизнью.

А по узкой дороге изредка проезжали автомашины. Из леса – в город. И из города – в лес. Там, укрытые под сенью раскидистых елей и сосен, возвышались старые строения бывшей дворянской усадьбы. Брошенные прежними хозяевами, они после революции и гражданской войны недолго оставались в запустении. Сначала тут было обосновалась детская колония, в которой перевоспитывали трудных ребят. Потом, здраво рассудив, что столь обширные помещения такому заведению ни к чему, детей перевели в другое место. А в усадьбе обосновался небольшой санаторий для партийных и советских работников – эти заняли все строения и даже построили небольшой новый корпус, для администрации. Именно этот объект и проходил в некоторых документах под названием «Тишина»...

Негромко урча мотором, по лесной дороге катился юркий «кюбельваген» – начальник снабжения объекта ехал в город. Такие поездки давно уже стали рутинными – немалое хозяйство требовало постоянной заботы. Вечно чего-то не хватало, поставки продовольствия, несмотря на строжайшие указания руководства, все время запаздывали и выполнялись весьма нерегулярно. А тут ещё и высокие гости! Им ведь не пояснишь, что во всем виноваты нерадивые тыловые крысы! Успевший в свое время повоевать во Франции и в Польше, лейтенант Бауринг себя к таковым не причислял. И сейчас он мирно дремал на заднем сидении, прижимая локтем к боку свой портфель. Он открывал глаза только тогда, когда машину подбрасывало на ухабах, привычно пеняя водителю за допущенные оплошности. Тот – также привычно каялся... до следующего ухаба. Это все же не великолепные немецкие автобаны! Здесь, похоже, вся дорога состоит из ям, вперемешку с кочками – большими и маленькими. Оба, водитель и пассажир, про это знали, но все продолжалось по-прежнему.

Правда, сидевший за рулем солдат все же старался по максимуму смягчать подобные толчки, выкручивая руль и притормаживая перед совсем уж одиозными рытвинами. Поэтому он тщательно осматривал дорогу впереди, стремясь заметить подобное препятствие до того, как оно

даст о себе знать ударом о колесо или хуже того – о днище машины.

Но все же, несмотря на повышенное внимание, он зевнул тонкую бечевку, пересекающую дорогу поперек. А может быть, даже заметил, но не придал этому особого внимания – мало ли тут таких веревочек валяется?

Вообще-то – мало, особенно в лесу. Неоткуда им тут взяться, не город, поди...

Так что, когда эта самая бечевка вдруг дрогнула – и натянулась, замечать этот факт было уже некому. И ладно бы – только эта самая бечевочка! Ну, натянулась... и что? Не трос ведь!

Не трос.

Но выволочить с другой стороны дороги – из кустов, длинную доску с забитыми в неё гвоздями... такая веревочка очень даже способна. Если хорошенько насобачиться. Так уж вышло, что э т у операцию неведомый веревковладелец проделал исключительно ловко, лишний раз показав свой нешуточный опыт в подобных упражнениях.

Ш-ш-ш-пах!

И машина, осев на левое переднее колесо, вильнула в сторону! Да так, что водитель, не успев притормозить, с маху боднул передком здоровенную сосну!

Ш... ш-ш-ш...ш-ш-их!

Говорят, что праша – оружие весьма древнее. Чуть ли не с добиблейских времен.

Возможно...

Даже, скорее всего, именно так все и обстоит.

Но вскочивший сейчас на ноги в кустах ефрейтор Иншаков – такого мнения не придерживался. Более того, своим «древним» оружием он ухитрялся сбивать на спор консервную банку. С полусотни метров, между прочим...

А уж снарядов для пращи везде полно... только руку протянуть. И что самое замечательное, так это то, что прилетевший водителю в лобешник булыжник был подобран прямо здесь – у дороги. И ничем не отличался от множества своих собратьев, мирно лежащих сейчас у обочины.

Как выяснилось, на короткой дистанции такой вот булыжничек мало чем уступает современному огнестрельному оружию. А по ряду преимуществ (как, например, по части заметания следов) – так ещё и превосходит. Никакой криминалист, даже самый опытный, и даже под угрозой немедленного четвертования, не сможет доказать то, что данный булыжник именно что прилетел в лоб водителю. А не сам водитель, вылетевший от удара машины о дерево из открытой кабинки, приложился

об него своей глупой головой. И так может быть – и эдак...

Но ведь оставался ещё и пассажир!

Неужто и он ухитрился выпасть из автомобиля? Это с заднего-то сидения? И тоже – головою об камень?

Ухитрился.

Только вот на дорогу он не попал.

Да и выпал – далеко не самостоятельно... так кто про то ведал?

Правда, ему (в отличие от водителя) повезло – упал прямо в заботливо протянутые руки. Даже и не ушибся... хотя приятным его пробуждение назвать было сложно.

Пока заботливые руки оттаскивали в сторону от дороги обалдевшего лейтенанта, несколько человек засуетились около автомобиля. Утащили назад в кусты дощечку с гвоздями, предварительно повыдергивав их оттуда. А саму доску быстро разломали на мелкие кусочки, которые не поленились упрятать в свои вещмешки. Чтобы впоследствии выбросить где-нибудь по пути. Приподняв машину, провернули пробитое колесо, разыскивая прокол.

Нашли – и тотчас же вкотили туда крепкий обломок сучка. Даже и молоток у них под рукой оказался... и сучок соответствующий... какие предусмотрительные товарищи встречаются у нас в лесу! И ведь били не просто молотком по сучку – подставили загодя припасённую дощечку! Чтобы не отпечатался на сучке явственный след удара м е т а л л и ч е с к и м предметом.

Коменданту объекта
Гауптману Берховену

Р А П О Р Т

Докладываю вам, что сегодня, 27 апреля 1943 г. в 11.32, при проверке прилегающего к дороге леса, подразделением охраны под командованием обер-фельдфебеля Олендорфа обнаружен пропавший вчера автомобиль начальника снабжения объекта. Судя по осмотру места, автомобиль потерпел аварию в результате столкновения с деревом.

По-видимому, причиной аварии послужил наезд автомашины на упавшее дерево, в результате чего сучком было пробито левое переднее колесо. Водитель не успел сменеврировать, машина

потеряла управление и, съехав с дороги под откос, столкнулась с растущим внизу деревом. Водитель вылетел из кабины и ударился головою о камень, вследствие чего и погиб.

Находившийся в автомашине пассажир – начальник снабжения объекта лейтенант Бауринг при аварии пострадал значительно меньше и смог самостоятельно выбраться наружу. По-видимому, не рассчитывая на то, что он будет быстро обнаружен проезжающими по дороге военнослужащими вермахта (движение по дороге весьма нерегулярное и эпизодическое), лейтенант принял решение возвратиться на объект. Забрав из машины автомат погибшего водителя, его документы и боеприпасы, он направился по дороге, в сторону объекта.

Но, по непонятным пока причинам, не смог уйти далеко. Его тело, без видимых телесных повреждений, было обнаружено нами в двух километрах от места аварии. Оружие и портфель с документами – присутствуют. При первичном осмотре тела лейтенанта нами обнаружено только несколько ссадин и синяков, которые, ввиду их малозначительности, сами собой не могли послужить причиной смерти.

Тщательным осмотром места аварии и места обнаружения тела лейтенанта Бауринга, никаких следов присутствия посторонних нами не обнаружено. Ввиду прошедшего ночью дождя, розыскная собака след не взяла. Оружие и все документы – в сохранности.

Тела погибших нами доставлены в городскую больницу для тщательного осмотра соответствующими специалистами.

Автомобиль отбуксирован в гараж объекта. По заключению механика – фельдфебеля Крайцберга, автомашина не получила серьезных повреждений и может быть восстановлена в самый кратчайший срок.

Командир взвода охраны

Лейтенант Лемке.

Выдержка из акта медицинского обследования.

...Исходя из результатов вскрытия и проведенных анализов, можно сделать вывод о том, что причиной смерти явился сердечный спазм... косвенным образом этому мог способствовать алкоголь, обнаруженный в крови лейтенанта.

Никаких признаков насильственной смерти на теле не обнаружено, имеющиеся незначительные ссадины и царапины не носят фатального характера и не могут служить причиной резкого ухудшения здоровья.

...Признаков отравления – не обнаружено. Анализ крови также не выявил содержания в ней каких-либо медицинских препаратов или препаратов специального назначения.

Вывод:

Смерть лейтенанта Бауинга последовала в силу естественных причин, не обусловленных вмешательством посторонних лиц. Косвенным образом этому мог способствовать алкоголь, обнаруженный в крови умершего.

Специалист-патологоанатом

Штабсарц Герман Раховски.

– Итак, мой любезный гауптман, – профессор сегодня был не в духе, и это было видно по его словам, – что неприятного вы хотите сообщить мне сегодня?

Несмотря на колкости высокого гостя, комендант старался держать себя в руках – ссориться с таким человеком было бы крайне неразумно. Берховен, будучи весьма неглупым офицером, уже успел понять – в каких высоких кругах вращается его собеседник. Гауптман хорошо понимал, что перспектива увидеть окопы Восточного фронта лично во многом зависит от того, какое мнение составит о нем профессор. Поэтому надо было проявить всю возможную изворотливость и постараться как-то выйти сухим из воды. Пусть профессор не носит мундира (вполне, кстати, может быть, что именно – не носит, хотя и имеет...), но его возможности от этого ничуть не уменьшаются.

– Сожалею, герр профессор, что несколько расстроил вас своим предыдущим докладом! Но хочу подчеркнуть, что я просто обязан немедленно информировать вас обо всех событиях, которые происходят в округе! Именно так мною воспринимаются указания руководства! Я должен всемерно содействовать вам в вашей работе и...

– А что в ы знаете о м о е й работе, гауптман? – голос фон Хойдлера внезапно стал вкрадчивым.

«Влип! Вот же черт дернул меня такое сказать!» – промелькнуло в голове Берховена.

– Только то, герр профессор, что в а м и вашим людям никто и никоим образом не должен мешать! Все службы объекта должны функционировать в установленном порядке – согласно графику! А всякие неожиданности и несчастные случаи, которые происходят вокруг – они ломают заведенный порядок! И нарушают нормальное функционирование работы наших служб! Мне пришлось отвлечь часть людей от работы, бросить их на внеплановое прочесывание леса и...

– Оставьте! Такие мелочи м е н я не интересуют! – отмахнулся высокий гость. – Докладывайте по существу!

– Слушаюсь! Согласно заключению врачей, лейтенант Бауринг скончался от сердечного спазма. Он, по-видимому, накануне вечером немного выпил, а тут – эта авария! Перенапряжение, как говорят врачи. Все вместе и привело к такому печальному исходу... Одно наложилось на другое... вот сердце и не выдержало.

– Это официальное заключение?

– Так точно, герр профессор!

– Так-так... А авария?

– Я лично осматривал машину! (И напрасно – механик сделал бы это лучше и профессиональнее. Прим. авт.) Это действительно случайность – крепкий сучок пробил боковину шины. Дыра оказалась слишком большой, обломок от сучка в ней застрял, вот колесо и спустило так быстро. А дорога в том месте идет по насыпи, довольно, кстати, высокой – поэтому машина свалилась вниз. И тут – дерево! Водитель не удержался – да и я сам на его месте не смог бы! Бедняга вылетел из кабины и ударился головою об камень.

– Собаки?

– При аварии открылась запасная канистра с бензином – там все им провоняло... Но, должен сказать, герр профессор, что тело лейтенанта нашли именно они!

– Значит, если я вас правильно понял, никаких признаков присутствия агентуры противника в нашем районе...

– Не наблюдается, герр профессор!

– Вы совершенно в этом у в е р е н ы, гауптман?

– Абсолютно, герр профессор!

– Ну, что ж... В конечном итоге, я не сыщик... и не обязан вникать во

все эти тонкости и полицейские штучки. Можете быть свободны, Иоганн! И постарайтесь впредь оградить меня от подобных случайностей!

«По имени назвал! Фух... пронесло...»

Выдержка из рапорта.

... Таким образом, в результате проведенной операции, нами была установлена очередность поездок в город офицеров, осуществляющих руководство объектом. Исходя из полученных указаний, нами был подготовлен захват офицера, который отвечал за снабжение его продовольствием. Операция проведена в соответствии с разработанным планом, без применения огнестрельного оружия. Водитель машины был убит, а нами организована имитация аварии. Захваченный офицер – Карл Вильгельм Баулинг, имел при себе портфель с документами. Документы нами перефотографированы и уложены назад в портфель (в том же порядке, как и ранее). Экстремно допрошенный немец дал ценные показания, пояснив многие вещи, ранее нам неизвестные. Запись показаний лейтенанта Баулинга прилагается.

По окончанию допроса офицер был отведен на два километра в сторону от места аварии, где сержант Микульченко нанес ему удар в грудь, в результате которого у немца произошла остановка сердца.

На месте аварии и около тела лейтенанта нами были проведены маскировочные мероприятия для ликвидации следов членов оперативной группы. С этой целью перед началом операции обувь бойцов была обвязана травяными жгутами, для искажения оставляемых ею на земле следов. Предварительно сама обувь была пропитана хвойным настоем, а дорожка отхода присыпана специальной смесью № 4, полученной перед вылетом группы. Обнаружив в автомашине канистру с бензином, ефрейтор Лигачев организовал имитацию его разлития в результате аварии, чем существенно затруднил возможное использование противником собак. Таким образом, следы нашего пребывания на месте аварии были практически полностью уничтожены, а применение немцами служебно-розыскных собак оказалось

неэффективным.

Выполняя приказание, группа экстренно отошла в район квадрата 23–12, где и передала полученные сведения связному...

Командир спецгруппы «Олењ»
Старший лейтенант

Лисицын О.П.

Спустя некоторое время

Управление «В»

– Ну-с, товарищи вы мои хитромудрые, что скажете? – полковник Чернов обвел глазами сидевших перед ними людей.

Задумчивый Мольнар, что-то чиркающий в блокноте Благов и невозмутимый Гальченко сидели напротив него. Перед ними возвышалась невысокая стопка тонких папок.

– Кто первый начнет? – начальник управления обвел глазами своих специалистов.

– Ну... если мне будет позволено, Михаил Николаевич, то начну, пожалуй, я... – Благов положил перед собою блокнот.

– Уж сделайте одолжение, Петр Федорович! Мне руководство уже плешь проело – когда будет результат?! А мои великолепные спецы – как воды в рот набрали!

– Не так все просто, Михаил Николаевич... тут против нас тоже далеко не студенты вчерашние собирались. Сказать по правде, мы и сами не полностью себе представляем всего масштаба задействованных немцами сил. Уж больно картина... грандиозная, что ли, получается...

Полковник выжидающе посмотрел на доцента, покатал по столу карандаш.

– И? Что теперь? Там что, весь цвет немецкой разведки собрался? Все её лучшие, так сказать, представители?

– Если б так, Михаил Николаевич... Это-то противник известный, ну, в смысле, что не лично мне, но вы понимаете...

– Понимаю. И всё же?

– Позвольте мне, товарищ полковник? – Гальченко чуть приподнялся с места, прося слова.

Чернов удивленно приподнял бровь – по званию майор называл его крайне редко и уже одно это свидетельствовало о том, что вопрос крайне серьезен.

– Прошу вас, Александр Иванович, – кивнул хозяин кабинета.

– Вкратце. Мы имеем дело с совместной операцией, которая официально проводится абвером. Официально, я подчеркиваю. Все работы курируются лично полковником Лахузеном. Это – со стороны абвера.

Хозяин кабинета кивнул – Проводник умел четко расставлять все

точки над «i».

– Непосредственно полковником привлечен к делу в качестве научного консультанта профессор фон Хайдлер. И вот тут – в операции начались всякие странности... Официально целью исследования профессора являлся некий таинственный человек, которого, по каким-то причинам, фон Хайдлер не может вывезти в рейх. Задача профессора заключалась в уяснении причины происходящего. Стоит ли вовсе тратить время на то, чтобы возиться с этим объектом? От группы профессора поступили два отчета – он докладывал, что контакт с испытуемым установлен, тот начал говорить...

– И что дальше?

– А дальше – на объект прибыла группа людей, которая установила на нём тщательную внутреннюю охрану, после чего всякие доклады наверх прекратились. Вообще прекратились – как отрезало. Лахузен было возмущался – но его осадили. И в достаточно резкой форме – дело перешло в руки Аненербе, а в эту контору у него хода нет.

– А у нас?

– И у нас нет.

– Так...

– Продолжу. По полученным нами сведениям, на объект привозят новых людей – с ними тщательно работает группа фон Хайдлера. Характер работы – неизвестен никому. Но агентурным путем удалось выяснить, что профессора интересуют все случаи, когда различные люди вдруг, без всяких видимых причин, начинают проявлять необыкновенные способности. Говорить на разных языках, демонстрировать ранее им неизвестные навыки и умения... Вот теперь засвербело в затылке уже и у Петра Федоровича – это же его конёк! Он тут не покладая рук, понимаете, бьётся – а, оказывается, уже и немцы над этим работают, да ещё как работают! Нашуважаемый руководитель научной группы среди нас таких товарищей тщиться разыскать, ан выясняется – не там ищем!

Майор прервался и, протянув руку, налил себе в стакан воды из графина. Сделал пару глотков и поставил стакан на стол.

– Продолжим. Анализ работы немецких абвер-групп четко показал – они ищут подходы к фигурантам дел, которые так или иначе, но имели контакт с теми, кого проверял наш отдел.

– А именно? – полковник сделал в открытом блокноте какую-то пометку.

– Похищенный ими Демин плотно общался с человеком по фамилии Котов. Следующая ориентировка выдана немцами на Барсову.

– Это точно?

– Абсолютно – удалось проверить из независимого источника. Более того, на объекте уже приготовлено помещение для содержания в нем женщины, даже спецперсонал прибыл – трое «медсестер» из Аненербе. Фон Хайдлер имеет в этой конторе немалый вес...

– Значит... Леонов?

– Манзырев, товарищ полковник.

– Но... откуда про него узнали немцы?

– Я не думаю, что немцы про него знают. Но вот в чем-чем, а в умении логически мыслить – им не откажешь... Смотрите! – майор положил на стол листок бумаги, на котором рисовал какие-то значки.

– Что это?

– Послужной список Барсовой. Сорок первый – неожиданный прыжок сразу до младшего лейтенанта.

– Такое бывает...

– Без военного училища? Или хотя бы курсов подготовки младшего комсостава? Да плюс орден?

– Ну... и так тоже бывает...

– А группа гауптмана Борга? Эта история получила известность в узких кругах – и у немцев тоже. А кого ловил Борг?

– Леонова...

– И с кем тот самый Леонов встретился?

– С Барсовой.

– Угу... и погиб, спасая её от смерти... да и в деревне остался, чтобы прикрыть её отход. А если внимательно почитать рапорт Барсовой... то там можно обнаружить некоторые вещи, которые не находят вообще никакого внятного объяснения. Так если, вдобавок, с ней ещё и поговорить...

– Что вы уже и сделали...

– Пришлось, – пожал плечами Проводник. – Немилосердно воспользовался своими полномочиями, показал фигу своему тезке (он крайне болезненно воспринимает всякий к ней интерес) и утащил её на пару деньков... пообщаться.

– И как?

– Немало... Петр Федорович – тот даже дар речи потерял, когда понял, мимо чего он в свое время прошел. Встал в охотничью стойку – и затребовал нашу милую девушку на растерзание.

Чернов хмыкнул – Проводник отличался не меньшей ревностью. Тех сотрудников, которых он тренировал лично – майор готов был защищать любыми доступными средствами. И от кого угодно – тут уже сказывались

его прошлые привычки, с трудом удерживаемые. После того как, попав под огонь вражеских зенитчиков, на землю, разваливаясь на куски, рухнул транспортный самолет с разведгруппой, летевшей на выброску, Гальченко пару дней ходил мрачнее тучи – погибло сразу двое ребят из числа тех, кого он в свое время готовил. Впрочем, он быстро пришел в себя – и засел за бумаги. Перекопал кучу разведсводок, перерыл груду трофейных документов – и внезапно успокоился. А через два месяца принес полковнику очередную сводку – подчеркнув красным карандашом один абзац.

Из сухих строчек донесения явствовало, что при проведении плановой тренировки на зенитной батарее самопроизвольным взрывом, произошедшим прямо на складе снарядов, было убито и ранено более семидесяти человек личного состава, а большинство орудий уничтожено.

– Партизаны постарались... – буркнул майор.

Листок со сводкой прикололи к стене, на которой висели фотографии погибшей группы – впечатление это произвело немалое!

Благов, услышав последнюю фразу Гальченко, поёрзal на месте. Открыл рот, собираясь вставить свою реплику, но, натолкнувшись на предостерегающий жест полковника, только вздохнул.

– Да, – покосился на доцента майор, – именно на растерзание! Одной писаницы там столько предстояло бы, что отсыхание у неё правой руки могло последовать в самом ближайшем будущем! А нам она нужна живой и здоровой! Особенно сейчас!

– Но наука требует... – не выдержал Благов.

– Перебьётся ваша наука, – проворчал с места Мольнар. – Мало вам лягушек резать – теперь живых людей подавай!

Чернов постучал карандашом по столу.

– Продолжайте, пожалуйста, Александр Иванович...

– Спасибо, Михаил Николаевич! Так вот, считаю, что в лице Барсовой мы имеем совершенно уникальный случай! Ладно, я ещё готов предположить, что Манзырев и Леонов непостижимым образом как-то могут быть связаны между собой! Совершенно не понимаю как, но – допустим! Слишком уж много совпадений получается... это не просто так! Но вот Котов – особая статья! Он-то с ней не контактировал вообще никогда и никоим образом. И тем не менее – немцы её ищут! Вопрос – зачем?

– Зачем же?

– Тут меня товарищ Благов «просветил»... – ехидно усмехнулся майор. – Мол, девушка наша – не что иное, как катализатор.

Чернов удивлённо приподнял бровь.

– Поясните?

– Она, сама того не подозревая, как-то притягивает к себе или сама притягивается именно к таким людям. К непонятным и неординарным. Возможно, что общение с Манзыревым наложило на психику Барсовой какие-то... – Гальченко повертел в воздухе пальцами, – Словом, она теперь, как своеобразный магнит. И немцы это тоже поняли.

– То есть, если ваши догадки верны, у фон Хайдлера сейчас присутствует такой человек? И ему нужна наша девушка, чтобы проверить правильность своих построений?

– Не исключаю, что такой человек там не один, – кивнул майор. – Во всяком случае, похищение Демина четко на это указывает. Особист контактировал с Котовым – вполне возможно, что и он как-то способен реагировать на таких людей. А вот если и Марина как-то на них среагирует – то вопрос можно считать решённым. Фон Хайдлер окажется прав в своих выкладках.

– Пусть так! – кивнул Чернов. – Но – что это ему дает?

– Это – к Петру Федоровичу! Он тут уже целую тетрадь на свои теории извел... В настоящее время, товарищ полковник, у нас с вами есть два вопроса! И оба – архиважные!

– А именно?

– Немцы хотят получить Барсову. А мы хотим попасть в лабораторию фон Хайдлера. И организовать там танец дикого слона! Совершенно очевидно, что устраивать войсковую операцию нам никто не даст – просто сил таких нет. Остается только вариант «тихого» проникновения на объект. Негласный – или официальный. Подготовить внедрение агента к профессору – нереально! Мы даже не знаем на кого и каким образом выходить!

– Согласен, – наклонил голову начальник управления. – Официальным путем – мы ничего сделать не сможем. Подготовить и залегендировать внедрение агента по линии абвера или, тем более – Аненербе, в короткое время невозможно. На это в лучшем случае не менее, чем полгода потребуется. А второй вариант?

– Дать возможность немцам похитить Марину – и таким образом ввести на объект своего человека.

Полковник повертел в руках карандаш.

– А вы уверены в том, что она, попав в руки к немцам, сможет выдержать там хоть сколько-нибудь долго? Они, если верить выкладкам нашего Петра Федоровича, те ещё мастера – расколют нашу девушку очень

быстро! И что тогда? Ведь на верную смерть человека направляем! Какие у них будут мотивы для того, чтобы сохранить ей жизнь после того, как они что-то там такое выяснят. Или – не выяснят. Тогда – тем более опасно!

– Я думал и над этим, – кивнул Гальченко. – Долго думал... И вот какой вариант мне пришёл в голову...

Несколько дней спустя

Объект «Тишина»

Длинный черный автомобиль, покачиваясь на неровностях дороги, въехал в ворота. Проскрипели петлями массивные полотнища, отрезая от внешнего мира внутренний двор бывшего санатория. Впрочем, реконструируя под свои нужды этот дом, новые хозяева менее всего руководствовались эстетическими соображениями. Скрип петель был вызван солидным весом воротных створок. Усиленные металлическими угольниками, они были способны противостоять таранному удару грузовика.

Когда-то красивый вид лесной усадьбы сейчас был испорчен двумя сторожевыми вышками, возвышавшимися по углам. А третье пулеметное гнездо расположилось прямо на крыше самого большого (трехэтажного) дома.

Но некому теперь любоваться этой красотой – обитатели домов не собирались совершать прогулки по лесу – и когда-то ухоженные тропинки теперь невозбранно зарастали кустарником. Никто больше не прохаживался в уютной тени вековых дубов, большинство из них попросту спилили: деревья мешали часовым на вышках.

Но этим не ограничились – на заборе поблескивали провода. Не колючая проволока (она огораживала подступы к домам, в основном, в тылу – там, куда не выходили окна кабинетов руководства), а хитроумные системы сигнализации. Новые хозяева очень сильно не желали того, чтобы к ним в гости зашел хоть кто-нибудь незваный...

Но прибывший сегодня гость к таковым совершенно не относился. Более того – сама идея создания данного места принадлежала именно ему. Принадлежала... как же! Предъявляя документы на посту внутреннего контроля, полковник Лахузен неприязненно покосился на молчаливого эсэсовца, мрачноватой фигурой возвышавшегося за его плечом. Эсэсовцы... их он сюда не приглашал... Но, увы, в данной обстановке он уже ничего изменить не мог – внутренняя охрана объекта ему совершенно не подчинялась. И он сам, несмотря на высокий пост, являлся для них всего лишь очередным посетителем – не более.

Закончив просмотр документов, черномундирник снял телефонную трубку и доложил. Выслушав ответ, кивнул и опустил её на рычаг.

— Герр оберст, можете следовать дальше. Вас проводят. А вот адъютанта я попрошу обождать здесь — в той комнате.

«И это они предусмотрели» — думал Лахузен, следя за провожатым. — «Надо отдать должное этим парням из СД, своё дело они знают хорошо! Если бы ещё и не совали свой нос в каждую дыру...»

К сожалению, обстановка не способствовала тому, чтобы затевать склоку с данной организацией. Увы, но абвер уже не являлся той мощной и всевластной структурой, которая могла диктовать правила игры. Тем более — такой конторе, как СД. Вдвойне обидным являлся тот факт, что начатое здесь дело, сама его идея — принадлежали полковнику. Он — и никто иной, смог увидеть в ворохе разрозненных донесений и сводок то самое зерно, из которого могло в будущем вырасти что-то грандиозное. Лахузен сам привлек к делу фон Хайдлера, пользуясь своим давним знакомством с профессором. Ну и что с того, что тот занимает какой-то там пост в Аненербе? Мало ли в рейхе таких полумистических контор? Одно дело — ворошить замшелые манускрипты и совсем другое — решать столь многообещающие головоломки! Да они должны быть только благодарны абверу за то, что он привлекает их к своей работе!

Но вот ожидать того, что, получив доступ к такой информации, Аненербе развернётся со всей стремительностью атакующей кобры — не мог никто! И менее всех — сам Лахузен. Услышав в телефонной трубке голос начальника охраны, полковник в тот день даже не нашелся, что ему ответить. На объект, в сопровождении взвода СС, прибыл профессор. Ну, прибыл... так он тут работает! Но вот его сопровождение... Гауптштурмфюрер Мадсен, приехавший вместе с профессором, предъявил растерянному гауптману Берховену свои полномочия. Там черным по белому указывалось на то, что вся внутренняя охрана объекта отныне осуществляется спецподразделением СС. Как и пропускной режим — он теперь совершенно не зависел от Берховена. Кого пропускать внутрь — это уже будут решать эсэсовцы. Подписи на документе однозначно свидетельствовали о том, что какие-либо попытки возражать совершенно неуместны и бесполезны. Гауптман просил инструкций, но что мог ему ответить Лахузен? Он не был готов к такому неожиданному повороту и ничего не мог посоветовать начальнику объекта. Что-то пробормотав в трубку, он опустил её на рычаг и постарался собраться с мыслями.

Кто это?

Кому принадлежит сама идея об отправке СС на объект абвера?

Доложить адмиралу?

Мысль правильная — но что скажет на это Канарис?

Потребует объяснений?
Естественно, а что ему ответить?
Но – делать нечего, докладывать все равно нужно...

Против ожидания, адмирал выслушал доклад молча и никаких критических замечаний в его ходе не сделал. Ободрённый этим, Лахузен закончил уже не с таким мрачным настроением.

– У вас всё, Эрвин?

– Да, экселенц.

– Так-так-так... – Канарис зачем-то переложил папки на столе. – А непрост оказался этот ваш профессор! Как он нас всех переиграл, а?!

Полковник только руками развел – что было говорить?

– Ведь я всегда подозревал, что фон Хойдлер – это тот ещё мастер морочить людям головы! – Канарис сплел пальцы рук и, поставив локти на стол, подпер сплетенными пальцами подбородок. – М-м-м-да... И что вы теперь собираетесь делать?

– Экселенц, но разве в этой ситуации возможно вообще что-нибудь сделать? Доклады от профессора перестали поступать – он ссылается на руководство Аненербе, которое прямо запретило ему информировать кого бы то ни было, кроме данной организации...

– Это-то я понимаю. Не понимаю другого – на что рассчитывали вы?

– То есть? – опешил Лахузен.

– Ну, хорошо, давайте немного пофантазируем! Миссия профессора увенчалась успехом – он вытянул из этого русского что-то невероятное! Способ впадения в транс или методику раздвоения личности... не знаю, что вообще в подобном случае можно вытянуть? И что в результате? Мы резко усилили бы свою военную мощь? Каким образом, позвольте вас спросить?

– Но этот русский в бреду говорил такие странные вещи...

– В бреду, Эрвин! Не сомневаюсь, что и вы, не дай бог попасть под минометный разрыв, в б р е д у смогли бы такого наговорить... У неподготовленного врача, да ещё и неосведомлённого о вашей истинной профессии, просто ум помутился бы от таких новостей!

– Но, экселенц, если допустить, что все то, что наговорил русский – это правда...

– То – что? Мы выиграем войну в три дня? Каким, простите, образом?

– Но профессор... он сказал, что подобные исследования могут перевернуть целые области науки!

– Какой? Психологии? А как это влияет на военные действия? Если не

ошибаюсь, фон Хайдлер ничем иным никогда и не занимался. Хорошо, допустим, что мы смогли вылечить пару сотен душевнобольных, потерявших рассудок после бомбёжек... И что? Военная мощь рейха многократно возрастёт за их счёт? Ах, да... он ещё и исторические изыскания проводил... угу... Раскопаем, стало быть, десяток старых захоронений и найдём там... А что мы там найдём? Заметьте, Эрвин, я пока склонен рассматривать только варианты положительного разрешения работы профессора! И ничего не говорю о том, кому, а главное как придется отчитываться в случае неудачи! А ведь придется... Слишком большие авансы выдал фон Хайдлер очень серьезным людям – ошибки ему не простят!

– Экселенц! Так вы... вы все знали и без моего доклада?

– Эрвин, друг мой, зачем я тогда сижу в этом кресле? Хорош бы был начальник абвера, не имеющий с в о и х источников информации! – адмирал неожиданно улыбнулся. – Профессору надо сказать спасибо – и вы лично это сделаете!

– Вы полагаете... – полковник на секунду запнулся, – что я должен сам...

– Именно, друг мой! Именно – сами! Если фон Хайдлер выиграет – мы были теми, кто натолкнул его на это. А вот если проиграет... то он взялся не за свое дело!

– И СД в данном случае...

– Будет выглядеть не лучшим образом – отчего вы полезли туда, где ничего не понимаете? Отобрали перспективную разработку у профессионалов своего дела – вас ведь можно к ним отнести?

– Полагаю, что...

– Можно! Ваша скромность весьма похвальна, но уж в этом-то случае я знаю, о чём говорю! Ну, а взамен оказанной Аненербе и СД любезности, мы же можем чего-нибудь и попросить, ведь так?

– Вообще-то, экселенц, – обрел ясность мысли Лахузен, – все операции по добыванию нужных людей – это и так наша прерогатива. В данном случае СД нам не конкуренты.

– Вот-вот! Мы, так уж и быть, достанем вам, господа, кого-нибудь... Ну, а попутно и свои некоторые вопросы решим... это ведь будет вполне по-джентльменски, не так ли? Мало ли к т о попадёт в нашу ловушку? Вы меня хорошо поняли, полковник?

Вспоминая сейчас этот разговор, Лахузен неторопливо шел по коридору, следя за провожатым. Он не был тут не так уж и много времени,

но профессор со своей командой, надо полагать, время даром не теряли. Некоторые двери были заменены на более основательные, многие окна занавешены плотными тяжелыми шторами. На полу появились ковровые дорожки, скрадывавшие звук шагов. Идешь по такому коридору и совершенно непонятно, что это? Больница или какое-то иное учреждение? Нет, всё-таки больница! Неуловимый запах лекарств еле ощутимо повис в воздухе, пробиваясь через все прочие запахи. Странно, зачем это нужно профессору?

Ещё поворот, ещё один пост – здоровенный «санитар» в белом халате, сидящий около столика с телефонным аппаратом. При виде посетителей, он встает и требовательно смотрит на сопровождающего.

– К герру профессору.

Всё ясно – и «санитар» делает шаг в сторону, проход свободен. А под халатом-то у него оружие – наметанный глаз Лахузена выхватывает еле заметные характерные очертания на левом боку. Страхуется фон Хайдлер... или это у СД такая мания – во всех видеть возможных врагов?

Но все заканчивается, закончился и этот путь – перед полковником бесшумно распахнулась тяжелая дверь, пропуская его в святая святых. В кабинет главного человека всего этого здания...

– Прошу вас, друг мой, присаживайтесь вот сюда – к столику! – профессор был сама любезность и прямо-таки лучился добродушием. – Я приказал приготовить вам кофе и ваш любимый коньяк!

Ну что ж... и на том спасибо. Вошедший грузно опустился в мягкое кресло.

– Увы, обстоятельства сложились так, что мы некоторое время не виделись... – сокрушенно покачал головою хозяин кабинета. – Дела... к сожалению, я далеко не всесилен...

Ну-ну! Рассказывай мне сказки...

А кофе хорош! Да и коньяк, надо отдать должное профессору, тоже весьма неплох.

– Но вы молчите? Я совсем заболтал вас, мой друг? Простите старика...

Угу, ты ещё всех нас переживешь... Но надо, наконец, что-то ответить, это уже начинает выглядеть некрасиво.

– Что вы, Иоахим?! Я просто немного устал с дороги...

– И тут я на вас насыпал со своими вопросами... Простите, Эрвин, но... возможно, вам следует отдохнуть? До вечера...

– Благодарю вас, но, если позволите, то попозже.

Да, старый хитрован, никто не собирается давать тебе время на то,

чтобы ты дополнительно приготовился.

Ноль-ноль.

– Я вас внимательно слушаю, мой друг!

Ага! Так я и разогнался – вопросы задавать. Нет уж, послушаю-ка лучше твои ответы.

– Да, собственно говоря, Иоахим, у меня к вам только одно дело – что нам предстоит в дальнейшем?

Вот так! А теперь, дружище, думай! Что я хотел спросить на самом деле?

Професор в некотором замешательстве погладил чисто выбритый подбородок.

– Хм... но, как я полагал, гауптман своевременно вас обо всем информирует?

– О чём? Сейчас он ищет у Советов какую-то девицу... Простите, профессор, но группа Норберта – не мои личные вассалы! Он на службе, на него и его людей тоже имеются кое-какие планы уже не у меня – там! – палец Лахузена указал на потолок. – Я даже не могу ничего сказать по этому поводу! Когда освободится группа? А неизвестно... даже связь с ними – и та идет не через наш радиоузел!

– Вот как? – удивленно приподнял бровь фон Хайдлер. – Но ведь я не специалист в таких тонкостях... связь организована Штангером...

– Простите, профессор, но я не знаю кто это.

Ага! Рольф Штангер – оберштурмбаннфюрер СС, офицер для особых поручений самого рейхсфюрера СС. Стало быть, и господин Гиммлер тут незримо присутствует... интересно!

Один-ноль!

– Ну... его ко мне прислали специально для организации таких вот вопросов... – хозяин кабинета развёл руками. – Я ведь не профессионал в этих делах...

«Ну-ну! – развеселился про себя Лахузен. – То, что ты мастер по задуливанию мозгов собеседникам – этого, конечно, никто не отнимет! Но! Для успешной и плодотворной работы этого недостаточно! А эти бравые парни Генриха – не слишком уж опытные специалисты, это вам не коммунистов на допросе мордовать – тут голова нужна! То-то вы так вцепились в гауптмана...»

– Могли бы и у меня спросить... – пожал плечами полковник. – Всё-таки, я далеко не первый год в таких делах...

– Увы, Эрвин, тут мои возможности ограничены – не все решается здесь!

– И всё же, профессор, мне очень нужны мои люди! Это – тоже не моё желание, вернее – не только моё! Я всё-таки должен знать – когда я их получу? Или хотя бы иметь убедительные аргументы для...

– Адмирала?

– Да.

– Вы их получите.

Лахузен усмехнулся и повернул правую руку раскрытой ладонью вверх.

– Даже так? Давайте, Иоахим! Я буду вам чрезвычайно признателен!

Совершенно секретно. Начальнику Управления разведки и контрразведки ОКВ
адмиралу Канарису.

Докладываю Вам, что в структуре НКВД СССР образовано специальное подразделение особого назначения. Официальное название – управление «В» ХОЗУ НКВД СССР. Формально данное подразделение занимается хозяйственно-бытовыми вопросами и проблемами обеспечения наркомата техническими средствами.

На самом же деле список задач, поставленных перед данной организацией, до конца так и не определен.

Можно выделить следующие основные направления.

1) Подготовка (с помощью новейших научных разработок) высококлассных оперативников и мастеров огневого/рукопашного противодействия;

2) Выработка эффективных методик контрразведывательного обеспечения, с учетом анализа деятельности разведслужб рейха, британской и американской разведок;

3) Разработка новейших технических средств ведения оперативной работы;

4) Глубокое исследование психологии и иных свойств человеческого организма с целью достижения максимально возможных результатов деятельности оперативного состава;

5) Ускоренное (в течение нескольких сеансов) изучение иностранных языков и закрепление ранее неизвестных испытуемому навыков и умений;

Для практического использования сотрудников, прошедших

обучение по данным методикам, созданы несколько подразделений, не входящих в структуру управления «В». Их названия выяснить пока не удалось, но источник показал, что лично он проходил службу в управлении «А» Первого Главного Управления КГБ СССР. Указанное подразделение мне не известно, и никакого упоминания о нём в разведдонесениях не имеется.

Большинство сведений получено от подполковника Котова Александра Сергеевича, являющегося сотрудником управления «В2» (вероятно, созданного для использования в нем сотрудников, прошедших обучение и подготовку в управлении «В»). Указанное лицо ранее проходило службу и в управлении «А», из чего можно сделать вывод о близком сотрудничестве указанных организаций.

К сожалению произвести целенаправленный допрос подполковника в настоящее время не представляется возможным. По каким-то, оставшимся неизвестными, причинам, профессор поддерживает его в состоянии полусна, используя для этого различные медицинские препараты. Одной из таких причин, по объяснению фон Хайдлера, является то, что он пока не может спрогнозировать реакцию Котова после пробуждения. Имеются основания предполагать, что подполковник, осознав своё положение, может предпринять попытку самоубийства или иным образом пресечь всякую возможность для плодотворной работы с ним.

Начальник Абвер-2

полковник Лахузен.

Выдержка из письма.

Рейхсфюрер!

Спешу сообщить Вам, что мой разговор с полковником Лахузеном состоялся. Он получил ту часть информации, которую Вы позволили ему сообщить. Надеюсь, что адмирал будет этим удовлетворён, и группа Норберта продолжит свою работу. Мне, как никогда, нужны её результаты.

... Спешу сообщить, что мои разговоры с подполковником

успешно продолжаются. Обслуживающему персоналу удалось создать в его представлении убедительную картину тяжелой контузии, которая сопровождается почти полной утратой двигательных функций и частичной потерей зрения. Он видит, может различать силуэты приходящих в палату людей, но – не более. Самостоятельно передвигаться подполковник не способен, поэтому, пользуясь тем временем, когда он спит, медперсонал производит ему стимулирующий массаж мускулов, дабы избежать ненужных осложнений в физическом плане. Нам менее всего нужен инвалид, не способный даже поднять ложку. По ряду соображений, я приказал максимально долго поддерживать у него иллюзию тяжелого ранения, дабы побудить его использовать для связи со своим руководством кого-нибудь из числа обслуживающего персонала. Таким образом мы можем получить дополнительный, независимый канал связи, который может быть использован в дальнейшем по Вашему усмотрению. Персонал соответствующим образом проинструктирован, агент «Больке» должен будет в нужный момент пойти на контакт...

... Мои беседы с подполковником продолжаются согласно утвержденному плану. Находясь под действием определённых, строго дозированных препаратов, он не может в полной мере контролировать окружающую обстановку и пребывает в уверенности, что всё это происходит с ним в бреду или во сне. К сожалению, такой метод общения имеет и определённые неудобства – я не могу задавать ему прямых вопросов, ибо это сразу вызовет у объекта ненужные подозрения. Поэтому возможно только осторожное выяснение интересующих нас вещей. Приходится каждый раз аккуратно его подводить к нужной теме, что сильно утомляет и занимает много времени. Вынужден ещё раз подчеркнуть, что это, несомненно, высокопрофессиональный специалист, прекрасно подготовленный и хорошо обученный. Подполковник великолепно владеет немецким языком, знает английский и хорошо разбирается в новейших достижениях науки и техники – многие его высказывания я так и не смог понять. Ибо они относятся к тем областям технического прогресса, которые нами ещё не исследованы должным образом...

...Увы, но предложение сотрудников технического отдела о транспортировке подполковника в рейх я нахожу

преждевременным. В пути будет совершенно невозможно поддерживать установленный для него режим, что, в свою очередь, может иметь самые негативные последствия для всей операции в целом...

... Личность подполковника Котова установлена – его опознал доставленный нам группой гауптмана Норберта сотрудник особого отдела Демин, ранее с ним контактировавший. Правда, при общении с ним, тот не называл своего истинного воинского звания, представляясь рядовым бойцом. Настоящее звание было нами выяснено уже в процессе бесед с Котовым и неоднократно им подтверждалось. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что даже при общении с сотрудниками военной контрразведки и органов безопасности, сотрудники управления «В» не раскрывают своей принадлежности к указанной организации. Это косвенно указывает на высокую степень секретности, окружающую всё, что связано с работой управления...

... Возраст подполковника колеблется между 40 и 50 годами. Из этого можно сделать вывод, что Котов предположительно является офицером ещё прежней, императорской армии. Не исключено, что в данной организации используются наработки, полученные русской разведкой ещё до революции. Вполне вероятно, что подполковник не единственный офицер старой русской разведки, который принимает участие в деятельности управления...

... Отдельно хочу упомянуть о том, что по некоторым оговоркам, допущенным подполковником в ходе беседы, можно сделать вывод о том, что деятельность управления «В» может иметь отношение к экспериментам, которые проводятся в лаборатории З «С» нашей организации, что не может не настораживать уже само по себе...

Гиммлер отложил в сторону письмо и задумчиво посмотрел на своего собеседника.

- М-м-да...
- Согласен с вами, рейхсфюрер, – наклонил голову тот. – Ситуация сложная.
- И всё же, доктор, должен же быть какой-то выход? Согласитесь, это переходит всякие рамки! Мы в таком серьёзном деле не можем зависеть от

состояния мозгов какого-то русского! А вдруг – он и вовсе не проснется толком никогда? Что прикажете делать?

– Я проанализировал некоторые моменты... – гость потер рукой подбородок. – И полученные результаты меня совсем не порадовали!

– Что ещё?! – насторожился хозяин кабинета.

– Управление «А» КГБ... Это название всплывало и раньше!

– Где?

– В 1942 году. В связи с исследованиями профессора Маурера – ведь именно мы их и курировали. Там тоже фигурировал сотрудник указанного управления – подполковник Леонов! И тоже, кстати говоря, предположительно – офицер ещё русской императорской армии!

– М-м-м... не помню что-то... Подготовьте мне справку по этому делу.

– Слушаюсь!

– Опять какие-то гости неведомо откуда... – Гиммлер раздражённо побарабанил пальцами по столу. – Складывается впечатление, что русские целенаправленно отслеживают наши новейшие разработки!

– Если принимать во внимание то, о чем фон Хайдлер не пишет...

– А именно?!

– Профессор совершенно всерьез рассматривает вопрос о том, что его пациент является выходцем... из будущего! С этой точки зрения объяснимо очень многое!

– Я заметил. В словах профессора в прошлый раз проскальзывали такие намёки... Проход сквозь время... – хозяин кабинета нахмурился. – Это совершенно недопустимо! Не в том, разумеется, плане, что этого не может быть! Может! Но вот обладание этими технологиями в СССР – нонсенс! Это должно быть пресечено! Немедленно – и самым кардинальным образом! Рейх – вот кто может и должен это использовать! Чем, наконец, занимаются эти умники из лаборатории З «С»?! Долго ещё они будут кормить меня обещаниями?!

– В связи с этим, рейхсфюрер, меня очень настораживает сам факт участия в этой истории именно что с та рых сотрудников русской разведки. Не секрет, что они смогли проникнуть очень глубоко... у них было для этого время... и возможности! Русская императорская разведка – это серьёзный противник! Кто знает, где и на каком посту сейчас работает их агент? Мы всецело можем доверять только абсолютно надежным, тщательно проверенным – молодым людям! Выросшим на наших глазах.

– СС!

– Совершенно верно, рейхсфюрер! Только СС!

– Вот что, доктор... – Гиммлер сложил ладони и оперся на них

подбородком. – А подготовьте-ка мне справку о том, кто именно – из этих с т а р ы х офицеров царской разведки сейчас работает по специальности. И где именно. Попробуем достать русских с другой стороны. И... подумайте над тем, каким образом этим можно заинтересовать Канариса. Старый лис ещё не растерял своих охотничьих привычек! Пустим его вперёд, пусть ищет...

Этот небольшой магазинчик на окраине маленького городка никогда не ломился от покупателей. Сюда заходили местные жители, немногочисленные их родственники, приезжавшие к ним на отдых, редкие проезжие. Иногда заглядывали военные, в окрестностях городка располагалось несколько воинских частей. Но военные – редко, все-таки до городка ещё надо было как-то добраться.

Все изменилось с началом войны.

Совершенно исчезли отдыхающие – как класс. Местные – остались, куда им было ещё ходить?

А вот военных – стало больше, что, на первый взгляд, было несколько странно. Ведь ничего же не изменилось – гарнизоны не стали базироваться ближе. Дело было в том, что существенно участились поездки этих самых военных. Они теперь достаточно регулярно проезжали мимо магазинчика – по проложенной новой дороге, значительно сократившей путь. Так, что он теперь пролегал мимо магазина. И ничего не было удивительного в том, что однажды на его пороге появился немолодой уже майор в пропыленном кителе. Который, тем не менее, сидел на нём как влитой. Чувствовалось, что его хозяин умеет носить военную форму. По некоторым, только опытному взгляду понятным, мелочам можно было определить, что майор следит за собою, придавая немалое значение тому, как он выглядит в глазах окружающих.

А директор магазина, не один год проработавший в торговле, таким опытным взглядом обладал... И, увидев в первый раз этого посетителя, моментально сделал далеко идущие выводы. Прервав разговор с продавцом, он повернулся навстречу посетителю.

– Добрый день, товарищ майор! Чем мы можем быть вам полезны?

Вошедший вежливо поздоровался. Нет, никаких особенных пожеланий у него не имелось, но вот кое-какие мелочи, которые не входят в повседневный ассортимент выездного военторговского ларька...

Увы, но и здесь всего отыскать не удалось!

Раздосадованный директор клятвенно пообещал своему покупателю, что ляжет костьюми, но требуемое предоставит – не прямо завтра,

естественно. Все-таки война, товарищ майор должен понимать...

Майор понимал. И, уточнив у директора предполагаемые сроки поступления требуемых товаров, откланялся.

Директор хорошо понимал, когда, кому и что можно обещать. И когда нужно это делать. Опытный старый торгаш сразу же почуял свою возможную выгоду – и расстарался!

– Надо же – Золинген! – повертел в руках бритву покупатель через неделю. – Где ж взяли-то? Война ведь идет?!

– На складах нашлось... – вздохнул директор. – Там-то боевых действий пока не ведут... а вот элементарного бардака – того всегда хватало. Надо знать – где и у кого спрашивать. И как!

– Хм, ну с этим-то, как я погляжу, у вас все в порядке – знаете!

Директор смущенно потупился и улыбнулся.

– Да уж... Не первый год замужем, товарищ майор!

– Беру! – покупатель положил бритву на прилавок. – Раз уж вы такой тут оборотистый товарищ, то мы с вами подружимся!

Конечно, никакой особой дружбы не появилось – с чего бы это вдруг? Но частым гостем майор стал. А следом за ним подтянулось и ещё несколько человек. Надо полагать, сослуживцы. Некоторые из них тоже частенько стали делать директору (а таких покупателей он всегда обслуживал лично, выходя из своей крошечной комнатки в торговый зал) различные заказы. Большинство из них удавалось выполнить, некоторые, увы, нет. Но народ не обижался, хорошо понимая все те трудности, которые возникали у торговца. Иногда, в порядке любезности, таких посетителей директор угождал чаем – он был неслабым мастером его заваривать.

– И как это вам удается, Олег Фомич? – очередной раз удивился один из сослуживцев майора, тоже уже немолодой капитан, ставя на стол чашку. – Война ведь, никаких таких особенных разносолов и лакомств нет...

– Всё есть, товарищ капитан! – улыбнулся уголками губ директор. Умный человек, он хорошо понимал ту дистанцию, которая разделяла его и этих офицеров (а это были явно не простые пехотные служаки – дураку ясно!), поэтому не старался слишком уж сокращать её, ограничиваясь такими вот легкими беседами. – Только вот, в глазах некоторых завскладов, нет никакой разницы между вот этим чаем – и обыкновенным плиточным. Чай – и все. Могут этот дать, могут – любой другой. По накладным разницы никакой – все на вес идет.

– Хм... – капитан с сожалением посмотрел на пустую чашку. – Да уж! Век живи – век учись! А я и не предполагал, что и тут требуется

недюжинное мастерство! Поди ж ты – такие тонкости и где? На торговом складе!

– Э-э-э, товарищ капитан, так это я и не всё ещё вам рассказываю! – расплылся в улыбке польщеный директор. – Тут везде – глупый человек в два счета обмишулся! Привезешь какой-нибудь неликвид – и сиди с ним! А вот если знать, где и у кого спрашивать, да как...

– Ну, так и спросите мне такого вот чайку! – поймал его на слове капитан. – Я уж в долгую не останусь...

И не остался. Когда маленький магазинчик попробовали с ходу подломить какие-то залетные урки, ввалившись в него перед самым закрытием, их ждал неожиданный (и весьма жестокий) облом! Вряд ли эти недалекие громилы, прикидывая план ограбления, рассчитывали на то, что в магазине будут припозднившиеся посетители. А хоть бы и так – чего боятся? Дал в зубы, перо ненавязчиво продемонстрировал – и харэ! Тем паче что местные кореша ни о чем таком и не предупреждали – обычная торговая точка, без всяких хитростей...

Соответственно и налетчики не сильно утруждали себя какими-то там особыми приготовлениями. Понаоблюдав за домиком (а магазин стоял чуток поодаль от прочих строений) и выяснив распорядок его работы, они нагрянули «в гости» прямо перед закрытием магазина. Первым внутрь вошел вертлявый худой парень, оценить обстановку и прикинуть возможность «работы». Буквально через минуту, он вышел на улицу и закурил – всё в норме!

Ворвавшись в магазин, налетчики распределились по зданию. Один остался у дверей, карауля выход, двое, перемахнув через прилавок, зажали в углу испуганного продавца (худого мужичка весьма болезненного вида), а оставшаяся парочка навестила каморку директора.

– Ну чё, родной, делиться буд? – сверкнув «фиксой», поинтересовался старший из грабителей.

– Что-что? – не понял директор.

– Оглох?! Ухи прочистить тебе надо? Бабки гони! Водку! И жратву!

– Так это... карточки же...

– Ты мне тут Лазаря не пой! Карточки у него... А приторговываешь чем?

– Немного совсем... по коммерческим ценам... разрешение же есть... из торга!

– Да хучь от господа Бога! Гони, падла, бабки!

Обозрев тощую пачку денег, появившуюся на столе, бандит схватил директора за рубаху и притянул к себе.

– Не, ну торгаш ты воще, в натуре, обурел! Чё мне тут впарить хочешь? Это что?!

– Деньги... вы же и сами сказали...

– Это – деньги?! Я тя щас к стенке гвоздиками приколочу – тушу твою жирную!

– Леха! – возник на пороге подручный. – Машина! Грузовик какой-то подкатил! С военными!

Блеснувший в руке главаря нож уперся в живот испуганного заведующего.

– Кто это там такой объявился?

– Это военные... они иногда вечером заезжают к нам... по дороге, они в лесу стоят.

– Штырь! Кто там – в грузовике этом?

– В кузове – вроде бы девки в форме. Штук пять-шесть. В кабине – не видать.

– Дверь – на фиг запри!

– Магазин работает ещё полчаса, – подал голос испуганный торгаш. – Это все знают. Они станут стучать...

– Так... – Леха рассуждал быстро. – Ну-ка, жирный, марш к продавцу и вместе за прилавок встанете. А мы – рядышком будем, с той стороны – типа, покупатели твои. Слово вякнешь – там вам обоим и карачун! А братва вояк в ножи примет. Штырь – пушки готовьте, мало ли... водила уехать не должен!

– Замётано! – подручный исчез за дверью.

Когда в магазинчик вошли трое девушек в форме, сопровождаемые пожилым капитаном, все в нём выглядело как обычно.

– Добрый вечер, Олег Фомич! – поздоровался капитан. – А я вот девушек к вам завез – у Надюши завтра день рождения, вот мы и приехали к вам – авось, что-нибудь вкусное купим? Так как, порадуете нас?

– Кх-м-м... Ну... Таким людям – всегда поможем!

Столпившиеся у прилавка бандиты расступились в стороны, пропуская военных.

– Да вы проходите, товарищи! – главарь развел руки в стороны. – Вам ещё ехать далеко, а мы-то дома!

– Спасибо... товарищ, – кивнул в ответ капитан. – Это да... ехать нам прилично... Машенька, а ты сбегай-ка за майором. Александр Иванович тоже что-то спросить хотел... лично для себя!

«Так, – быстро прикидывал главный бандит, – девки без оружия,

видать, связистки какие-то... или санитарки, им шпалеры не положены. У капитана в кобуре „ТТ“, но его Митяй пасет, не достанет вояка свой пистоль. Майор... он, наверное, в кабине сидел – и у него точняк ствол есть. Водила... у того винтарь, штука не быстрая... Пашку туда, пущай проследит... Блин! Машина! Грузовик – на нём полмагазина вывезти можно! Это уже совсем другой коленкор получается! Надо брать!»

Уловив взгляд подручного, главарь повел головой в сторону машины, а руками сделал жест обозначающий поворот барабанки. Кивнув, подручный направился к двери, на ходу доставая из кармана пачку папирос, уже позаимствованную им ранее из магазинных запасов.

– Товарищ! – внезапно окликнул его капитан, – У вас, слушаем, папироски не будет? Водителю нашему, я-то, к сожалению, некурящий... А пачку целую покупать – оно вроде бы и ни к чему.

– Завсегда пожалста, дорогой товарищ! Для родной армии – не жалко! – протянул папиросы бандит.

– Спасибо! – капитан осторожно вытащил одну и аккуратно заложил её за ухо.

Стукнула дверь, Маша выскочила на улицу. Следом за нею туда же выскользнул и бандит, направлявшийся к машине.

– Олег Фомич, – проводив взглядом ушедших, снова повернулся к заведующему капитан. – Так чем нас порадуете?

– Конфеты у нас есть... вкусные! Даже и вино... настоящее грузинское! Только вот не знаю, по вкусу ли оно вам будет?

– Отчего так? Если оно настоящее-то?

– Да... – директор лихорадочно соображал, прикидывая разные варианты развития событий. – Горчит оно иногда... уж и не знаю – отчего?

– Горчит? – удивлённо приподнял бровь капитан. – Настоящее? Грузинское? Да ладно... быть того не может! Покажите!

– Сей момент! – заведующий обогнул молчавшего продавца и подошел к полкам. – Где ж оно... А! Вот, полюбуйтесь!

И взяв бутылку за горлышко, он протянул её капитану. В какой-то момент его рука дрогнула и донышко бутылки указало на стоявшего у прилавка бандита – у того под пиджаком блеснул металл...

Непонятно, заметил это капитан или нет, но бутылку в руки взял осторожно, словно она была сделана из хрусталия.

– «Киндзмараули»? И оно – горчит? – рассмотрев этикетку, удивился военный. – Марионочка, ты у нас вроде бы разбираешься... посмотри...

Невысокая девушка молча взяла в руки бутылку, шагнула чуть в сторону – поближе к лампочке, подняла, разглядывая на просвет.

«Валить их пора! Всех – и торгашей тоже! – мелькнула в голове главаря мысль. – Сейчас, пока все на бутылку смотрят! А майора, как войдет – в ножи примем! Со стволами, выпивкой и жратвой – эх, и погуляем!»

А капитан, ничуть не подозревая о грозящей всем участи, вытащил из-за уха папиросу и повертел её в руках. Поднес зачем-то к лицу, принюхался… помял пальцами…

– Штырь! Давай!

– Мяу… – спокойно произнес капитан. Поднес к губам папиросу – и внезапно дунул прямо в неё!

Вылетевший табак моментально забил глаза и нос стоявшего напротив бандита. А мгновение спустя туда же прилетел и кулак капитана.

Бутылка в руках Марины дрогнула – и, описав в воздухе полудугу, долбанула донышком точно в лоб ещё одного налетчика.

Вторая девушка внезапно присела – изящная ножка в небольшом сапоге… ощутимо въехала прямо по голени стоявшему рядом с ней Штырю. Что-то явственно хрустнуло. И бандит с воем рухнул на землю, зажимая руками сломанную ногу. Об пол брякнулся наган.

Внезапно оказавшийся в меньшинстве главарь, судорожно ухватился за пистолет.

Стукнула дверь – на пороге появился майор.

– Стоять!

– Держи карман шире! – браунинг главаря уже приподнялся и ловил стволом цель.

Ках!

Майор стрелял, не поднимая своего оружия.

На груди бандита появилось темное пятно. Он согнулся, что-то прошипел…

Ках!

Дрогнули доски пола.

– Там, на улице, Маша ещё одного сторожит – помогите ей…

– Франт! Сука… продался ментам, гад! – скорчившийся на полу Штырь приподнял голову. – Ни хрена… Недолго ты ноне побанкуешь – найдут тебя…

Ках!

– Остальные? – поинтересовался тот, кого назвали этой кличкой.

– В отключке – лыка не вяжут! – отозвался капитан, присевший на корточки рядом с лежащими бандюками. – Мой удар – вы знаете. А Мариничка своего бутылкой столь немилосердно приложила… что и не

знаю, есть теперь в этой бедной голове хоть что-нибудь?

– Вызывайте милицию...

Девушки, услышав слова капитана, прыснули.

– Я вот сейчас кое-кого... за толстый и пушистый хвост! Чтобы не забывался! Тебя, Котена, касается! Отставить хаханьки! – погрозил пальцем майор, убирая пистолет в карман.

Враз ослабевший заведующий, опустился прямо на пол – ноги не держали совершенно.

– Как вы, Олег Фомич? – присел рядом капитан.

– Страшно... вот именно сейчас – и страшно!

– Понимаю, – кивнул собеседник. – Водки хотите?

– Хочу!

Капитан, не оборачиваясь, протянул назад руку – в ней тотчас же оказалась пузатая фляжка.

– Стакан найдете?

– Так давайте...

Добрых триста грамм, провалившиеся в желудок, вернули директору относительную твердость духа.

– Фух!

Собеседник протянул ему сухарь.

– Сойдёт?

– А то ж! Не русский я, что ли?

– И то правда!

– Но как вы их?! Как догадались-то?

– Он сказал – вам далеко ехать. Откуда это мог знать посторонний?

– Это я виноват... проболтался...

– Я так и подумал. Небось, зарезать грозились? У вас рубашка на животе распорота.

– Да... Как вы думаете, сделали бы они это?

– Наверняка. Эти те ещё урки – все с оружием, небось, есть уже на них чужая кровь!

– Однако...

– Да и на наган у бандита за поясом вы ловко указали, то-то, я смотрю, он все боком ко мне поворачивался! А про зеркало напротив себя – забыл! Так в нём – всё видно!

За прилавком матово поблескивало большое зеркало, отражая переполненный людьми зал. Обычно в нем отражалась и спина продавца – но сейчас он, привалившись к стене, медленно сполз на пол. Две девушки, мешая друг другу, бросились к нему на помощь.

– Ну, ваш майор и стреляет... прямо снайпер!

– Это он может, – кивнул капитан, завинчивая колпачок фляги. – Ещё налить?

– Спасибо... сейчас ведь ещё милиция приедет... мне писать надо будет.

– Да уж – как бог свят! Без писанины у нас ничего не происходит... А ловко вы с вином придумали – не ожидал!

Но первыми приехали сотрудники военной комендатуры – ведь дело касалось военнослужащих. И писать пришлось много...

Радиограмма

«Леснику»

...Как удалось установить путем наведения справок в милиции, все военнослужащие проходят службу в отдельном батальоне материально-технического обеспечения войск тыла. Майор Гальченко Александр Иванович – в должности заместителя командира батальона. Капитан Мольнар Петр Степанович – заместитель командира батальона по тылу. Должности женщин установить не удалось. Одну из них, по имени Марина, майор называл кличкой «Котена».

Обращаю внимание на то, что застреленный уголовник назвал майора кличкой «Франт». Из поведения уголовника можно было сделать вывод о том, что майор хорошо ему известен...

«Немой»

Выдержка из рапорта криминальной полиции

... При проверке по картотечному учету и путем проведения допросов осведомленных лиц, удалось установить следующее.

1) Лицо, имевшее кличку «Франт» известно в уголовном мире. Считается крупным специалистом по организации побегов, разработке схем транспортировки нелегального груза.

2) «Франт» известен достаточно давно. Впервые упоминание этой клички зафиксировано в документах полиции Гамбурга ещё в 1916 году. Ни разу не задерживался и не был арестован.

Фотографий и дактокарт не имеется, но есть описание личности, составленное со слов людей, знающих этого человека. Последний случай упоминания о встрече с этим человеком относится к 1940 году. В 1942 году человек, передававший «привет от Франта» был замечен в Берлине. Из-под наблюдения скрылся, и установить его не удалось.

Выдержка из рапорта сотрудника аналитического отдела абвера

... Исходя из полученных мною данных, путем сопоставления фактов можно сделать следующие выводы:

1) Сопоставление данных о деятельности «Франта» с известными нам операциями разведки противника указывает на то, что часть этой деятельности косвенно связана с проводимыми противником операциями;

2) В трех случаях удалось проследить факт перевода денежных средств на известные нам счета, использовавшиеся для финансирования агентуры. Один счет в Швейцарии (см. приложение № 3), два счета в Швеции (приложение № 5). Указанные суммы были получены «Франтом» в результате продажи контрабандных товаров, согласно списку в приложении № 2;

3) Зафиксирован факт упоминания этой клички в расшифрованных радиограммах противника в 1941 году. (приложение № 7);

4) Имеются сведения о том, что лицом, носящим эту кличку, были физически уничтожены не менее 5 (пяти) агентов британской разведки и два сотрудника разведки Польши. В результате этого им были получены крупные денежные средства, дальнейшую судьбу которых проследить не удалось;

5) Сопоставление деятельности «Франта» и известной нам агентуры русской разведки, дает основания полагать, что он и человек по кличке «Харон» – одно и то же лицо, использующее разные псевдонимы...

Радиограмма

«Немому»

Прошу проверить, нет ли среди военнослужащих лица, схожего по описанию с переданным вам словесным портретом.

«Лесник»

Радиограмма

«Леснику»

Предъявленному словесному портрету соответствует один человек – майор Гальченко Александр Иванович.

«Немой»

Кана里斯 опустил на стол папку с радиограммами и поднял взгляд на собеседника.

- Ваши соображения, Эрвин?
- «Харон»... Я думал, что он погиб.
- Как видите, живехонек.
- Да... даже и не знаю... но это в корне меняет дело!
- Вот именно!
- Экселенц... поймите меня правильно, это слишком невероятно, чтобы быть правдой!
- Вы сомневаетесь?
- Да, экселенц!
- Похвально, Эрвин! Вот и посмотрим. Вы сейчас сыграете роль «адвоката дьявола», согласны?

Полковник поправил ворот кителя и кивнул.

- Разумеется, экселенц!
- Итак! Подполковник впервые был обнаружен нашим офицером, который и зафиксировал его странные слова.
- Да, экселенц!
- После этого, с ним работал уже фон Хайдлер, и все, что нам стало известно, получено уже от профессора. Так? Ведь мы априори доверяем профессору, иначе и не привлекали бы его к своим делам.

Лахузен кивнул.

- Сведения о лейтенанте Демине оказались правильными, он был обнаружен и похищен. Доставлен на объект к профессору, и больше мы о нем ничего не знаем. Так?

– Совершенно верно, экселенц.

– Поиски лейтенанта Барсовой привели нас в этот небольшой городок. Причем данные о её местонахождении мы получили по своим каналам, профессор сообщил нам лишь её имя, фамилию и прозвище. Все прочее выяснили уже мы сами.

Снова энергичный кивок полковника.

– В магазин был внедрен наш агент, находившийся на территории СССР с 1937 года. Законсервированный и не проводивший никакой деятельности. Неоднократно проверявшийся. Что скажете, полковник – есть ли в этих действиях признаки того, что нас дурачит агентура противника?

– Нет, экселенц.

Канарис улыбнулся.

– Продолжим! – он опер подбородок на пальцы сложенных рук. – Сведения об управлении «А» и «В» получены не только от профессора, но и от наших сотрудников. Подтверждены СД. Предположения о том, что в работе указанных организаций используются ещё старые кадры царской армии – это тоже мы и фон Хайдлер. Но косвенное подтверждение этому – уже наша работа. Где здесь тонкое место?

– Не нахожу такого, экселенц.

– Опознание Харона происходило на глазах нашего агента и выглядело вполне естественно. Более того – Харон немедленно ликвидировал опасного свидетеля! Кстати, это вполне в его духе... А вот установление связи между «Франтом» и «Хароном» – наша заслуга. Вы ведь не сомневаетесь в наших аналитиках, Эрвин?

– Ни единой минуты, экселенц!

– Одну из девушек, по имени Марина, назвали Котенком...

– Котенкой, экселенц!

– Это то же самое, полковник! Только в уменьшительно-ласкательной форме. В русском языке есть ещё и не такие обороты...

– Извините, экселенц...

– Тогда – вопрос! На каком этапе и кто мог нас обмануть?

– Экселенц...

– Да?

– У меня есть только одно – но очень существенное замечание.

– Прошу вас, Эрвин!

– Сам факт появления подполковника.

– А именно?

– Смотрите сами. Подполковник Котов был обнаружен нашими

солдатами около пяти месяцев назад, в бессознательном состоянии. На месте недавнего боя с группой русских солдат. «Окруженцев» – так, кажется, они себя называют. При этом тело подполковника лежало прямо в воронке от разрыва.

– Эти обстоятельства я помню. И что?

– А то, экселенц, что, хотя вся одежда его была изодрана – на теле не имелось ни одной серьёзной раны! Синяки и ссадины – не в счёт! Осколочных ранений не имелось вовсе! Более того, никто из наших солдат не помнил, чтобы именно в том самом месте наблюдалось какое-то перемещение противника. Да и целенаправленный огонь туда не вели...

– Ну, это могла быть и случайная мина...

– Могла, не спорю. Но никто из взятых в плен «окруженцев» подполковника не опознал.

– И здесь нет ничего удивительного, это ведь, наверняка, были солдаты из разных частей. Да и в плен, скорее всего, взяли не всех. Кто-то погиб, а некоторые, возможно, и скрылись.

– Совершенно верно, экселенц.

– Так что вас ещё беспокоит?

– А если подполковника нам подбросили? Принесли – и положили в свежую воронку. Такое ведь могло быть?

– Хм! – адмирал улыбнулся. – Эрвин, вы хорошо вжились в свою роль «адвоката дьявола»! Не могу этого не отметить! Итак, попробуем посмотреть на происходящее с вашей точки зрения. Некто, задумав грандиозную провокацию, подбрасывает нам Котова. Инсценирует бой, пожертвовав некоторым количеством своих солдат. Допустим. Ничего невероятного в этом нет. Далее этот некто каким-то неизвестным путем убеждает нашего офицера подойти именно к этому пленному и прислушаться к его словам. Кстати, а как так получилось, что подполковник попал именно в тот госпиталь, который посещал наш человек? Почему его не отправили в лагерь или попросту не пристрелили на месте? Ведь такие случаи имеют место быть!

– При нём не имелось никакого оружия. Бой закончился, и солдаты немного успокоились. Его подобрала трофеинная команда, прочесывавшая лес в поисках брошенного оружия. Подполковник бредил – по-немецки! Командовавший поисками унтер-офицер отметил этот факт и приказал направить раненого в госпиталь.

– Раненого? Но ведь на нём не было ран?

– Лицо было окровавлено – там имелись ссадины и порезы, вот унтер-офицер и решил...

– Какой сообразительный унтер-офицер! Где он сейчас?

– Жив-здоров. Я распорядился перевести его в наше тыловое подразделение, там за ним присматривают.

– И как он воспринял такой перевод?

– Был очень рад, экселенц! Согласитесь, что между Магдебургом и русскими лесами имеется весьма существенная разница?

– Не спорю... Однако продолжим. Некто, подбросив нам подполковника, с дьявольской точностью рассчитал и нашу возможную реакцию. Предусмотрел попадание рапорта к нужному человеку, и вашу поездку к фон Хайдлеру. Я, правда, с трудом представляю себе уровень агента, способного симулировать беспамятство столь долгий срок, да ещё и водить при этом за нос очень серьезных специалистов-медиков... И вот тут у меня возникает вопрос! А зачем все это нужно? Какая цель стоит за всеми этими мероприятиями? Дезинформация?

– Возможно...

– Путём сдачи столь важных сведений? Засветить перед нами «Харона»?! Тогда – сколь серьезна может быть о с н о в н а я задача, та, от которой нас хотят отвлечь подобной ценой? Назовите её мне – и я тотчас же соглашусь со всеми вашими утверждениями.

– У меня нет ответа на этот вопрос, экселенц...

– Потому, что его нет в природе, полковник! Все случившееся – удивительное совпадение, игра случая, если хотите.

Адмирал удовлетворенно усмехнулся. Нажал кнопку и потребовал от появившегося в дверях секретаря принести кофе. Поудобнее откинулся в кресле и продолжил разговор.

– Итак, Эрвин, что мы имеем на сегодняшний день?

– Есть два секретных управления НКВД – «А» и «В». Предположительно установлено несколько лиц из числа кадровых сотрудников русской императорской разведки, имеющих отношение к указанным подразделениям. Нам известно имя подполковника Леонова, в наших руках находится подполковник Котов. Идентифицирован «Харон» – Гальченко. Предположительно – Мольнар, хотя эта фигура нам совсем неизвестна. Некий лейтенант Барсова – «Котенок», странным образом связанная с Котовым и «Хароном». Имевшая отношение к гибели гауптмана Борга, который, в свою очередь, охотился за Леоновым. Предположительно установлено место дислокации одного из этих подразделений. Сейчас мы можем с уверенностью предположить, что гибель профессора Маурера – это проект Гиммлера – тоже произошла не без участия одного из этих управлений. Конкретно – управления «А». Есть

– но это уже не у нас, у профессора – некоторые соображения об иных направлениях деятельности этих подразделений. Всё.

– Вам этого мало, Эрвин? Заметьте, мы получили эти данные, не прикладывая особых усилий – можно сказать, что чужими руками. Частично, разумеется. Итак, кто или что может послужить для нас основной мишенью? Как верно отметил в свое время фюрер, мы сейчас в положении человека, у которого в винтовке один патрон. Мы можем сейчас вывести группу гауптмана Норберта на захват. Причем – и я отдаю себе в этом отчет, вероятность появления в с е х, представляющих для нас интерес, лиц вместе – практически ничтожна. Надо смотреть правде в глаза – реально можно взять только одного человека. Профессор требует Барсову – отчего именно её? Должны ли мы выполнить его пожелание или у нас будут иные цели?

Как долго зайцы могут бить в барабан? Пока не устанут лапы. Или пока не отвалятся на фиг.

О! Подействовало! Перестали стучать...

Наконец-то...

А что именно подействовало?

Ведь я ничего ему не сказал?

Ему – это кому?

Да этому... который все время что-то там бухтит. Смешной мужик... даже говорит разными голосами.

Когда я говорю по-немецки – он отвечает мне низким голосом. По-русски – как-то по-другому... не могу точно сформулировать... но... иначе.

А вообще он надоедливый. Сидит и постоянно что-то там бормочет. Временами – совершенно неразборчиво, даже слов не различаю. Приходится вслушиваться... тогда что-то понемногу проясняется, и я начинаю понимать его речи. Порою он такую дичь несет – просто атас! Отвечаю, так он ещё и возражает! Правда, надо отдать ему должное, аргументы воспринимает. И если ему вменяемо все разъяснить, соглашается. Странный дядя, элементарных вещей не знает.

Ну, вот сказал бы мне кто-нибудь, что придется человеку про плазменный телевизор рассказывать, вот я удивился бы тогда!

А сейчас рассказываю, а он, подлюка, меня ещё и подкалывает – фантазия, мол!

Баран... в каком лесу он рос?

Темно...

Он говорит – у меня что-то со зрением. Иногда, правда, становится

светлее – я даже различаю какие-то очертания, фигуры, во всяком случае, отличаю одну от другой, лица ухитряюсь рассмотреть. Да и ещё кое-что замечаю, мотаю, так сказать, на ус...

Вот эта – полноватая, в светлом халате – Мария, медсестра. Она меня кормит – приносит еду.

Нет, есть-то я и сам могу! Ложку – ту очень даже крепко держу! И не только ложку...

Мне постоянно гудят в уши – вам нельзя совершать резких движений!
Могут разойтись швы!

Какие швы?

Я тут втихаря, когда совсем темно было, себя ощупал аккуратненько. Нет ничего – никаких швов не нашупал. Новых – так во всяком случае. Даже и на голове ничего нет. Волосы, правда, подстригли коротко.

А вот бреют меня другие, в руки бритву пока не дают. Мол, координация движений ещё не восстановилась... могу нечаянно себя поранить...

Я что – совсем умом тронулся? Или жить не хочу? Чтоб я сам себя бритвой поранил – да это просто курам на смех! Чем только не брился в свое время!

Дайте, говорю, нож и оселок. Сам наточу, сам и побреюсь!

Нет, дядя, говорит, нельзя тебе – видишь пока плохо. Да и не разрешит главврач тебе нож давать – он мужик суровый!

Правда, он эту фразу иначе как-то построил... непривычно. И не мужиком его назвал, это уж я сам по привычке подставил. Другое слово какое-то было... не наше...

Тихо тут...

Правда, иногда в барабан начинают колотить зайцы – их тут много.

Спрашиваю – какого, мол, хрена?

Так, говорят, никак не разгоним – больно до хрена их тут развелось.

Это здорово мешает спать, лежу постоянно в какой-то полудреме. Так что, когда зайцы затихают – проваливаюсь в сон, как утюг в болото.

Но я – злодей третий! И упрямый, не зря меня всю дорогу экстремистом звали. Врач-то он, конечно врач... от слова «врать», так и я тоже не лыком шит! Поваляйся с моё по госпиталям – много чего между строк читать начнешь!

Читать пока не могу – а вот слушать никто не запрещает.

И я слушаю...

Напрягаю слух – пусть уши пока заменят мне глаза...

– Как сегодня наш пациент, сестра?

– Много лучше, доктор! Мышечный тонус повысился, практически норма.

– Очень хорошо!

Скрипнул стул, вошедший уселся рядом.

– Вы меня слышите?

– Да...

Говорим мы по-немецки. А в речи доктора проскальзывает легкий акцент, он не немец?

– Могу вас обрадовать – сегодня мы окончательно снимаем вам повязку. Станете понемногу привыкать к свету!

Хм... Откровенно говоря, я и так её уже снимаю. Ночью, когда никого в палате нет. Правда, и света в ней тоже почти нет – только слабенькая лампочка около двери. Но моим глазам и этого пока вполне достаточно. Иногда, буквально краем глаза, сквозь неплотную повязку я различаю и силуэты врачей и медсестер. Да и когда ем, мне повязку ослабляют – чтобы я мог что-то там рассмотреть. Правда, и свет в палате приглушают так, что только тарелку и видать...

Не очень-то я понимаю врачей – за каким рожном им нужно так долго с этим тянуть? Ведь очевидно же – пациент зорение не потерял. Чего валандаться?

А когда что-то непонятно, оно настораживает. Уж очень охота иметь козырь в рукаве. Или кирпич за пазухой – ну, это уж у кого какие привычки...

Но в силу тотальной ко всему недоверчивости и прямо-таки патологической осторожности, ваш покорный слуга всегда являлся (да и сейчас, надеюсь, является) весьма неудобным экземпляром для всякого рода манипуляций. Хоть служебных, хоть медицинских. Ото всех в нашей современности можно ждать какой-то подлянки. Разумеется, во имя высоких целей!

Можно подумать, что синяк, заработанный в процессе достижения таковой, чем-то существенно отличается от аналогичного, но полученного в иной обстановке...

На мой вредный взгляд – так все едино.

Вообще, мне тут много непонятно.

Сколько я здесь лежу?

Даже и представить пока не в состоянии – нет привычной смены дня и ночи. Нет, ибо окон в палате не имеется. А составить какую-то закономерность посещения медперсоналом – крайне затруднительно. Странно это. Насколько я знаю (а, надеюсь, что знаю хорошо) порядки в

больницах и госпиталях, бардака тут быть не может в принципе. Есть четкий график посещения, очередность обхода и т. д. и т. п.

Хоть в России, хоть в Зимбабве.

Впрочем, насчет последней страны... возможно, что и преувеличиваю. Но там тоже к этому стремятся.

Но надо уже и доктору ответить, мужик, по-видимому, ждет от меня каких-то эмоций.

Ладно, будут тебе эмоции...

– Это очень хорошо, доктор! Я уже стал опасаться, что у меня что-то такое случилось со зрением.

– И не только с ним! У вас была тяжелая контузия, даже шансов на успешный исход – и тех было весьма немного. Сестра! Пересадите больного в кресло-каталку – пора везти его в процедурный кабинет.

Чуть слышно поскрипывает левое колесо... не новое кресло мне досталось. Ощупываю подлокотники... опа!

Они обиты к о ж е й.

Раритет...

Это где же такие у нас сохранились-то? Повсюду уже кожзамом обиты или ещё какой-нибудь новомодной хренью.

В «кремлевке»?

Ага, щас!

Так меня туда и повезут...

Точно, кожа...

С внутренней стороны подлокотника – там, где её прибивают тонкими гвоздиками (их шляпки я нащупываю пальцами), хорошо ощущаются складки. Вот после их осторожного обследования можно почти со стопроцентной уверенностью утверждать – это никакой не дерматин...

Интересно девки пляшут – по четыре штуки в ряд!

Ладно... сейчас с меня снимут повязку. Какие ещё любопытные штучки я успею рассмотреть?

А пол-то у нас дорожкой застелен... Иногда, на поворотах, коляска съезжает с неё, и я слышу, как колеса постукивают по полу.

Паркет... не линолеум.

А вот это уже любопытно! Практически ни в одной больнице я такого не припоминаю – гигиена! Линолеум, как мне говорили, проще мыть. Не буду спорить, в конечном итоге, медикам виднее. Но здесь его нет. И что это может означать?

Это не больница?

Фигушки, а что я тут тогда делаю?

Это какая-то захолустная больничка районного масштаба?

Угу.

С персоналом, говорящим по-немецки.

И где ж это у нас такая есть?

И с раритетными колясками... паркетом в коридорах...

Товарищ Котов – настолько важная персона, что для него специально выделили некий ведомственный санаторий, куда и поместили... для чего?

Размечтался... губозакатыватель ещё не требуется?

Скрипнула дверь, колеса коляски простоячили о порог.

– Сестра, помогите больному сесть на кушетку.

Теплые сильные руки меня подхватывают, и я делаю несколько шагов.

Вот и кушетка – её край толкает меня под колено.

– Садитесь!

Звук шагов – врач подходит ко мне ближе. Запах хорошего табака... вишневый? Черт его знает, но что-то похожее.

Чьи-то пальцы уверенно ощупывают мою голову, сматывают бинт...

Свет!

Ну, не сказать, чтобы я им был ослеплён – всё-таки мои тренировки кое-какой эффект дают. Но глазами я хлопаю старательно, прикрываю их рукой...

И пользуюсь этим, оглядываюсь по сторонам.

Кабинет.

Достаточно просторный, окна сейчас прикрыты шторами. Это, надо полагать, для того, чтобы я не так болезненно воспринимал переход от темноты к свету. Разумно...

А ведь это – не медицинский кабинет!

Точнее – не совсем медицинский – в них не бывает таких тяжелых двухтумбовых столов. Ни к чему они здесь.

Но в этом кабинете – такой стол присутствует.

Стоит сбоку от окна.

И рядом с ним, на стуле справа, сейчас сидит какой-то худощавый высокий дядька. В белом халате – медик же.

В глаза бросаются его руки – ухоженные, с длинными тонкими пальцами. На носу у этого медика очки в блестящей желтой оправе – позолота?

Седоватые волосы, аккуратно зачесанные набок.

Аристократичный такой мужик.

Не хозяин кабинета – тот сбоку бы от стола не сидел.

– Как вы себя чувствуете?

А вот это – уже врач. Тот самый, что приходит ко мне в палату, я по голосу узнал.

Стоит слева от меня, оттого и не был замечен сразу же.

Рост невысокий – где-то метр семьдесят.

Белый халат, русые волосы. Тоже в очках.

Старомодные такие, круглые… в обычной оправе – не то, что у сидящего!

– Спасибо, доктор… хорошо.

– Головокружения нет?

– Нет… глаза вот режет…

– Это нормально. Пройдёт вскорости, не переживайте. Можете самостоятельно встать?

А могу?

Естественно, я же не полный лопух.

По ночам, не вылезая из-под одеяла, тренирую ноги и руки, изгибаюсь и верчусь – аж пот градом!

А почему лежа?

Да фиг его знает… но стоило мне как-то резко повернуться, как в палате мигом нарисовалась медсестра – надо думать, она за дверью постоянно сидит.

Чем-то это меня тогда напрягло… и сам толком ничего не понял, но притих.

Тетка внимательно осмотрела палату, подошла ко мне и поправила одеяло. Повернулась и вышла. Стукнула, закрываясь, дверь, и через пару секунд что-то скрипнуло – медсестра уселась на стул.

Значит, она сидит в коридоре, около двери моей палаты.

А вот меня самого она трогать не стала… только одеяло подоткнула. Почему? Если она наблюдает за больным, логично потрогать лоб – нет ли температуры?

Нет.

Она, насколько я мог видеть сквозь чуточку приподнятую повязку, больше осматривала комнату, нежели смотрела на меня – и это было хорошо заметно даже при тусклом свете ночника.

Непонятно…

Вот я и не спешу пока демонстрировать свои способности.

Опершись рукой на кушетку, приподнимаюсь… и меня тотчас же ведёт вбок. Снова плохаюсь назад.

Доктор дернулся, перехватывая меня за руку, простучали каблучки, и откуда-то сбоку выскочила медсестра, пытаясь помочь ему.

А вот мужик у стола – тот даже и не шевельнулся.

— Простите, доктор... я, наверное, слишком уж переоценил свои силы...

– Бывает... не переживайте, ваши неприятности остались позади!

Да?

Что-то сомневаюсь я в этом...

Но, встревоженный моим падением, врач распорядился отвезти больного в палату.

Что и было тотчас же сделано медсестрой.

А вот мужик в золотых очках – вообще ко мне никакого интереса не проявил. Более того, когда врач, отдав распоряжение, направился к столу, чтобы сесть на стул, очкастый даже и не двинулся. И не убрал свои длинные ноги, так что моему доктору пришлось обходить стол сбоку.

Пока коляска пересчитывала стыки паркета, я продолжил размышлять по этому поводу. Повязку мне заменили дымчатыми очками, и коридор теперь наблюдать тоже можно.

Вот и моя палата.

Слева от двери стоит стол и стул, на котором сейчас сидит коренастый медбрать.

Медсестра помогла мне перебраться на кровать, осмотрела палату и выкатила коляску за дверь.

Вот теперь... теперь, можно и подумать. Мозгами пораскинуть...

А подумать есть над чем.

Но разложим все по полочкам.

Что мы имеем на сегодняшний момент.

Больница?

Точно не наша.

Почему?

Во-первых, язык. Я, естественно, не сомневаюсь в высоком профессиональном уровне немецких врачей. Но память ехидно мне подсказывает (в силу своих возможностей...) что случаи направления наших действующих офицеров на лечение в Германию – можно пересчитать по пальцам одной руки. И это были совсем уж вопиющие ситуации. Хорошо, представим себе, что именно такой вот случай и произошел.

y_Γy.

И отправили секретоносителя категории «А» на лечение в забугорье...
Вам самим-то не смешно?

Мне – так ни разу.

Не может этого быть! Скорее уж немцев сюда бы привезли.

Ладно, это выяснили.

Больница... и даже бинты тут какие-то непривычные – жесткие. Наши мягче.

И...

А вот фиг – не больница это!

Отчего?

З а п а х и... точнее – их полное отсутствие.

Не пахнет карболкой для дезинфекции – уж этот-то запашок ни с чем перепутать невозможно. Нет и иных, неотъемлемо присущих любому медучреждению ароматов. Нет кварцевых ламп в палатах и коридорах – а без этого обязательного атрибута сейчас невозможно себе представить даже самую захудалую больницу.

А это – не захудалая! Когда меня везли по коридору, верхушки деревьев были почти вровень с окном – как минимум, второй или третий этаж. Немаленькое здание.

Тихо тут...

Нет телефонных звонков, да и сам телефон я видел только один – на столе у врача... В коричневом бакелитовом корпусе, с телефонной трубкой наверху. И никакого номеронабирателя (насколько удалось рассмотреть) там не имелось.

Стоп!

Был ещё один... на столике у дверей моей палаты.

Обычный... полевой телефон!

В сером д е р е в я н н о м корпусе – раритет!

Как и моя инвалидная коляска – с металлическими колесами. Без резиновых шин и бандажей – оттого и постукивала по паркету. Для того и дорожка в коридоре – чтобы не слишком шуметь. С удобным к о ж а н ы м сиденьем. Вообще редкость – я таких колясок и вовсе не видывал.

Где у нас такие есть?

Паркет... и вовсе ни в какие ворота не лезет – нет таких больниц, не гигиенично это! Административный корпус – ещё могу поверить. Но меня-то по улице не возили!

А в административных корпусах (ну, хотя бы – на этажах) палат не бывает.

Уф!

Что-то всё у меня кисло выходит...

Ладно, будем думать.

Но особо пораскинуть мозгами мне не дали – принесли обед.

Вот, кстати, и об этом тоже.

Кормят тут неплохо, я бы сказал, что очень даже неплохо.

Но!

Во-первых – минимум специй.

Отчего? Я же не язвенник.

Во-вторых – выбор блюд.

Он здесь весьма невелик, но готовят хорошо.

Гороховый суп – через день.

Ещё какой-то овощной и рыбный.

Каши... почти совсем не дают. Манка была... раза три. Или четыре. А уж как у нас в госпиталях да в прочих медучреждениях любят этот продукт... даже описать не могу!

Капуста во всех (аж – в трех!) видах.

С мясом (хм...), просто сама по себе, тушеная – как гарнир. И нечто типа бигуса (с армии ненавижу это кушанье – и что в нём только поляки нашли?), правда, здесь он вполне съедобный.

Макароны – ну, тут никто Америки не открыл, они у всех есть.

Компот, как ни странно, отсутствовал как явление.

Чай, кофе – это имело место быть.

Причем кофе здесь давали без молока, как это у нас обычно принято.

Хлеб – сероватый, немного пресный.

Кусочек масла – раз в день.

Вся еда подавалась в тяжелых фаянсовых тарелках – такой и убить можно, если очень захочеть.

А вот ложки-вилки в больничном обиходе явно были добыты где-то в невообразимой старине. Основательные. Мельхиоровые – я такие и не помню, когда видел. Не иначе – военный трофей, я и не представляю даже, когда подобные приборы и попадались-то мне в последний раз, тем более – в больницах. Там все больше стандартный люминь да изредка – нержавейка. Короче – что попроще...

Вывод?

Да простой – это не наш госпиталь.

Не современный и вообще – не русский.

И не советский, если уж на то пошло.

А чей?

Самый простой вывод – немецкий, судя по языку.

Так?

А вот и нет!

Представьте себе ситуацию, когда к вам в руки попадает некто, бегло

говорящий по-немецки. Из каких-то соображений он вам нужен. Причём желательно создать у него видимость того, что он у своих.

Можно ли это сделать?

Легко.

Сажаем немецкоговорящую сиделку, такого же врача. Кормим его типа немецкой пищей.

Почему так?

Да не кормили они так в госпиталях! Помню я их рацион – он совсем иначе выглядел, приходилось читать... Это скорее кухня какого-нибудь хитрого (и немаленького по своему значению) учреждения, нежели обычная госпитальная еда для выздоравливающих. Да и масла солдатам не полагалось – маргарин. А такие столовые приборы давать... это уж и вовсе – чудеса!

Но ведь меня и по-русски спрашивали?

Было такое?

Было.

И как это объяснить?

Да просто – именно потому и заинтересовались таким товарищем. Немолод, легко и непринужденно переходит с одного языка на другой – точно не обычный солдат. Знать бы ещё, чего я там им наговорил...

Вопросы я помню через пень-колоду, но вроде бы впрямую у меня никто ничего такого не спрашивал?

Хотя... сейчас этого утверждать не возьмусь.

Ладно, едем дальше.

Полевой телефон на столе у «медбрата» – это что за новости?

Обычный аппарат поставить лень? Или попросту нет такой возможности? А раз так, то все вообще запутывается. Что это за контора такая, что нормальных телефонов не имеет?

Далее.

«Браток», между прочим, со стволом! Он, когда повернулся, халат натянулся, и ствол очень даже рельефно прорисовался.

Справа, чуть сзади, ближе к спине – чтобы достать проще было, халат-то спереди не расстегивается!

Справа – так как у нас!

Свои?

А если по-другому оружие никак не достать?

Ну, повесит его «медбрата» слева, как у немцев и полагается, так каким макаром его тогда вытаскивать? Халат разрывать?

В данной ситуации никак иначе не придумаешь.

Нет, на наш госпиталь это все-таки не похоже. Даже и не потому, что персонал по-немецки говорит. Кстати, даже фразы строит не по-нашему – «Как сегодня наш пациент, сестра? Много лучше, доктор!»

По-русски так не говорят. Намного лучше – так можно.

«Viel besser, Arzt» – так может сказать именно немец. Не сильно задумывающийся над тем, кто его сейчас (кроме этого доктора) слышит.

А вот русский (или любой другой не немецкоговорящий человек) думать об этом станет, он же комедию передо мною разыгрывает, поверить я ему должен. И, стало быть, фразу построит безупречно, так, чтобы клиент (переведя её) никакого ляпа бы не усек.

«Viel weitaus, Herr Doktor» – вот так и в переводе на русский звучать будет вполне логично.

Кстати, «Herr» медсестра почему-то упустила... Сознательно?

Ой ли?

Отвечала-то она ему абсолютно автоматически, ни разу не задумываясь... Это немецкая-то м е д с е с т р а – д о к т о р у?

Да ладно вам...

И тот, очкастый, в кабинете – тоже никакого особенного почтения ему не оказывал. А должен бы!

Он ведь сбоку от стола сидел – значит, не хозяин кабинета!

Посетитель?

А врач его по дуге обходил...

Ох, неладно тут что-то!

Логики нет!

За каким, простите, хреном, держать какого-то подозрительного потенциального «фрица» с такими выкрутасами? Что он может такого важного рассказать? Да ещё и по собственной воле? Прям так все (что?) выложит!

Хорошо, допустим, что его как-то убедили в том, что он у своих.

Дальше-то что?

Придёт он в себя и затребует уполномоченное лицо.

«Доставьте меня пред светлые очи оберштурмбаннфюрера такого-то!»

И?

Кому станет легче?

Где брать означенного оберштурмбаннфюрера?

Где-где...

Сказал бы я вам...

Так, наши отпали.

Фрицы?

Союзники?

На этих – похоже. Те же англы подобные штуки мастера устраивать.

Ну и что с того?

Сильно на душе потеплело?

Как в том анекдоте про заблудившегося туриста, который своими воплями привлек внимание медведя.

«Ну, я услышал, пришел – тебе сильно полегчало?»

Мне сейчас ни те, ни эти – и в хрен не уперлись!

Почему?

Да потому, дорогие вы мои «доктора», что подполковник Котов, сотрудник управления «В 2», никому из вас душу свою раскрывать не должен! И никакой любви и дружбы ни с кем из вас у меня быть не может – просто по определению.

Вот так и живём...

По крайней мере, теперь есть какая-то ясность – кругом... ну, если и не прямые враги, но явно недружественные «товарищи» с непонятной пока целью, ломающие комедию перед означенным подполковником. В таком разе и меня тоже никто не обязывал к тому, чтобы двумя руками подыгрывать вам в этой непонятной ситуации.

Однако события развивались гораздо быстрее, нежели я рассчитывал...

После снятия повязки дела мои пошли (сказал бы, что вообще – понеслись) прямо-таки галопом.

Меня стали вывозить, а после того, как больной выразил своё активное несогласие, то и выводить на прогулку.

Пока – в небольшой огороженный дворик, но и на том спасибо. Всё-таки, свежий воздух... Тут приятно побродить, посидеть на деревянной лавочке и послушать чириканье птиц. Судя по всему, сейчас весна... или начало лета. За высоким кирпичным забором (совсем недавно надстроенным) время от времени проезжают автомашины, слышен звук работающих моторов. А вот самолетов в небе не видно – ни одного! Чудеса...

В то время как мы (медсестра, молчаливый «мединатор» со стволом под полой и я) неторопливо шествуем по коридорам, они пустеют. Практически полностью – даже звуков никаких не слышно. Но какая-то жизнь тут имеет место быть. Я чувствую запах табака – кто-то совсем недавно курил, иногда слышу отдаленные голоса и ещё какие-то звуки. Пару раз даже людей замечал – в стандартных белых халатах.

Тут есть ещё какой-то народ, несомненно!

Но мы – ни с кем не пересекаемся. И никто из медперсонала не лезет мне в душу с какими-либо вопросами. Это весьма странно, если не сказать больше.

Точнее – не пересекались.

В один из наших выходов во двор мы несколько замешкались – у «медбрата» развязался шнурок. Пока он его завязывал, что-то бормоча сквозь зубы, в коридоре раздались шаги, скрип колес – и в дверях появилась процссия.

Крепко сбитая медсестра катила кресло-каталку, поскрипывающее своими большими колесами.

А в кресле, откинув голову на спинку, полулежал… лейтенант Демин.

Он самый – я хорошо его узнал.

Немного бледный, с перевязанной головой – тем не менее, он был вполне себе узнаваемым.

Вспыхнув всем лицом медсестра, катившая коляску, резко развернула её лицом к стене.

– Ох! Прошу меня простить, но сейчас наша очередь на прогулку!

– Это наша оплошность, дорогая Марта! – возражает моя сопровождающая, бросая гневный взгляд на смущённого «медбрата». – Просто мы нечаянно задержались здесь…

Инцидент исчерпан, и мы покидаем дворик.

Сидя на койке, я лихорадочно ворошу в голове обрывки памяти.

Демин… значит, он не дошел? Материалы не передал? И вся моя работа – коту под хвост?!

Ни фига себе подарочек… эти сволочи, стало быть, до сих пор где-то там жируют… продолжая своё черное дело?

А значит – всё до крайности хреново!

Мне срочно – бросив все к такой-то матери, надо рвать к своим! Кое-что я все же запомнил и должен, кровь из носу, это как-то сообщить. Абсолютно любой ценой! Могу ли ходить или только ползать – сейчас это совершенно безразлично.

Обязан – и всё!

Но как?

– Присаживайтесь, Йозеф, – фон Хайдлер указал врачу на кресло. – Ну и как обстоят дела у подполковника?

– Как вы и приказали, мы показали ему лейтенанта.

– Он его узнал?

– Несомненно! Даже в лице изменился!

– Стало быть, Демин не лгал... Он действительно получил от подполковника какие-то документы особой важности, которые и доставил к высшему командованию русских.

– Но, герр профессор, теперь подполковник не уверен в этом!

– Более того – он уверен в обратном, Йозеф! Уж можете мне поверить... Котов не пытался расспрашивать лейтенанта?

– У него не имелось такой возможности, герр профессор.

– А если он её найдёт?

– Но как?! Это совершенно невыполнимая идея!

– Имея дело с русскими, Йозеф, забудьте подобные слова. Они, будучи загнанными в угол, способны на такие вещи... – профессор покачал головой. – Слава Богу, что вы не видели этого своими глазами...

Врач смущенно потупил взор.

– Не расстраивайтесь! – поднял вверх указательный палец фон Хайдлер. – В самое ближайшее время он выйдет с вами на контакт!

– Герр профессор... но...

– Никаких «но»! Именно так всё и будет, смею вас уверить! И – очень скоро! А я позабочусь о том, чтобы Демин – когда русский станет его расспрашивать, ответил ему должным образом!

А тем временем...

Радиограмма

«Немому»

Начинайте работу по варианту три. К вам в помощь высыпается группа гауптмана Норберта. О прибытии доложить немедленно. Ответственным за проведение операции является командир группы. По завершении операции уходите вместе с ним.

«Лесник»

Радиограмма

«Леснику»

Группа прибыла. Готовим операцию по варианту три.

«Немой»

Этот день ничем особенным не выделялся. Обычный трудовой день в череде таких же – однообразных и привычных. С утра распахнул свои двери небольшой магазинчик, стоявший около дороги. Позевывавший продавец привычным движением протер тряпкой прилавок, смахивая несуществующие крошки. Стукнула дверь в каморке директора – тот, как обычно, появился в магазинчике первым.

Простучали по ступеням каблучки – это по пути на службу забежали в магазинчик первые покупатели. Их было немного.

Всё как всегда... рутина.

Сложив в портфель бумаги, собрался в торг директор – сегодня имелась возможность выбрать там кое-что интересное.

– Савельич!

– Да, Олег Фомич? – повернулся к нему продавец.

– Я в торг! Если тот пожилой капитан появится – так я чаю ему обещал. Постараюсь после обеда привезти. Он-то к шести часам заехать собирался, так что, может, и успею ещё... Капитан из города поедет, вот и предупредил, что заглянуть может. Ты уж извинись перед ним – не смог я раньше-то!

– Ясно дело... Да нешто он не поймёт? Мужик-то серьезный и с обхождением...

– Так-то оно так... Однако ж лишний раз такого клиента уважить – хуже не станет!

– Сделаю всё, Олег Фомич, не сумлевайтесь! Ин, у меня ещё ж вино осталось – то самое, что вы в прошлый раз привозили. Предложу – может и возьмёт?

– И то дело! Майор-то ихний – такие вещи уважает! Тем паче быв и он сегодня заехать собирался. Не одному, так другому подойдёт...

Директор быстро сбежал с крыльца и зашагал по узкой улочке.

Выйдя из-за прилавка, продавец тоже спустился по ступенькам, но, в отличие от директора, никуда не пошел – присел на скамейку и достал пачку папирос. Закурить ему удалось не сразу – налетавший ветер тушил спички. Наконец, с третьей попытки, папиросу удалось прикурить, и мужчина, удовлетворённо кивнув, откинулся назад, опервшись спиной о стену магазинчика. А куда спешить? Покупатели будут ещё нескоро – ближе к вечеру. Сейчас день, все на службе, разве что какая-нибудь старушка заглянет – отоварить карточки. Так её можно будет заметить издали, магазинчик располагается на отшибе, и все подходы к нему хорошо просматриваются.

– Герр гауптман! Продавец вышел на улицу!

– Дайте-ка мне ваш бинокль, Клаус...

В окулярах качественной оптики хорошо было видно лицо курильщика. Немолодой, лет пятидесяти, мужчина. Он даже глаза прикрыл, наслаждаясь теплом весеннего солнца.

– Курит...

– Он всегда выходит в это время, герр гауптман.

– Знаю. Он вышел уже с папиросой?

– Нет. Достал пачку, только когда присел на лавочку. Да и прикурил не сразу – с третьей попытки. Ветер, надо полагать...

– Всё может быть, Клаус... всё может быть... Поднимайте группу!

Общий сбор здесь – в пять часов! Операцию проводим сегодня!

Отдуваясь и что-то бормоча себе под нос, директор магазина торопливо шел по территории торговой базы к выездным воротам – туда уже подъезжала груженая телега. Стандартная процедура получения товаров сегодня необычно надолго затянулась – кладовщик придирчиво сверял все полученное с накладными. Зачем-то куда-то бегал, недовольно ворча, перелистывал свои книги.

– Никодимыч! Право слово, ты, никак, меня в чём-то заподозрил? – не выдержал, наконец, Олег Фомич. – Ведь не в первый раз у тебя всё получаю, уж насквозь меня знать должен!

– Должен – не должен... – не поднимая головы, пробурчал тот. – Никому я ничего не задолжал! Проверка у нас, понял?!

И он кивнул в сторону – там, примостившись у стола, листал документы молодой парень.

– Второй день роют... А чего им надо – не говорят! У всех порядок... Словно бы ищут что-то, весь выданный товар за последние полгода смотрят, все книги подняли. А ну – как чего накопают? Мне на старости лет лес пилить уже неохота...

– Даёк, Никодимыч, никому не охота-то!

– А я о чём? Так что не обессудь, Фомич, но мне своя шкура куда дороже твоего спокойствия...

– Так опоздаю я! Пока возчик до магазина дотелепает... да товар разгрузим... уж и закрывать все пора будет!

– Утром приезжай...

– Ага! Телегу-то я только на сегодня получил! Еле выбил! Да и с этим ковырялись до невозможности долго, словно свой персональный выезд мне одолживали. Ладно, черт с тобой... потерпим...

Но уговоры все же возымели свое действие – через полчаса груженая телега подъезжала к воротам базы, куда, оформив все документы, уже торопился обрадованный директор магазина. Закончил свою работу и проверяющий. Отложил бумаги, потянулся – до хруста, и встал.

– Ну, Иван Никодимович, в порядке у вас тут всё! Огрехи мелкие есть – но это уже забота вашего руководства, милицию такие вещи не интересуют. Главное – не подтвердилась информация о хищениях!

Кладовщик тайком перекрестился и перевел дух.

– Пойду я! – парень поднял с пола свой тощий портфель. – Телефон у вас где, у заведующего?

– На проходной тоже есть...

– О! Оттуда и позвоню, в отдел-то и я ныне запоздаю...

Пробежавшись по двору, парень заскочил на проходную. Показав удостоверение сторожу, выпер его из комнаты и, плотно прикрыв дверь, присел к телефону.

– Дежурный? Лапин говорит.... Да, закончил. Нет, ничего такого не нашлось. Ага... Нет, в отдел не успеваю уже, идти далеко, а на последнюю телегу с грузом я опоздал. Да и едут они совсем в другую сторону, на окраину куда-то... Угу... Ясно, утром и доложусь!

Положив телефонную трубку, парень ещё раз потянулся и, кивнув сторожу на прощание, вышел за ворота. Пройдя по переулку метров сто, свернул за угол. Странное дело, но там он никуда дальше не пошел, а присел на бревно, лежавшее около дороги. Поставил на землю портфель и стал ждать.

Впрочем, это ожидание долгим не оказалось. За поворотом негромко заурчал мотор, и на улицу вывернула неприметная автомашинка. Обычная армейская эмка – таких сейчас много катается.

Хлопнула дверца – и автомобиль скрылся за поворотом.

– Ну что там, Левашов?

– В порядке все, товарищ капитан. Директор уехал приблизительно полчаса назад.

– Значит, в магазин он опаздывает...

– Без вариантов, товарищ капитан! Даже если товар бросит и бегом напрямую рванет!

– Угу. Ну, а поскольку он этого не сделает...

– Не рискнет! А ну как пропадет чего? Ведь он за всё уже расписался!

– Добро! Стало быть, эту проблему мы решили! Ну и ладушки! Теперь – главное всё остальное не провалить...

К концу дня в магазине поубавилось покупателей. Ушли самые припозднившиеся, которые только возвращались с работы и заглянули в него по пути домой. Продавец уже дважды выходил на крыльцо, всматриваясь в опустевшую улицу – директор все не ехал.

Оглядев её в последний раз, он уже повернулся было уходить назад...

Но остановился – где-то за домами заработал мотор... ещё один.

И около магазинчика притормозила черная эмка и запыленный грузовик, в кузове которого сидело около двух десятков солдат с оружием.

Хлопнула дверца легковой автомашины, и на улице появились старые знакомые – майор с капитаном.

– Сидорчук! – повернулся майор к грузовику. – Личному составу пять

минут на перекур!

И из кузова горохом посыпались бойцы. Загомонили, сворачивая самокрутки. Но, повинуясь окрику старшины, трое из них, взяв оружие наизготовку, разошлись по сторонам – помкомвзвода выставил посты.

А три молодые девушки в военной форме, отделившись от всех остальных, взбежали по ступенькам вслед за офицерами.

– Вечер добрый, товарищи командиры! – поприветствовал гостей продавец. – Что-то вас сегодня многовато как...

– Сворачиваемся! – развел руками капитан. – Хорошо тут – ан, приказ! Последний раз к вам заглядываем...

– Ох, Олег Фомич-то как переживать станет! Он же вам чаю обещал...

– Так и где же он?

– Дык... как перед обедом в торг уехал – за товаром, всё и нет его...
Должен уж скоро быть, ума не приложу – куда запропал?

– Эх! – покачал головою капитан. – Что такое не везёт... остался я без вкусностей! Ну, пусть хоть девушки себе чего-нито посмотрят...

– Вино есть, товарищи командиры! Абхазское! Из самого Сухими!

– Сухими, – поправил его майор.

– И так может быть, – покладисто кивнул продавец. – А чего другого, так это – к Олегу Фомичу!

– Не успеем... – пригорюнился капитан. – Эшелон уже через полтора часа. Пока доедем, машины погрузим... нет – не успеть!

Девушки, тем временем, отыскали себе какие-то полезности и торопливо упаковывали покупки в бумажный пакет. Закончив это дело, вышли на крыльце и присоединились к остальным солдатам.

– Герр гауптман! Женщины вышли на улицу! Которая из них наша?

– Один господь про то ведает...

– Брать всех?

Заурчал мотор – на улице показался ещё один грузовик. И – тоже с солдатами. Притормозил около стоявших автомашин, почти полностью перекрыв вид на вход в магазин.

Сидевшие в нём люди окликнули тех, кто уже находился на улице, завязался разговор.

– Нет, Клаус... Там почти два взвода русских! Часть из них – с автоматами. Эта рыбка нам не по зубам...

Лежавший рядом с гауптманом диверсант вздохнул.

– Вот что... Антон!

– Я!

– Вдоль вон того забора... видишь, там ещё густая трава?

– Вижу.

– Часовые не просматривают этот участок. Попробуй-ка туда проползти, послушай – русские курят совсем рядом!

– Яволь, герр гауптман! – и диверсант скользнул в траву.

Новая машина проехала мимо – на этот раз не притормозив. Только сидящие в ней солдаты помахали руками тем, кто курил на площади.

Ещё одна...

– Герр гауптман!

– Да, Антон?

– Они передислоцируются отсюда! Едут на станцию, просто офицеры заглянули в магазин – им тут что-то нужно.

– Плохие новости! – командир диверсантов сплюнул. – Уедут – и где их искать? А атаковать этих – безумие!

– Ну что ж! – поднялся со стула майор. – Знать, не судьба... Остался ты, милок, без чая! Собираемся!

Продавец сжал губы. Совсем на секунду, но, тем не менее, это не ускользнуло от глаз капитана. Но тот сделал вид, что ничего особенного не произошло.

– Александр Иванович! Так это... может быть, я вас догоню?

– На крыльях? – осведомился майор.

– Ну... на машине... на вашей.

– Ну ты и хитрец! А я, значит, с бойцами поеду?

Капитан смущенно потупился.

– Ладно! – хмыкнул майор. – Лезь в грузовик! Дождусь твоего директора – мою машину все равно последней грузить! Но – пятнадцать минут, больше ждать и я не смогу! Да и про вино тут кто-то говорил... посмотрим...

Коротко прозвучавшая команда – солдаты побросали самокрутки и полезли в машину. Заработал мотор и у второго грузовика.

– Герр гауптман! Офицер тоже садится в грузовик к солдатам!

– А второй – остался... и легковой автомобиль стоит около магазина.

– Да...

– Клаус! Готовность! Это наш последний шанс!

Проскрипели доски под ногами капитана, захлопали двери автомашин, взревели моторы...

Майор, проводив глазами отъезжающие машины, повернулся к продавцу.

– Ну и где у вас там это вино?

– Сей момент! – вскочил на табуретку продавец. При этом он нечаянно задел рукою абажур – метнулись по стенам тени...

– Герр гауптман! Сигнал!

– Вижу...

Сидевший за рулем легковушки красноармеец встрепенулся и приподнялся – из переулка показались несколько человек. Офицер... и пяток солдат с красными повязками – комендантский патруль. Странно... обычно это всегда офицер и двое бойцов. Хотя исключения бывали, да и патруль мог быть усиленный – все-таки военное время... Однако, на всякий случай, рука водителя скользнула под сиденье, негромко щелкнул снимаемый предохранитель.

Но, подойдя к машине, патруль остановился чуть в стороне, только офицер окликнул водителя.

– Товарищ боец, чей это автомобиль?

– Командира моего, товарищ капитан – он в магазин зашел.

Старший патруля кивнул и указал своим солдатам на дом.

– Коноваленко – остаетесь на крыльце! Смотрите тут...

– Есть, товарищ капитан! – вытянулся солдат. Передвинул автомат поудобнее и, как только патрульные вошли в магазин, облокотился на перила и расслабился.

Обернувшись на звук открываемой двери, майор увидел, как в магазин неторопливо зашли несколько человек в военной форме. Старые солдаты, обстрелянные – в дверном проеме не маячат, уходят сразу в сторону... и опытные, намётанный глаз сразу подметил те мелочи, которые отличают матерого бойца от зеленого новичка, только что одевшего форму. Манера передвижения, некоторая расслабленность... и особая привычка замечать все вокруг, не поворачивая при этом головы – это были явно не вчерашние призывники!

– Товарищ майор, это ваш автомобиль стоит рядом с домом? – спросил

старший патруля, поднося руку к фуражке.

– Мой... а вы, товарищ капитан, по какой причине интересуетесь?

– Старший патруля – капитан Аукстиньш! Попрошу предъявить ваши документы!

– Сначала – ваши, товарищ капитан.

– Прошу, – пальцы старшего патруля ловко расстегнули нагрудный карман и вытащили оттуда сложенный лист бумаги. – Это предписание комендатуры – выписано на моё имя.

На свет божий появилось также удостоверение личности, которое Аукстиньш протянул майору. Тот внимательно изучил оба документа. При этом от его глаз не укрылось то, что один из солдат смеялся в сторону, отрезая майору путь в подсобные помещения магазина.

– Всё в порядке, – кивнул Гальченко, возвращая капитану его документы. – Извольте – вот и мои!

И он передал в руки старшего патруля своё удостоверение.

– Майор Гальченко Александр Иванович...заместитель командира в \ч.... Угу... А машину вашу досмотреть можно, товарищ майор? – возвращая документ владельцу, поинтересовался Аукстиньш.

Застегивавший карман майор на секунду замешкался.

– Зачем? Что вы хотите там обнаружить?

– Очень может быть, товарищ майор, что и ничего. И всё же?

– Хм... Вы внимательно прочитали мои документы, товарищ капитан?

– Более чем. Так что насчёт машины?

– Ну... как хотите... – Гальченко повернулся к продавцу. – А вот эту бутылочку вы мне с собою заверните... Да! Расплатиться же надо!

Он смущенно улыбнулся и сунул руку в карман.

– Курт! – встрепенулся Аукстиньш, увидев это движение – ничего хорошего оно не сулило...

Негромко хлопнул выстрел – майор стрелял прямо через карман, не вытаскивая оттуда оружия.

Дрогнули доски пола – стоявший слева от капитана здоровенный боец, ничком рухнул на пол.

А вот второго выстрела не получилось...

Если стрелять через карман, то всегда есть шанс на то, что затвор пистолета, не сумев отойти назад должным образом из-за тесноты, не только не дошлёт в ствол очередной патрон – и гильзу-то толком не извлечёт!

Так и вышло.

Но это, казалось, ничуть не смутило стрелявшего. Выдернув из

кармана замолкший пистолет, он тотчас же заехал им в подбородок солдата, стоявшего у входа в подсобные помещения. Удар был сильный – того аж отбросило в сторону.

– Клаус! Водитель!

Но сползающий вдоль притолоки патрульный всё-таки ещё являл собою некоторое препятствие – проход был узким, и быстро проскочить его было невозможно. А получать пулю в спину... удовольствие весьма сомнительное...

И майор не побежал вглубь магазина.

Пируэт... о стену тяжело бухнулся ящик, брошенный кем-то из мнимых комендачей.

Поздно – стрелявший уже ужом ввинтился за прилавок, передергивая на ходу затвор.

Вскинул автомат стоявший на крыльце «патрульный».

Но, опережая его, из глубины салона легковушки гулко баххнул выстрел – и солдат схватился за простреленную грудь, роняя свое оружие...

Гальченко вскинул пистолет, ловя на мушку стремительные силуэты нападавших...

Бзынь!

Гулко бухнулся о доски пола карманный «Вальтер ППК».

А по лицу майора поползли красные струйки...

– Да держите же его – тяжелый!

Отбросив в сторону разбитую бутылку, продавец подхватил оглушенного офицера.

– Живее, гауптман!

Со звоном вылетело оконное стекло – с улицы короткими очередями бил автомат. Спрятавшись за простенок, один из «патрульных» выставил оттуда ствол «ППШ» – и борта легковушки усеялись пробоинами.

Что никак не повлияло на автоматчика – его ответная очередь заставила противника нырнуть назад. Пули выбили щепу прямо у его носа – оконная рама треснула и взлохматилась. Водитель машины неожиданно оказался неплохим стрелком...

Но вот по прилавку он попасть не смог – мешала стена. Не удалось ему и зацепить хоть кого-нибудь из находящихся внутри: все они лежали на полу.

– Немой! – ухватил за плечо продавца Аукстиньш. – Запасной выход есть?!

– Через подсобку! – продолжая стягивать руки майору, мотнул головою

агент. – Чуть влево и назад – этот, что на улице, может нас и не заметить, там ложбина...

– Клаус! Прикрываешь отход! Потом – за нами!

– Яволь!

Таща за собою пленного, диверсанты пробрались вдоль коридора к запасной двери. Прислушались. Особо ничего услышать не удалось – мешала стрельба в магазине. Откинув засов, один из них с оружием наизготовку выскоцил на улицу. Никого... желающих полюбопытствовать и посмотреть поближе на перестрелку не нашлось.

– Чисто!

– Туда! – махнул рукою гауптман. – Вон за тем домом у нас машина!

Он сам, агент да двое солдат (оглушенный майором диверсант так и не пришел в себя и остался в магазине, вытаскивать его было некому) – вот и вся группа. Надо было спешить, как минимум, двое из группы в бою участвовать пока не могли: приходилось тащить пленного. Но ничего... до машины не так уж и далеко...

Взвизгнув тормозами, остановился у выезда из переулка грузовик. Щелкая затворами, на землю посыпались солдаты.

– Ярошенко! Занять позиции! – немолодой уже лейтенант, пригибаясь, подобрался к колодцу – за ним, выставив в сторону магазина автоматный ствол, притаился водитель.

– Что там?!

– Диверсанты немецкие! Командира моего взять хотят! Он там стрельбу поднял, тогда вон тот, что на крыльце валяется, по мне пальнуть хотел... да не успел! Кто-то и сейчас оттуда стреляет... Да вон он!

В окне мелькнула вспышка – над срубом просвистели пули.

– Второй выход есть?

– Не знаю, товарищ лейтенант... есть, наверное. Но я же не разорвусь!

– Не переживай – это уже не твоя забота! Горбунов! Пять бойцов бери – обойти дом, там ещё выход может быть!

Обежавшие магазин бойцы сразу же увидели распахнутую дверь. Седоусый ефрейтор поднял руку в предостерегающем жесте.

– Т-с-с! Кто-то убег, но ведь и там палят ещё... А ну-ка – слева-справа запрятались! Сейчас эти деятели сбечь постараются...

Пошарив около стены дома, он, хмыкнув в усы, приподнял толстую жердь.

– Самое то!

Нестройный залп винтовок вынес последние остатки стекол в

магазине и превратил в решето входную дверь. Резонно рассудив, что в подобной обстановке многое не навоюешь, оставшийся диверсант, сменив диск в автомате, метнулся к выходу – пора было подумать и о себе.

Вот и распахнутая дверь...

Прижавшись к косяку, он попробовал осторожно выглянуть на улицу.

Вроде бы пока тихо...

Но это – совсем ненадолго, скоро солдаты обойдут дом, и тогда тут станет жарко! Следовало спешить!

Шаг... другой...

Высунувшаяся откуда-то сбоку жердь, заставила споткнуться – он выставил вперед руки, пытаясь предотвратить падение.

Бух!

Тяжелый винтовочный приклад со всего маху звезданул между лопаток. Оружие выпало из рук, и свет в глазах диверсанта померк...

– Ханс! Стрельба усилилась – к русским подошла помощь! Прикрой нас, Клаус, похоже, не выберется!

Теперь диверсантов осталось всего трое, включая агента, боевая ценность которого была весьма сомнительной. Но и до машины осталось всего метров двести. Можно было еще успеть.

Успеть!

Так всегда, когда очень спешишь, время отчего-то растягивается, ноги становятся какими-то ватными, и каждый шаг дается с небывалым усилием. А ты уже мысленно там, впереди, и только проклятые ноги никак не хотят идти быстрее...

Но вот он – шершавый борт грузовика!

– Майора – в кузов! Вилли – за руль!

Гулко ударил за спиной автомат, рассыпались горохом винтовочные выстрелы – русские шли по пятам.

– Вперед!

Взревев мотором, грузовик рванулся в темноту...

Выдержка из рапорта гауптмана Норберта.

... В сложившейся ситуации, получив сведения о предполагаемом перебазировании интересующих нас лиц, я должен был принимать решение на месте. До ближайшего сеанса

связи оставалось около двенадцати часов, и было совершенно очевидно, что шанс подойти к объектам на расстояние контакта может в дальнейшем и не представиться вовсе.

Поэтому, оценив обстановку, ввиду невозможности скрытного захвата цели № 1 (обозначенной в ориентировке как лейтенант Барсова), я приказал своей группе осуществить захват цели № 2 (обозначенной в ориентировке как майор Гальченко).

Атаковать каким угодно способом цель № 1, находившуюся в окружении не менее чем двух взводов вооруженных солдат противника, с учетом наличия имеющихся сил и средств, представлялось совершенно авантюристическим поступком. Поставленная перед группой задача, в случае подобной попытки, не только не была бы выполнена, но и могла привести к неизбежному, в случае неудачи операции, вопросу – какими обстоятельствами вызван столь пристальный интерес к рядовому офицеру?

После отбытия цели № 1 (вместе с которой убыла и большая часть солдат противника), нами был замечен оговоренный ранее визуальный сигнал от агента «Немой». Подача сигнала обозначала, что имеются благоприятные обстоятельства для захвата. Мною была дана команда на выдвижение. Обстановка магазина была нам хорошо знакома, агент предоставил нам возможность его изучить.

Оставив на крыльце часового, группа, под видом комендантовского патруля, вошла внутрь, и я, представившись начальником патруля, потребовал документы у майора. Проверив мои документы, он протянул своё удостоверение личности, после чего внезапно открыл огонь, застрелив унтер-офицера Берлинга и ранив обер-гефрайтера Корша. Услышав выстрелы, водитель майора открыл автоматный огонь, которым был убит часовой – унтер-офицер Валевский.

Принятыми мерами, майора удалось обезоружить и оглушить. Связав ему руки, группа покинула магазин через запасной выход. Лейтенант Рейн остался, чтобы задержать возможную погоню, которая и не замедлила последовать. На место боя прибыло до взвода солдат противника, которые, открыв массированный ружейно-пулеметный огонь, начали окружать нас. При попытке задержать преследователей, погиб также и унтер-офицер Малер. Но ценой своей жизни, он дал нам возможность

погрузить пленного в автомашину и, отстреливаясь от превосходящих сил противника, остатки группы организованно отступили...

... Причину, по которой майор внезапно атаковал группу, указать не могу. В результате проверки моих документов, он не высказал никаких сомнений, из чего можно сделать вывод об их должном качестве. Можно предположить, что Гальченко и офицеры его подразделения хорошо известны сотрудникам комендатуры и они относятся к ним иначе, чем ко всем остальным военнослужащим Красной армии. Вполне возможно, что существует и некое указание, запрещающее проверять и досматривать их транспорт. Ибо майор открыл огонь только после того, как я предложил ему предъявить машину для осмотра...

... В результате понесенных потерь, группа в значительной мере утратила боеспособность, и в ближайшее время нам требуется пополнение обученным и подготовленным личным составом, без чего боевая ценность и эффективность работы моего подразделения будет явно недостаточной...

– Ну, что ж, Эрвин... – адмирал поднял глаза от рапорта. – Этот раунд мы выиграли. Не без потерь – но они того стоили!

– Да, экселенц! Я тщательно расспросил гауптмана и смею вас уверить в том, что он и его группа сделали максимум возможного в создавшейся ситуации. Более того, сам факт захвата живым т а к о г о противника... в иных обстоятельствах я бы и не поверил! Вывести из строя двух хорошо подготовленных бойцов всего за пару секунд... Это мастер, экселенц! Высочайшей квалификации!

– Так как же Норберту удалось его взять? Если это настолько опасный противник? – у адмирала проснулась подозрительность.

– Стеченье обстоятельств – не более! Осечка пистолета – раз! – поднял палец полковник.

– Но это не помешало ему убрать второго – уже практически голыми руками! Причем майор ни на секунду не замешкался, словно заранее просчитал подобный вариант!

– Хм... – несколько смущился Лахузен. – Но если бы он так опрометчиво не повернулся спиной к нашему агенту... не факт, что мы имели бы удовольствие читать рапорт гауптмана.

– Да, – кивнул Канарис, – я прочел об этом в рапорте «Немого».

Положение спасло и то, что у того под рукою оказалась бутылка, которой он и оглушил стрелявшего. Действительно, стечение обстоятельств, иначе и не скажешь... Как себя ведет майор?

– Как ни странно – относительно спокойно. Как только он осознал, что находится в плену у нас, замкнулся, на вопросы отвечает однозначно.

– Это профессионал, Эрвин... Если верить тому, что мы знаем про Харона, он умеет просчитывать развитие событий на несколько шагов вперед. Не обольщайтесь – сражение ещё не выиграно! Что профессор?

– Сначала он высказал своё явное неудовольствие. Когда я говорил с ним по телефону, его голос прямо-таки ядом исходил! Но, узнав, что мы захватили одного из предполагаемых сослуживцев подполковника – причем давнего, задумался. Сказал, что перезвонит мне позже.

– Значит, мой друг, у нас развязаны руки! Пока ещё он перезвонит... А мы имеем время поработать с Хароном – так не упустите же эту возможность!

Это помещение мало чем напоминало тюремную камеру – скорее уж номер в обыкновенной гостинице. Разве что мутноватые волнистые стекла наводили на мысль, что тут не всё чисто. Да полное отсутствие каких-либо мелких предметов обихода – всё больше крепкая, массивная мебель, которую не так уж и легко использовать в качестве оружия. Именно из-за её массивности. Непосредственно рядом с обитателем «номера» постоянно присутствовало двое неразговорчивых охранников. Между прочим – невооруженных, Лахузен не собирался рисковать, здраво оценивая возможные способности своего пленника. Задача охраны заключалась, в основном, в том, чтобы важный пленник не сделал бы чего-нибудь непоправимого с собой. А за дверью постоянно дежурила группа поддержки – вот эти уже были вооружены до зубов!

Впрочем, обитателя «номера» это все не слишком, похоже, и беспокоило. Промежутки между принятием пищи он использовал, в основном, для того, чтобы хорошенько выспаться. Нимало не обращая внимания на своих молчаливых спутников, он часами бессовестно дрых, развалившись на широкой кровати. Спал... так спит тигр. В спокойной расслабленной позе, развалившись на спине, разбросав в стороны могучие лапы и открыв любопытному взору беззащитное брюшко. Но только попробуйте, обманувшись его мнимым спокойствием и кажущейся беспомощностью, протянуть к нему неосторожную руку! Очень даже может статься, что более вам тянуть будет нечего... Возможно, что и некому...

Так что когда на порог комнаты ступил высокопоставленный визитер, встречать его, кроме охраны, оказалось некому – заключенный спокойно спал. Но стоило гостю сделать первые шаги, как дрогнули веки у спящего. Секунда – и он уже сидел на кровати, рассматривая визитера.

Приподнялся, поправил рубашку и застегнул ворот. Надо сказать, что его переодели в штатское взамен потрепанной при захвате формы.

– Добрый день! – поприветствовал заключенный вошедшего. – Чем обязан визиту столь серьезного гостя?

– Мы знакомы? – нахмурился тот. – Что-то не припоминаю...

– Ну как же?! Полковник Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт – вы достаточно известный человек!

– Увы, – оценив иронию, сухо сказал вошедший, – про вас я этого сказать не могу...

– Отчего же? Мои документы у вас есть...

– И какое из ваших имен туда вписано на этот раз?

– А какое вписано, таким и называйте.

– Хорошо, – кивнул полковник, принимая правила игры. – Допустим. Итак – Гальченко. Александр Иванович. Майор Красной армии.

– Совершенно верно.

– А может быть, Александр Иванович, прекратим, как это у вас говорят, «Ваньку валять»? Вы же не армейский офицер? НКВД?

– И что это меняет?

– Многое. С обычным армейским офицером мне разговаривать не о чем. Вас ждет лагерь, где и придется ожидать конца войны...

– Ну, что поделать? – развел руками Гальченко. – Не этот номер, конечно, но и там жить можно. Пусть и не очень комфортно.

– И данная перспектива вас не очень страшит?

– Неприятно. Но... изменить что-либо пока не могу.

– Пока? Или не можете?

– Пока.

– Ценю ваше нахальство. Но, майор, положение ваше не назовешь блестящим. Как вы понимаете, отсюда вас не выпустят. Уж в лагерь-то – ни при каких обстоятельствах! Я вполне представляю себе ваши возможности и способности, поэтому шанса уйти – у вас не будет. Живым – я имею в виду.

– Полковник, а вам не кажется, что в таком случае наш разговор несколько зашел в тупик? Чтобы меня ликвидировать, совсем не обязательно было тащить за тридевять земель? Что, один выстрел там, за линией фронта, не смог бы решить эту задачу с достаточной степенью

надежности? Мог – но он не прозвучал. Для чего-то вы привезли меня сюда. Против моего желания, не спорю, но – привезли. Значит, зачем-то вам это было нужно. Я весьма неплохо осведомлён о том, кто вы и какую должность занимаете. Понимаю, что у руководителя такого ранга нет времени заниматься каждым пленным. Однако – вы здесь. Вывод? Я зачем-то вам нужен, иначе бы мною занимался обычный офицер.

– Кофе, майор?

– Не откажусь. Давно не пробовал хорошего кофе.

Полковник посмотрел на одного из охранников. Тот, не говоря ни слова, поднялся и исчез за дверью.

– Не надоедают они вам?

– Нет, вполне вежливые ребята. Вот только сопровождают меня повсюду – даже в туалет.

– Увы, Александр Иванович, но таковы правила внутреннего распорядка... Но давайте перейдём к столу. Вот уже и официант подошел...

В открытую дверь бесшумно просочился охранник, сопровождавший нового человека. Тот также молча расставил на столе чашки, кофейник. Снял с сервировочного столика вазочки со сладостями и тарелку с бутербродами.

– У вас скоро завтрак, вот я и распорядился насчет бутербродов.

– Благодарю вас, полковник.

– А ведь вы не простой майор, Александр Иванович... у вас нет питетета по отношению к старшему по званию. ГУГБ?

– А если и так?

– Угу... это многое объясняет...

Гальченко молча пожал плечами, наливая себе в чашку кофе.

Лахузен кивнул.

– Думаю, что не ошибусь, называя ещё одно ваше имя... Харон?

Майор допил кофе и поставил чашку на стол.

– Вот уж не предполагал, полковник, что вы такой знаток древнегреческой мифологии.

– В какой-то мере... Итак?

– Что вас интересует?

Лахузен поднялся и подошел к окну. Пару минут он постоял около него, словно стараясь разглядеть что-то за мутными стеклами.

– Мы ведь с вами серьезно говорим, герр Харон?

– Я так похож на шутника, полковник?

– Не похож. Но вы ведь достаточно хорошо должны отдавать отчет в своих словах. Не думаю, что вам не понятно то, что обратной дороги у вас

уже больше нет. Если даже предположить, что вы каким-то неведомым образом сумеете вернуться к своему прежнему руководству, то триумфального возвращения ожидать не приходится. Место начальника оперативной части где-нибудь в отдаленном лагере покажется вам подарком судьбы. Естественно, что в подобном случае мы приложим все старания для того, чтобы максимально компрометирующую вас информация попала в руки советской контрразведки. Никто из нас не может рисковать в столь серьезном деле. Поверьте, это не оттого, что к вам испытывают какую-то неприязнь, напротив – я высоко ценю вас как грамотного специалиста и уважаю как противника. Просто в данной ситуации мы обязаны предусмотреть все возможные случайности. И исключить их – абсолютно любой ценой. Слишком высоки ставки, майор. Никто из нас не имеет права быть сентиментальным в столь серьезном вопросе. Надеюсь, вы это понимаете.

– Откровенность за откровенность, полковник. Полагаю, что никто в вашем руководстве не считает меня человеком, способным предать свою страну? Которой, между прочим, я служу более тридцати лет! Сделай кто-нибудь вам аналогичное предложение, не сомневаюсь, что реакция последовала бы незамедлительно – и была бы весьма резкой. Я надел погоны не потому, что рассчитываю сделать таким путем успешную карьеру или заработать небольшое состояние. Что же до древности и знатности рода, так это у меня есть с рождения. Это касается и состояния – я давно уже ни в чем не нуждаюсь, и мне нет необходимости наниматься шофером в такси, чтобы свести концы с концами.

– Хм... – полковник вернулся к столу. Присел и налил себе ещё кофе. – Не находите, майор, что положение некоторым образом тупиковое? Наши страны находятся в состоянии войны... Я понимаю и уважаю ваш патриотизм, но... поймите и меня! Так или иначе – но нам с вами необходимо прийти к какому-то соглашению! Поверьте, это также и в ваших интересах!

– Верю, – кивнул Гальченко.

– И?

– Подумайте, полковник... дождите, наконец, адмиралу... Одна голова – хорошо, а две... или три...

При последних словах, Лахузен с интересом посмотрел на своего собеседника. Что-то такое проскользнуло сейчас в его словах... Но внешне полковник никак не отреагировал – спешить сейчас не следовало...

Уже сидя в машине и направляясь к Тирпицфур, он продолжал размышлять над произошедшим разговором. Гальченко прямо не признал,

что он и неведомый Харон – одно и то же лицо, это так. Но и отрицать этого явным образом не стал! Что ж, это уже кое-что! Уже сегодня – вот прямо сейчас, фотографии Харона уйдут в резидентуры – пусть ищут! Быть того не может, чтобы за почти три десятка лет это лицо не попалось кому-нибудь на глаза! Кое-какие ниточки могут найти неожиданное продолжение... и очень возможно – весьма неожиданное! Полковник даже руками потер в предвкушении грядущих событий. Пусть и молчавший (пока!) Харон, живой и здоровый – в дружеской беседе с одним из руководителей военной разведки рейха... несварение желудка кое-кому железно обеспечено!

Именно в таком ключе Лахузен все и доложил адмиралу. Присовокупив и свои идеи по этому поводу.

Реакция Канариса оказалась несколько неожиданной – он нахмурился и на какое-то время замолчал. Кивнул полковнику на кресло – присаживайтесь! А сам продолжал сидеть, катая по столу карандаш.

– Вот что, Эрвин... – глава военной разведки рейха задумчиво пожевал губу, собираясь с мыслями.

Собеседник ни единым звуком не прерывал его размышлений.

– Значит, так... – адмирал сделал какую-то пометку в своем блокноте. – Вы стопроцентно уверены в том, что тот человек, с которым вы сегодня разговаривали – Харон?

– Процентов на восемьдесят, экселенц!

– Почему не на сто?

– Но собственно Харона так никто и никогда достоверно не опознал! Все наши предположения базируются, в основном, на косвенных уликах.

– Знаете, Эрвин... Мне вот как-то сейчас стало неуютно. На секунду попробуйте представить себе, какого уровня люди сейчас сидят там – у русских! Если даже один из них, находящийся у нас в плену, между прочим, способен всего несколькими словами озадачить меня! Это немногим удавалось до сих пор...

– Простите, экселенц, но что такого он сказал? Да, майор торгуется. И это – вполне естественно в его положении!

– Торгуется? Недвусмысленно заявив, что против своих он работать не станет? Это очень похоже на торг?

– Тем не менее – на контакт он пошел!

– Куда бы он делся-то... Вопрос в другом – я не ощущаю нашей главенствующей роли в этом разговоре! Не вы ведете партию, Эрвин! При всем моем к вам уважении – где-то он вас уже переиграл...

– Но где же, экселенц?

– Пока не пойму... три головы... Кого он имел в виду?

– Возможно, что это просто словесный оборот?

– Не думаю... я прослушал запись вашего разговора...

Вот тебе и здрасьте! Так нас писали?!

Адмирал кивнул, словно отвечая на невысказанный вопрос.

– Да, мой друг. Ваша беседа записывалась. Я должен был все услышать своими ушами. Не оттого, что не доверяю вам, совсем нет... Просто некоторые нюансы разговора, даже и в записи стенографистки, безвозвратно исчезают, будучи положены на бумагу. Интонации, паузы... все это – гораздо более значимо, чем это многие думают. Иногда важно не то, что сказал ваш собеседник, а то, как он сказал. Или промолчал...

Полковник пожал плечами – лично он ничего такого не заметил.

– Не согласны со мной?

– Я не заметил какого-то особенного подтекста в его словах. Кроме... разве что вот последняя его фраза?

– Три головы?

– Да.

– Вот-вот! – Канарис отбросил карандаш. – Ладно... Ещё раз. Принципиальных возражений против нашего возможного сотрудничества у него, как я понимаю, нет?

– Нет, экселенц.

– Вопрос стоит лишь в его форме. Хорошо! Что мы вообще знаем про нашего оппонента?

– Кадровый сотрудник разведки Российской империи. Предположительно – с начала Великой войны.

– Почти тридцать лет... Это серьёзно.

– Основное направление деятельности – обеспечение работы агентов русской разведки. Их финансирование...

– Понятно теперь, отчего он не нуждается в деньгах...

– Защита и эвакуация в случае необходимости. На этой почве Харон неоднократно имел стычки с сотрудниками разведок Великобритании и Польши. За его голову объявлена награда. По крайней мере дважды уже было объявлено о его смерти.

– Но он до сих пор жив... Стоп! Эрвин, вы говорили – Польша? И англичане?

– Он оченъ сильно их не любит.

– И не удивительно! Кто их вообще любит-то? Используют – многие. Сотрудничают... но не более того.

– У Харона с ними – почти война! С многочисленными жертвами с той

стороны.

– И у нас – только объявлена официально. А общий враг... он как-то сближает... Эрвин! Вот он – ключ! Харон ненавидит англичан и поляков? Прекрасно – мы их тоже не любим. Вот об этом можно и поговорить...

Тем временем, где-то далеко в лесу...

А сегодня утром меня навестила целая компания – помимо моего врача присутствовал тот самый очкастый и ещё два каких-то деятеля в белых халатах. Глядя на них, я что-то сильно усомнился в том, что оба этих типа имеют какое-нибудь отношение к медицине. Судя по их мордам, они скорее представляли собою прямо противоположные профессии. Впрочем, в разговоре никто из них участия не принимал, молча стояли около кровати, внимательно меня разглядывая.

А собственно разговор происходил между очкастым и моим доктором.

– То есть, вы считаете, что пациент пошел на поправку? – скептически оглядывает меня очкастый.

– Да – и очень быстрыми шагами! Последствия контузии практически не видны.

Очкастый начинает листать мою карту, и между обоими докторами завязывается какой-то шаманский разговор. Сказать, что я слабо его понимаю – это сильно погрешить против истины. Я не понимаю практически ничего! Нет, слова-то разбираю, только вот смысла – не улавливаю ни малейшего. Какая-то сплошная медицинская абракадабра!

Но шаманство заканчивается, и очкастый вместе со своей свитой покидает палату. Договорились?

Или нет?

А Бог весть...

Но мой доктор чем-то ощутимо озадачен. Взволнованно ходит по комнате и что-то бормочет себе под нос.

Эк его...

Наконец, на что-то решившись, он подходит к двери и выглядывает в коридор. Окликает медсестру и куда-то её посыпает. Проследив за нею взглядом, закрывает дверь и возвращается назад. Пододвигает стул и усаживается рядом с кроватью.

– Подполковник, вы меня хорошо понимаете? – произносит он... по-русски!

Так!

Начинается рассказ от Ивановых проказ...

Похоже, что кое у кого лопнуло терпение!

– Понимаю.

– Я достаточно хорошо говорю на вашем языке?

– Во-первых – достаточно хорошо. А во-вторых – с чего вы взяли, что это мой родной язык?

– Давайте не будем сейчас играть в сыщика и вора? Примите как данное – я знаю, кто вы такой!

Да? Надо же... я и сам-то не все ещё...

– Хорошо, принимается, – отвечаю ему.

– Так вот – чтобы было понятно сразу! Это – немецкий госпиталь для раненых офицеров! Вы в тылу у немецкой армии – более чем в ста пятидесяти километрах от линии фронта. Ясно?

– Вполне. А как я сюда попал?

– Вас привезли сюда без сознания. В изодранной одежде. Солдат, которые подобрали оглушенного разрывом человека, смущила безупречная немецкая речь.

– И что же я им такого наболтал?

– Многое... рядом с вами долгое время находился сотрудник ГФП, прислушивался к тому, что вы иногда говорили. Надо полагать, это было что-то интересное, раз он иногда не пускал сюда даже врачей!

– Хм...

А ведь похоже... ГФП? Тоже может быть. Надо думать, мои рассказы без последствий не останутся... там столько всего услышать можно...

– У него возникли сильные сомнения в том, кто вы такой.

– А по-русски меня кто спрашивал?

– Это уже я. Мне знаком этот язык, я чех...

Понятно, отчего врач говорит по-немецки с некоторым акцентом. И отношение к нему всех остальных медиков теперь тоже становится более понятным – он не немец! Да, врач – но не немец, не высшая раса.

– И чего теперь мне следует ожидать?

– В самое ближайшее время – визита ГФП. Думаю, что у вас осталось не так уж и много времени. День... может быть, два или три... Вы же не немецкий офицер, и я тоже больше не могу вас прикрывать... Пока пациент лежит без сознания и ничего не видит, ещё как-то можно тянуть время, но сейчас...

– А этот очкастый – кто он?

– Тоже врач. В отличие от меня – немец, этим всё сказано. Так что, когда всё вскроется, он с удовольствием вытрут об меня ноги.

– Как ваше имя?

– Холечек. Вацлав Холечек.

– Вацлав... ну, что ж, будем знакомы! – протягиваю ему руку и слегка морщусь – рукопожатие оказалось слишком сильным. Доктор смущен.

– Извините!

– Да, ладно... – машу рукой. – Что про меня известно?

– Персонал знает ваше имя – Александр Котов. Звание – подполковник. Уж и не знаю, отчего, но вас некоторое время считали сотрудником германской разведки...

– Считали?

– Ну да... Лиске говорил...

– Лиске?

– Сотрудник ГФП – тот, что с вами сидел. Он отчего-то считал, что вы работаете у них. Ваши слова... они чем-то очень сильно его озадачили.

– Что же я ему такого сказал?

– Не знаю. Но, судя по всему, это было что-то, весьма важное и интересное. Раз уж он так быстро собрался и уехал...

– Скажите, Вацлав, а вот то, что меня всюду возят одного – это что?

– Распоряжение Лиске. Он приказал, чтобы вы не общались с другими больными.

– Так. Понятно... Я вот тут видел на прогулке ещё одного больного...

– Знаю, мне доложили. Это тоже русский – лейтенант Демин.

– А почему он здесь? Ведь госпиталь-то не для них?

– Не знаю. Его сюда привезло ГФП, он им зачем-то нужен.

– Когда?

– Ну... приблизительно, через день после того, как привезли и вас. И тоже – откуда-то из этих же мест.

Да ну?!

Это что же, лейтенант за нами следом тогда рванул? С нехилой, надо сказать, скоростью? И проявил чудеса изворотливости, просочившись сквозь преследующих нас немцев? Вот это талант! А мужики-то и не знают...

– Я могу с ним поговорить?

– Ну... я могу попробовать... но ничего не обещаю!

Ты не обещай, родной – ты сделай! Это ведь и тебе зачем-то нужно, так ведь? Я, конечно, ранен и контужен, но из ума-то окончательно не выжил все-таки... Как это у нас в детстве говорили – когда врешь, подпрыгивай? Боюсь, что доброму доктору Холечеку пришлось бы скакать почти непрерывно. Во всяком случае – часто и высоко.

Значит – немцы. По крайней мере, в этом теперь сомнений нет никаких. Что ж, ребятки, теперь осталось только понять, как долго и за каким хреном вы собираетесь валять передо мною комедию.

ГФП?

Очень даже возможно.

Там тоже неслабые спецы попадались. Умные и сообразительные –
попили в своё время у нас кровушки...

Где-то совсем далеко...

– Попрыгали!

Шеренга десантников вразнобой запрыгала на месте.

– Грызлов – снаряжение поправить!

– Есть!

– Пятиминутная готовность! Разойдись!

Парашютисты разбрелись по углам, проверяя снаряжение, а их командир отошел в сторону, где стояли две черные эмки.

– Товарищ полковник, группа к вылету готова!

– Вижу, товарищ капитан. Летчики обещают над целью хорошую погоду – в смысле, для вас хорошую. Облачность, ограниченная видимость... словом, самое то, что вам нужно.

– Это хорошо! Хоть чем-то порадовали!

– Ещё раз напоминаю вам о радиомолчании – только на прием!

– Помню, товарищ полковник! По приземлении направляю группу – они заложат послание в тайник.

– Ну, капитан, – в добный путь!

Полковник Чернов обнял старшего группы.

Плотный поток воздуха от винтов выруливающего самолета заставлял слезиться глаза, пытался сорвать с голов провожающих их головные уборы. Придерживая свою фуражку рукой, полковник стоял у края взлетной полосы, наблюдая за удаляющимися огоньками.

Рев двигателей стал громче – тяжелая машина неожиданно легко тронулась с места, побежала по полосе... оторвалась от неё и взмыла в воздух.

Всё... операция началась...

Берлин

Конспиративная квартира абвера

– Ну вот, майор, устраивайтесь! – Лахузен хозяйственным жестом пригласил гостя в помещение. – Всё весьма уютно, я и сам бы не отказался пожить здесь на всем готовом.

– Кто не дает? Располагайтесь – тут ведь и второй этаж есть?

– А вы юморист! – усмехнулся полковник. – Не теряете присутствия духа в любых условиях.

– Стараюсь… – Гальченко подошел к окну. – По саду гулять можно?

– Разумеется! Для чего бы он тут тогда был нужен?

– Спасибо! Соскучился по свежему воздуху…

– Завтракать, обедать и ужинать будете здесь, в доме неплохая кухня и приличный повар.

– Горничные?

– Вам требуется?

– Да нет… это я так, к слову, спросил. Просто само собою напрашивалось. В таком особняке они были бы вполне к месту.

Лахузен присел за стол и положил на него фурражку.

– Как вы понимаете, я доложил адмиралу о нашем с вами разговоре.

– И, судя по окружающей обстановке, он уже какое-то решение принял?

– Да. Не скрою, нам более были бы интересны ваши наработки последнего времени, но… не станем спешить, хорошо? Вы достаточно четко обрисовали границы нашего возможного сотрудничества – мы готовы придерживаться этих рамок.

Майор кивнул и, пододвинув стул, уселся напротив Лахузена.

– Соловья баснями не кормят, так ведь?

– Э-э-э… простите?

– Всё это, – обвел взглядом комнату Гальченко, – можно понимать как некий аванс… в счёт будущего. Если, конечно, я вас правильно понимаю?

– Ну… как это у вас говорят? Я вас за язык не дёргал!

– Не тянул.

– Извините.

– Ничего, я тоже, далеко не сразу привык говорить и думать по-немецки. Пять лет на это ушло…

- Простите, но как тогда вы работали?
- Ещё не работал, полковник... Я тогда учился. Здесь – у вас.
- Угу... Вот это, – коснулся рукою лица Лахузен, – следы того времени?
- Вы правильно угадали.
- И где же вы...
- А вы архивы поднимите – там все есть.
- Ну, это не к спеху... Так что же вы хотели мне сообщить?
- Полковник, вы в ресторане давно не были?
- Недавно обедал... а что?
- А вот я – несколько лет. Соскучился, знаете ли... хочется снова посидеть в уютном зале... выпить настоящего немецкого пива – я к нему привык.
- Так в чем же дело? Завтра не обещаю, но через два-три дня...
- Какой сегодня день, полковник?
- Вторник.
- В пятницу – вас устроит?
- Более чем. А... позвольте спросить, почему именно в пятницу?
- Ресторан «Цур таубе». Время не имеет значения, но лучше, я думаю, всё-таки не слишком поздно. Ваши люди вполне успеют за два дня обшарить его сверху донизу, и моя охрана не будет слишком уж придирчиво следить за любыми моими движениями...

Ресторан нашли быстро – это не составило особенной сложности. Хотя ничего особенного это заведение не представляло. Относительно небольшое – всего два зала средних размеров. Посещали его, в основном, завсегдатаи – жители окрестных домов. Осторожно поинтересовались ими – простые обыватели. Парочка отставных военных... несколько полицейских, живущих поблизости. Словом, нормальный контингент рядового ресторана. Ничем экстраординарным этот ресторанчик не блистал, обычное меню, сильно сдавшее с началом войны, пиво тоже было самым обыкновенным.

Но Харон назвал именно это место!

Значит, что-то здесь было такое, что заставило его выбрать этот ресторан, а не какой-нибудь другой. Две группы специалистов, переодетых в штатское, самым внимательным образом (независимо одна от другой) проверили заведение и его работников. Никто и ничего подозрительного не обнаружил. Запрос в гестапо (одновременно отправили аналогичный ещё на три подобных объекта) тоже никакой ясности не внес.

Покопались в архивах, проверили личность хозяина. Он владел этим заведением уже тринадцать лет и никаких проблем с полицией не имел.

Тупик.

Ничего примечательного и подозрительного.

Тем не менее, в назначенный день абвер предпринял повышенные меры предосторожности. В ресторане разместили сразу десяток переодетых сотрудников. Мало ли... Имея дело с таким опасным и непредсказуемым противником, можно ожидать чего угодно. Лахузен совершенно не обольщался словами своего оппонента, прекрасно представляя себе, с кем имеет дело. Более того, сам он, по настоянию адмирала, на эту встречу не пошел. И предлог для этого был выбран самый естественный – у руководителя такого уровня не так уж и много свободного времени, некогда ему по ресторанам расхаживать – война!

И поэтому Харону был представлен новый сотрудник абвера, который и должен был в будущем осуществлять все контакты между ним и руководством германской военной разведки. А заодно это был тонкий намек слишком уж зазнавшемуся пленнику – помни, кто ты такой! Мол, назывался майором – получи в сопровождающие офицера близкого по званию. Вот был бы ты генерал... Понял ли Харон этот намек? Трудно сказать... Но при знакомстве с гауптманом Крайцером он никакого особенного неудовольствия этим не проявил, сухо поздоровался – и всё. Той доверительности, которая вроде бы возникла у него с Лахузеном, в разговорах с гауптманом уже не было – адмирал, прослушивая записи, отметил это сразу. Хотя внешне русский никаких особых эмоций не проявлял, разговаривал вполне доброжелательно и даже шутил.

Но время шло, и вот, наконец, наступил тот самый день – пятница...

– Смотрите, Виллибальд, – наставлял гауптмана накануне Лахузен. – Вам придется проявить завтра все свои таланты!

– Я приложу все свои силы, геррoberst!

– Не так, гауптман! Я понимаю всю неравновесность фигур, участвующих в этой операции. Фактически – вас посыпают с револьвером против тяжелого танка! И не надо так бурно реагировать – никакого преувеличения тут нет. Сколько лет вы в разведке?

– Девять лет, геррoberst.

– А Харон – свыше тридцати! И большую часть этого времени – на нелегальной работе! Он не провалился ни одного раза! Мы даже не знаем его истинного воинского звания!

– Но в документах оно есть – майор...

– Да. Майор. Только неизвестно – по какой линии? Чему равен чин майора ГУГБ – вы знаете?

– Комбриг... Но ведь ГУГБ больше нет? И их чины теперь приравнены к общевойсковым...

– Как справедливо заметил однажды адмирал, наличие на плечах вашего оппонента генеральских погоны – ещё не делает вас самого бессильным! Равно как и наоборот! В разведке главное – это голова! А погоны... они ещё никого не сделали непобедимым... Кстати, отчасти и по этой причине на контакт с Хароном предложили именно вас.

– Генерал, которого переиграл обычный гауптман? Да, это может здорово его осадить!

– Только не заиграйтесь, Виллибальд! Имейте в виду – этот русский очень непрост! Чрезвычайно опасный и талантливый, он может предпринять совершенно немыслимые шаги! Не исключено, что он хочет попросить помощи у своих хозяев и именно поэтому настоял на данном ресторанчике. Возможно, что у него там есть связной или кто-то в этом роде...

– Но отчего же мы тогда не предложили ему сменить место? Мало ли... ресторан мог закрыться, сгореть от случайной бомбы, наконец!

– А где гарантия, что Харон именно этого и не добивается? Покивает и предложит другое место – то, которое ему на самом деле и нужно? Так и будем новые причины отказа изобретать? Если завтра он попросит отвезти его в «Адлон» – что, и его поджечь придется? Нет уж... сыграем чужими картами... По крайней мере, мы успели проверить стол и место, где эта игра будет происходить!

– Я понял, герр оберст...

Лахузен встал из-за стола и подошел к окну. Вскочивший на ноги капитан преданно посмотрел снизу вверх на своего шефа. Кройцер и так-то не отличался богатырским ростом, а уж по сравнению с почти двухметровым полковником выглядел и вовсе невзрачно.

Начальник Абвер-2 посмотрел на вечернюю улицу. Почти пусто... лишь одинокие прохожие спешили по своим делам.

– Меня не будет рядом, Виллибальд... так надо, не спорьте! Но... я хотел бы вас предупредить – вы должны! Обязаны! Думать! Поверите, этот человек ничего просто так не делает! Не знаю, какие дьявольские комбинации прокручивает он в своем мозгу, но вы – именно вы, Виллибальд! Вы должны опережать его – хоть на полшага! Я наблюдаю за вами уже давно и высоко ценю как грамотного сотрудника с аналитическим складом ума. Здесь и сейчас мне нужен такой человек! Поверите ли,

гауптман, даже я сам – и то теряюсь...

– Я сделаю все, герр оберст! Все, что в моих силах – и даже больше!

– И ю... – Лахузен вернулся на место, сделав Кройцеру знак присесть. – Майор – игрок! Азартный и увлеченный! Я разбирал некоторые эпизоды деятельности Харона – это работа игрока! Азартного игрока, между прочим! Упивающегося своим искусством и способностями. Возможно, из него вышел бы неплохой театральный актер, кто знает? Можно ведь многое бы сделать иначе, экономнее и без лишних эффектов – но ведь он выбирает как раз такой путь! Очень эффектный внешне – и излишне театрализованный! А ведь благодарной публики там не бывает – рукоплескать-то некому!

– Это может быть и работой на одного зрителя – на противника. Мол, смотрите – я вас не боюсь! Это именно я – не ошибитесь!

Полковник с интересом посмотрел на собеседника.

– Хм! А ведь и так это можно истолковать... Гауптман! У вас хорошо работает голова! Акция устрашения... М-м-да... с этой точки зрения никто подобные события не рассматривал!

– А стоило бы...

– Пожалуй... своего рода визитная карточка – со мною лучше не спорить? И не мешать!

– Не только, герр оберст! Не думаю, что все имевшие место случаи – это работа именно его. В конечном итоге, Харон добился того, что любая акция подобного рода уже автоматически приписывается ему, отвлекая таким образом внимание от реального исполнителя. Ведь почерк можно и подделать... – развел руками гауптман.

– Мне определенно нравится ваш острый ум! – уважительно покивал Лахузен. – Продолжайте в том же духе, мой друг, – вас ждет блестящее будущее!

Вечер удался.

Несколько насупившийся Гальченко через пару часов размяк и слегка повеселел. С интересом разглядывая входящих посетителей, он развалился на стуле, слегка опервшись на спинку боком, и неторопливо прихлебывал свое пиво. А вот сидевший напротив него Кройцер вертелся как на иголках. Он понимал, что, хотя в обоих залах ресторанчика и находятся переодетые сотрудники адмирала, контролирующие обстановку, предвидеть всё и вся невозможно. По своему опыту он хорошо представлял, на что способен человек, загнанный в угол. А его спутник сейчас таким человеком и являлся. Из головы гауптмана не выходили слова Лахузена о том, что он

отправляет Кройцера с револьвером против тяжелого танка.

Оглядываясь по сторонам, гауптман исподтишка разглядывал русского. И это легенда разведслужб? Совершенно обыкновенный человек. Абсолютно немецкой внешности, даже военная выправка присутствует... Встретишь такого на улице – и пройдешь мимо не задержавшись. Отставной офицер, скорее всего... В возрасте – ему уже, наверное, за пятьдесят... Ну и что? Медведь опасен всё время, пока жив! Эту истину Кройцер усвоил давно. В своё время ему пришлось принимать участие в охоте на этого зверя, и он помнил, как пораженный несколькими пулями лесной великан из последних сил успел-таки нанести удар могучей лапой неосторожно подошедшему егерю. Того еле-еле смогли донести до сторожки. Впрочем, особо легче ему с того не стало – там и помер...

Вот и этот русский...

Порою гауптману казалось, что равнодушный взгляд майора иногда преображается в холодный прищур снайпера, выбирающего себе очередную цель. Неприятное ощущение, что и говорить...

И внутренне сжимаясь, Кройцер заставлял себя отвечать на вопросы собеседника, прихлебывал пиво, каждый момент ожидая чего-то непредсказуемого. Да уж... сходил в ресторан... отдохнул. К черту такой отдых! «Надо будет хорошенько выпить, когда я, наконец, вернусь домой», – проскользнула в голове мысль.

Да!

Пару рюмок шнапса – не меньше!

На фронте – вон, пьют перед атакой. А здесь... здесь можно будет это сделать и позже... когда за спиной щелкнет, закрываясь, надежный замок входной двери. Когда не будет сидеть напротив этот жуткий собеседник.

И весь опыт разведчика сейчас не мог подсказать гауптману ничего – он просто никогда не попадал в подобные ситуации. Кройцер лично проинструктировал каждого из агентов прикрытия, которые сейчас находились в ресторане и на улице. Казалось, тогда он предусмотрел все возможные варианты развития ситуации. Но вот именно сейчас он уже начинал понимать, что не смог предугадать всех возможных поворотов. А вот неожиданного нападения с улицы он не предусмотрел... Бред! Где – в Берлине?! На третьем году войны с Советами? «А почему бы и нет?» – ехидно вопрошал его внутренний голос. – «Разве твой оппонент не проводил уже чего-то похожего? Вспомни нашумевшую стычку с англичанами! Да, она закончилась его гибелью – так тогда подумали многие. Но сколько народу потеряли англичане? И там он был один! За его спину не стояла ещё могучая машина спецслужб СССР! А сейчас?»

– Что вы так напрягаетесь, Виллибальд? – русский поставил на стол опустевшую кружку и сделал знак официанту – повторить!

– С чего вы это взяли, герр майор? Я спокоен...

– Да? Боюсь тогда даже и предположить, каким вы бываете, когда возбуждены...

– Вы преувеличиваете, – гауптман заставил себя глотнуть пива, совершенно не почувствовав при этом его вкуса.

– Ну и славно! Значит, способность к трезвой оценке событий вы не утратили.

– Ни в коей мере.

– Великолепно! – русский потер ладонями. – Ну, что ж, гауптман... Вы готовы рискнуть?

– В смысле? – насторожился Крайцер.

– Представьте себе, что в одном кармане у вас лежат майорские погоны, а в другом – назначение на должность ротного... где-нибудь под Смоленском. И вам надо выбрать...

– Ну и что? – пальцы гауптмана непроизвольно сжались. Локтем он ощущил пистолет – в кобуре под пиджаком. – Что вы хотите этим сказать?

– То самое. Выбирайте, Виллибальд! Не перепутайте карманы!

Гауптман облизнул враз пересохшие губы.

– Ну... считайте, что я выбрал...

– То есть – готовы рискнуть?

– Чем же?

– Вы сейчас встанете и отдадите команду своим людям оставаться на местах. Тем же, кто дежурит снаружи, прикажете не следовать за нами. А мы оба выйдем отсюда на улицу. И отойдём – недалеко, метров на двести.

– И что потом?

– А там к нам подойдут... поговорить. И после этого разговора вы возвратитесь сюда с майорскими погонами в кармане.

– Хм... А если я не соглашусь?

– Тогда их получит тот, кто вас сменит на этом посту. После того, как вы отъедете в Смоленск.

– Но я не имею права так поступить без санкции руководства!

– Имеете... – русский приподнял принесённую ему кружку и посмотрел пиво на свет. – Уж мне-то можете сказки не рассказывать... В исключительных случаях вы можете принимать решения по своему усмотрению. Ведь так?

– Так...

– У вас десять минут, гауптман!

– А если мы никуда не пойдём, что тогда?

– Ничего. Мы спокойно допьём свое пиво и отправимся по домам. Я – спать, а вы – укладывать чемодан...

– Вы сильно рискуете, герр майор!

– Я привык...

Кройцер резко отодвинул стул и встал. Тотчас же из разных концов зала на него уставилось несколько пар внимательных глаз. Но русский молча сидел за столом и не делал никаких попыток что-либо предпринять. И никто из наблюдателей тоже не покинул своего места.

Гауптман сделал им условный знак и быстро направился к выходу. Секунда-другая – и он уже исчез за дверью. Гальченко усмехнулся и сделал знак кельнеру.

– Две рюмки шнапса, пожалуйста. И – побыстрее, попрошу вас!

Не прошло и пары минут, как рюмки уже стояли на столе. Так что когда вернувшийся с улицы Кройцер присел на своё место, русский кивнул ему на одну из них.

– Вам, как я полагаю, это не помешает...

Не помешало – шнапс ухнулся в желудок, ни на секунду не задержавшись во рту. Майор одобрительно кивнул.

– Ну что? Готовы идти? Тогда – рассчитывайтесь и вперёд!

– Смотрите, герр майор... вы должны понимать...

– Да всё я прекрасно понимаю! Со своей стороны обещаю не пытаться убежать, не стану бить вас по голове и пробовать отобрать пистолет – он у вас слева, под пиджаком, на поясе. Но и вы, мой друг, пообещайте не распускать руки. Да и своим оружием не надо размахивать – серьёзные люди вас не поймут... в нормальной беседе это не аргумент.

Когда оба сотрапезника шли к выходу, их провожало не менее десятка настороженных взглядов. Но – приказ был категоричен – всем оставаться на своих местах!

Вечерний (почти уже ночной) Берлин встретил вышедших на улицу людей живительной прохладой. Здесь практически не ощущался даже запах отработанного бензина – все-таки не центр города, машин мало. Хотя парочка черных автомобилей стояла-таки около тротуара. Но их двигатели не работали, и сидевшие внутри водители тоже никак не отреагировали на вышедших.

– Хорошо! – довольно потянулся Гальченко. Свежо-то как, а?

Абверовец ничего не ответил, оглядываясь по сторонам.

– Да уберите вы руку от оружия – всё же видно со стороны! Столько лет на службе, уже гауптман, а нервничаете, как вчерашний кадет!

Кройцер опустил руку и даже сунул её в карман пиджака.

– Ну, хоть так-то...

Пройдя вдоль по улице около сотни метров, парочка свернула налево – там был небольшой скверик. Стояло несколько скамеек, полускрытых ветками кустов. К одной из них, огляделвшись по сторонам, и направился майор.

– Присаживайтесь, Виллибальд! Пока ещё не холодно, дерево не остыло, и ревматизм нам с вами не грозит.

– Спасибо! –sarкастически усмехнулся тот. – Давненько никто не проявлял такой заботы о моём здоровье... даже как-то странно слышать это от вас...

– Отчего бы и нет? – пожал плечами русский. – Мы вроде бы сейчас в одной лодке сидим...

Чуть слышно скрипнул песок – по дорожке подходил человек. Совершенно неприметная одежда, плохо запоминающееся лицо – словом, обычный среднестатистический горожанин. Покосившись на собеседников, он прошел мимо, и гауптман слегка расслабился. Но в этот момент его спутник вежливо окликнул проходящего.

– Прошу прощения за беспокойство, майн герр! Но не будет ли у вас зажигалки, чтобы прикурить?

– Увы! Только спички!

– И это тоже будет весьма кстати!

– Прошу!

Прохожий остановился, повернулся назад, и в его руке появился коробок.

Сделав пару шагов, неизвестный подошел ближе.

Русский, вежливо наклонив голову, взял коробок из его рук, вытащил две спички и вернул коробок владельцу.

– Спасибо! Вы были очень любезны!

Прохожий кивнул, спрятал коробок назад... и уселся рядом с русским.

– Имею честь представить вам этого господина! – майор кивнул ему на Кройцера. – В дальнейшем вы будете работать с ним. Вопросы?

– Моё дальнейшее обеспечение...

– Теперь – это его забота! Правда, как вы понимаете, в случае необходимости...

– Разумеется! Как всегда?

– Само собой. Сейчас я оставлю вас на пару минут – договоритесь о следующей встрече... – Гальченко неторопливо поднялся и отошел к

соседней скамейке, присел на неё и откинулся на спинку.

— Как я должен к вам обращаться? — покосившись на майора, спросил Виллибалльд у своего собеседника.

— Мозес. Карл Мозес, к вашим услугам! — приподнял шляпу незнакомец, переставший быть таковым.

— Очень приятно! — протянул ему руку абверовец. — Киршенблюм, Макс! Когда и в какое время мы с вами сможем увидеться вновь?

— Определяйте сами... С вашим спутником мы встречались по пятницам — каждую вторую пятницу месяца. Правда, он приходил не так уж и часто...

Дальнейший разговор занял совсем немного времени, после чего Мозес откланялся и исчез в темном переулке.

Слегка обалдевший Кройцер подошел к скамейке, на которой дремал майор.

— Закончили? — открыл глаза русский, стоило только гауптману подойти к нему поближе. — Цените — я не лез в ваш разговор! О встрече договорились?

— Да... но... кто он? И как узнал, что надо подойти именно сюда — и сейчас?

— Отвечаю по порядку. Капитан Марек Сосюра. Второй отдел штаба генерального. Польша. Внедрен сюда ещё в 1936 году как резервный радиостартер. Имеет непосредственный контакт — по радио, разумеется, с англичанами. Последние три года находился в резерве как запасной канал связи. Вы, мой друг, сейчас имеете превосходную возможность послать свои сообщения прямо в Лондон! Где их воспримут с большим воодушевлением!

— Посыпать? Но от чьего имени?

— Под предыдущими посланиями стояла подпись — Лонгер. Это резидент польской разведки, который, как до сих пор считают в Лондоне, успешно действует на территории рейха.

— А на самом деле?

Майор ухмыльнулся.

— Ну, там, где он сейчас находится, радиостанция ни к чему. До сей поры я ни разу не слыхивал, чтобы кто-то ухитрился передавать сообщения с того света... А вот деньгами своего резидента поляки снабжали исправно. Сейчас это любезно делают англичане. Последние два года, как думают на острове, Лонгер залег на дно, опасаясь за свою жизнь. И только иногда отсылал через посредников, разумеется, короткие сообщения о том, что жив и здоров. Некоторые полезные сведения тоже, случалось, передавал.

Это ценный агент, и англичане охотно санкционировали его временную «спячку». Теперь вы можете его «разбудить»!

– То есть, как я понимаю, его убрали вы?

– Ну, за что ж вы меня подозреваете во всяких ужасах? Можно подумать, тут все окрестные обыватели питают к таким людям самые братские чувства! И без меня желающих достаточно... А вот деньги – они никому лишними не бывают!

– Как его звали на самом деле?

– Майор Влад Лешко. Впрочем, надо думать, его уже повысили...

– Как Мозес узнал, что должен подойти сюда? Именно сейчас – ведь время вы не оговаривали?

– А он нас видел. В ресторане. Когда я приподнял пивную кружку и посмотрел её на свет – это и был сигнал ему. Через десять минут на этом самом месте – обычное место нашей с ним встречи. Он увидел сигнал и вышел. Если бы мы сюда не пришли... или пришли в чьем-либо сопровождении... Уже сегодня в Лондоне знали бы – связной от Лонгера работает под контролем. Одного человека я привести могу – это нормально. А вот больше одного...

– То есть, если я вас правильно понял, англичане снабжали вас деньгами?

– И до сих пор снабжают... У короля много!

Майор приподнялся.

– Однако же – пора и домой! А то ваша охрана сейчас с ума сойдёт!

Уже возвратившись на конспиративную квартиру и поднимаясь по ступеням лестницы, Гальченко окликнул Кройцера.

– Гауптман! Что вы так загрустили?

– Я обдумываю... Надо все правильно сформулировать и доложить руководству...

– Утром и напишете, чего сейчас-то голову ломать? Езжайте домой, опрокиньте пару рюмок, обмывая новые погоны – и спать! На свежую голову и писать будет легче. Да, кстати! Не передадите ли от меня маленький сюрприз полковнику?

– Какой?

– Держите! – Гальченко взмахнул рукой.

Чисто машинально гауптман поймал брошенный ему предмет и только потом посмотрел на то, что было зажато в его руке.

Маленький браунинг калибра 6,35-мм. Дамская хлопушка – но опасная в умелых руках. Таких, как руки его собеседника...

– Но... откуда он у вас?!

– А вы догадайтесь! – ухмыльнулся Харон. – Потом поделитесь своими соображениями, посмотрим, смогли ли угадать...

Слегка обалдевший от такого «подарка», вернувшись домой после написания рапорта, Кройцер последовал-таки своему давнему намерению. Только вот двумя рюмками шнапса он не ограничился...

Вечером следующего дня

Тирпицуфер

Штаб-квартира абвера

– Да, майорские погоны он определённо заработал! – закончив чтение, сказал Канарис. – Можете его поздравить!

– Разумеется, экселенц!

– А вот этот «подарочек» русского... Кстати, где он его взял?

– Передал связной – майор, как выяснилось, дал ему сигнал, подняв именно кружку. Поднятый стакан обозначает просто встречу в условленном месте, кружка – ещё и соответствующую просьбу. Мозес служит в крипо, он полицейский и имеет соответствующие документы, разрешающие ему ношение оружия.

– Он действительно сотрудник уголовной полиции?

– Да и давно. На хорошем счету у руководства как грамотный криминалист.

– Ничего себе будет «подарочек» некоторым зазнайкам... Хотя – не будет! Уж кого-кого – а этого «пианиста» мы прибережём для себя! Пусть сейчас и не рождество – подарок весьма к месту! Оберегайте его! Всеми доступными нам способами: такой канал связи мы просто не имеем права потерять! Лешко... Да, это был мастер своего дела! Его источники информации так и остались для нас загадкой. Да и сам он тогда как-то очень ловко ушел от наблюдения, разом обрубив все контакты и скрывшись. Так вот куда он «скрылся», стало быть... Выходит, что за ним тогда следили не только мы!

– Значит, он навредил не только нам.

– Естественно! Ведь часть его информации шла прямо из русского посольства! Допустить этого они, разумеется, не могли.

– И вывели на Лешко Харона? – Лахузен сжал губы.

– Скорее всего... Поляк тогда использовал свои связи в криминальном мире – а уж Харон-то там... Просто как рыба в воде – есть такая пословица у русских. Парни из «двуйки» влезли на чужое поле – стоит ли удивляться, что там оказались более серьёзные игроки?

– Игроки, экселенц?

– Ну, не один же Харон орудовал здесь? Есть, наверняка, и другие, подобные ему специалисты – у нас такая информация имеется.

– Да уж... Я и от него-то ешё никак отойти не могу – какой выходки ешё ждать?

– Любой, мой друг! Я ведь говорил вам, Эрвин – он игрок! Высочайшего класса, не спорю! Но – азартный, не мыслящий своего существования без такой вот жизни. А русские поставили его в рамки, заставили заниматься рутинной работой... Ну попробуйте пахать поле на скаковой лошади – надолго ли её хватит? Люди такого типа – это навсегда отравленные ядом азарта и вседозволенности наркоманы. Они просто не могут уже существовать иначе. Здесь – он почти царь и бог, в его руках жизнь и благосостояние многих, а в России? Рядовой, пусть и заслуженный, работник. Пусть даже полковник или генерал – но и над ним есть руководство. Возможно, что и не всегда умное. И каково ему – исполнять такие приказы? Нет, такие люди не могут жить обычной жизнью...

– Но майор же отказался работать против своих!

– Даже если он сдаст нам только англичан и поляков – этого будет вполне достаточно! А уж там-то мы найдем способ его убедить... – улыбнулся адмирал.

– Значит – работаем?

– А как же! Пусть он и дальше устраивает свои эскапады – переживём! А вот бежать он, похоже, не собирается...

– Да, мои люди из групп контроля подтвердили, что он такую возможность имел – но не воспользовался ею. При том, что они даже и не подозревали о наличии у майора оружия. Честно говоря, у них прямо-таки чесались пальцы на спусковых крючках!

– Надо их как-то отметить – такая выдержка дорогого стоит! А русский... сейчас он не сбежит. Более того, я уверен в том, что именно сейчас он постараётся нашими руками расправиться со своими давними недругами. Проанализировав некоторую информацию, я заметил его стойкую неприязнь к англичанам и их союзникам. Да, сейчас они все вместе выступают против нас... официально, разумеется. Но не вам, мой друг, говорить, что островитяне всегда преследуют только свои интересы. А уж совпадают ли они с интересами союзников или нет – джентльменов nimalo не волнует.

В громадной машине германских спецслужб имелось очень много пересекающихся ниточек... по которым даже самая секретная информация частенько становилась известной и тем, от кого её пытались скрыть. Не по злому умыслу, разумеется – для этого имелись и другие соображения.

Секретность, например... или оперативная необходимость. Ну, скажите на милость, кому и зачем надо расстраивать уважаемого криминальдиректора доктора Карла Баума известиями о том, что один из его сотрудников – агент иностранной разведки? Правильно, незачем. Мало ли как он может среагировать на такие известия? Допустит ещё, не дай Бог, какую-нибудь ошибку – да хоть и пристрелит этого сотрудника прямо у себя в кабинете! Нет – не надо отвлекать таких людей. И расстраивать их подобными «новостями» не нужно. В конце концов, есть и специальные люди, которым по должности положено такими вопросами ведать – пусть они и работают. И не отвлекают серьёзных руководителей от их важных дел. И в самом деле – агент-то ведь не у него из стола секретные документы ворует, так?

Так.

Свои прямые обязанности исполняет?

Образцово даже, можно и так сказать.

Вот пусть и дальше исполняет...

А уж за тем, чтобы он не только не навредил интересам рейха, но и некоторым, так сказать, образом их защитил – об этом-то мы и позаботимся...

В теории-то оно так и обстоит.

В теории.

А на практике – и здесь, и там случаются всякие отклонения... увы, даже и у дисциплинированных немцев.

Слаб человек.

И – что самое неприятное, не всегда умеет свои слабости скрывать. Иногда они становятся явными – и умный сотрудник может не только их заметить, но и сыграть на таковых...

Кто-то любит выпивку, кто-то – еду.

Некоторые – женщины.

И – очень многие любят деньги. Так, что даже позволяют себе некоторые отступления от правил, стремясь заработать (или получить иными способами) их побольше. Нет, против заработка – честного и открытого, никто, разумеется, не возражает! Другое дело, когда в ход идут иные способы, не всегда, между прочим, законные...

Можно, разумеется, такого человека снять с должности. И отдать под суд.

Можно, но – нужно ли?

Свой ведь... истинный ариец. Только оступившийся.

Вот и подскажем мы ему – неправильно ты, партайгеноссе, себя ведёшь! Нехорошо!

Но мы – из чистого человеколюбия (кто не понял) тебе поможем – не сдадим твоим же коллегам из соседнего подразделения. Совершим, так сказать, служебное нарушение.

Но и ты, друг милый, уж не останься, будь любезен, в долгу.

Мы тебя шпионить, разумеется, не призываем, но некоторые интересные новости – ты же можешь нам рассказывать? Так, чтобы только на пользу общему делу?

Можешь?

Ну и славно!

А бумажку эту, что ты так неразумно написал – мы порвём. Прямо перед твоими глазами – на мелкие кусочки! Даже и их спичкою подожжем – видишь, как горит?

Хорошо?

Нам не жалко – для хорошего человека-то!

(Все равно ведь фотокопия есть...)

Вот так и «утекла» информация о выявленном «пианисте» из архива...

Хорошо хоть не противнику – к своим, в СД.

И попала не куда-нибудь – а прямо к руководству. Не к рейхсфюреру, разумеется, но тоже... достаточно высоко. Словом – куда и нужно.

Два дня спустя

В кабинете рейхсфюрера

– Ну что ж, доктор, – кивнул на лежащий перед ним документ Гиммлер. – Старый лис оказался на высоте и своё мастерство не растерял!

– Не удивительно – имея такой источник!

– Надо отдать ему должное, русского он обработал весьма эффективно. Результаты говорят сами за себя. Наша задумка оказалась верной – Советы действительно активно используют старые кадры, наплевав, в данном случае, на все идеологические разногласия. Раз уж привлекли к работе такого авантюриста, как этот Харон!

– Смею заметить, рейхсфюрер, что уж кем-кем, а авантюристом – я его не называл бы! Очень опытный и умелый профессионал...

– Угу! Так легко пошедший на контакт? Да его прямо корежит при одном упоминании об Англии! Он всё ещё ведет свою личную вендетту! Прямо-таки средневековые какие-то... И кстати, доктор! – Гиммлер даже приподнялся в кресле.

– Слушаю вас, рейхсфюрер!

– А ведь и этот... пациент профессора... в данном ключе его ведь не расспрашивали?

– Простите?

– Ну, о его отношении к англичанам и их союзникам?

– Насколько я знаю – нет.

– А напрасно! Это может кое-что нам дать!

– Я немедленно проинформирую профессора!

– Разумеется. А я, в свою очередь, позабочусь о том, чтобы этот русский авантюрист не слишком-то задержался у адмирала. Тот своё получил – и хватит! Прочие сливки снимем уже мы – задание-то исходило именно от нас!

Выдержка из рапорта.

...В доверительной беседе подполковник крайне негативно высказывался о Великобритании и САСШ. В оценке этих

государств позволял себе даже нецензурные эпитеты. По его словам, в прошлом он имел негативный опыт общения со структурами указанных государств...

Где-то в лесу

Они снова тянут какую-то канитель... Холечек отвечает односложно, надо думать, опасается медсестры, которая теперь практически никогда не оставляет нас наедине. Демина он мне так и не показал, говорит – пока это сделать трудно.

Странное дело, он сидит у меня подолгу – беседует обо всяких пустяках. У него что – другой работы нет, я тут единственный пациент?

Два дня разговор крутился вокруг Англии и Штатов. Они что – у него козу украли? Не любит Холечек их... Странно! Чехи, насколько мне память не изменяет, на островитян, в свое время, только что не молились! А он на них прямо-таки ядом брызжет!

Ну что ж, не стану его разочаровывать, подыграю. Тем паче, что и у меня никаких причин любить эти страны нет – не за что. А вот н е любить – предосстаточно. Правда, откровенно сказать, я и чехов-то не люблю... но доктору это говорить не станем.

Так и ответил. Доктор аж расплылся от удовольствия – нашел единомышленника! Подобрел, кофе предложил...

Фиговый, кстати, кофе. Вкуса никакого – эрзац. Они, насколько я помню, его тогда из желудей делали, вот и результат.

Точно – он тут не на первых ролях.

Но, с этой точки зрения, совершенно непонятно очень многое.

Дано – не самая важная фигура в этом доме.

Не немец.

Стало быть – уже не совсем человек. С точки зрения истинного арийца, разумеется.

Да, специалист – но ту же медсестру послать подальше не может. Не по зубам...

Однако – меня тут до сих пор держат. И пресловутое ГФП никак свой интерес не обозначает. А вот это – уже странно!

Не та это структура, чтобы кота за хвост тянуть – там парни хваткие.

Вывод – да врут все эти деятели!

У них тут свои пляски-попрыгушки, и никакое ГФП здесь и рядом не стояло. И доктор этот дурака валяет неспроста – у него роль такая. Вот не протяни он несколько дней после нашего разговора... что-то и могло бы пройти. А так... успел я всё обдумать, хвост к носу прикинуть – врет он! Не стыкуется тут многое...

Однако же поутру меня повели – уже не повезли, на прогулку. Теперь я туда своими ножками топаю, оттого и ещё один «медбратан» на горизонте маячит. Нет, парни, может, вы и спецы в каких-то там своих премудростях, но вот столь явно демонстрировать клиенту своё недоверие – это, ребятки, перебор... тут и слепой заметит что-то неладное.

И вот на этой прогулке я и столкнулся с Деминым. Он по-прежнему на коляске, и прятать от меня его нынче не стали.

А подойти дадут?

Сопровождавшая его медсестра зачем-то подходит к моей, и они там о чём-то своём негромко разговаривают.

Если мои догадки верны (а я не вижу, отчего бы им и не быть верными), то мешать мне не станут... Рискнем!

Два шага – и я около него.

Лейтенант спит.

Дремлет, скорее – веки подрагивают.

– Товарищ Демин!

Дрогнули веки чуть сильнее...

– Олег!

– Да... – не открывая глаз, шепчет лейтенант.

– Как ты?

– Плохо... голова болит...

– Меня узнал?

– Да... товарищ подполковник... помню вас...

– Ты тогда, как? Добрался, куда нужно?

Он молчит.

Потом приоткрывает глаза – взор какой-то... даже и сказать точно не могу. Не видит он меня – куда-то в пустоту смотрит. Зрачки не сфокусированы – туда-сюда метаются.

Опаньки... как фигово-то всё...

– Ты чего, лейтенант?

– Старший... старший я...

– Извини, запамятовал! Ты что, контуженый? Дошел тогда или нет?

– Нет... никуда я не дошел, да и не успел от вас далеко отойти...

В разговор вмешивается медсестра и бесцеремонно отталкивает коляску в другую сторону прогулочного дворика.

Не возражаю и послушно отступаю.

Значит, старший лейтенант?

И когда ж это, родной, ты им стать успел?

Да и звания своего я ему ведь не называл, кажется?

Что-то я такого факта не помню... Сказал – старше, но насколько?

И какими же темпами ты отходил, что за почти двое суток рядом все
ещё оставался?

Ох, не вяжется тут всё...

А ребятки здешние – парни с возможностями!

Звание мое – ладно, будем считать, что это я в бреду проговорился. А
вот его-то они как сыскали?

Не тогда взяли – это и к бабке не ходи! Кто ему старшего присвоил –
леший, что ли, петлицы нацепил?

Угу...

Стало быть – вытащили его уже из нашего тыла, уж на передовую-то
его ни в каком раскладе не отправили бы! И документы он донес – кто б
ему тогда старшего дал, за что, за выход из окружения, что ли? Свои бы
кубари не сняли – и то счастье...

Так... и что ж ещё такого я наболтал? А ведь наболтал – неспроста же
все это осиное гнездо пребывает в состоянии повышенного возбуждения.

Телефонизированный отдельный пост у дверей – даже пленным
генералам такого не полагалось, уж я-то знаю! Постоянный контроль за
каждым шагом, комедию с мнимой больницей разыграли – это уж и вовсе
что-то запредельное. Нет, парни, вы явно тут что-то основательное решили
поймать...

А что тут вообще можно поймать? Ну, например?

Военные секреты?

Учитывая то, что я отрубился осенью, а сейчас лето? Сколько времени
прошло? Тот же Демин знает больше меня в пять раз!

Значит – это касается не сегодняшнего момента.

А какого же?

Тех самых фокусов с бумагами – моего выстрела из прошлого?

Ну, учитывая оборотистость фрицев в тех случаях, когда это касалось
их высшего руководства, все фигуранты тех бумаг уже давно смотрят на
крышку гроба. Изнутри.

Отомстить мне?

Три раза ха! Могли и просто так пристрелить.

Не катит...

А вот, например, представим себе, что по чану получил наш
уважаемый академик... что он мог бы в бреду наговорить?

У-у-у... даже и вообразить не берусь...

И если я сболтнул хоть что-нибудь, касательно его экспериментов...
могли и пол-Берлина тут отгрехать – дело того стоит!

Вот, стало быть, с чего тут такой сыр-бор...

А тем временем в лесу

Еле-еле шевельнулись ветки – и на свет божий из кустов выглянул ствол.

Впрочем... нет, это было не оружие.

В нем не бывает никаких линз.

Объектив – вот что глядело из кустов.

Чуть слышно щелкнул затвор. Ещё раз...

– Левее смотри!

– Угум...

Щелк!

– Есть контакт!

– Вышки отснял?

– Спрашиваешь...

– Тогда – ноги в руки!

И по густой траве неслышными тенями проскользнули две фигуры.

Чуть глубже в лесу их ожидала группа прикрытия. Увидев приближающихся бойцов, снайпер опустил своё оружие – ушли ребята...

Радиограмма

Лодочнику.

Объект вышел на связь. Получен сигнал – «Белое».

Поводырь.

Радиограмма.

Михалычу.

Задание выполнено. Высылаю вам отснятый материал. Готов приступить ко второй фазе операции.

Часовой.

Радиограмма.

Часовому.

Материал получен в полном объеме. Качество удовлетворительное. Ожидайте указаний, активных действий не производить.

Михалыч.

Телефонный звонок.

- Фридрих?
- Слушаю. Ты, Герберт?
- А кто ещё может беспокоить тебя по утрам?
- Да мало ли... У моего руководства вполне может хватить на это фантазии, например...
- Ну, слава Всевышнему, оно пока до этого ещё не додумалось! А вот моё – увы...
- Что случилось?
- Дружище, наша встреча временно отменяется – меня засылают куда-то в глухие русские леса!
- Лесником?
- Если б так! Там хотя бы есть дичь, на которую можно и поохотиться. Нет, дружище, мы все выступаем, скорее, в роли сторожей.
- Хм-м-м... дай-ка я угадаю... Ваш шеф решил сам кого-то подстрелить?
- Нет, он-то остается сидеть на месте! Мы сопровождаем, кого бы ты думал? Русского!
- Что? Вы – и русского?
- Именно! Его как-то выдрали из лап «хитрого грека» и спешно высыпают подальше, пока тот не успел нажаловаться наверх.
- Сочувствую... надеюсь, это не займет у тебя много

времени? Я, конечно, сообщу мадам о непредвиденной задержке, но... вечно она тебя ждать не станет же?

– Неделя-две, не больше! У нас тут тоже всем некогда.

– Ловлю тебя на слове!

– Ладно, старый греховодник...

Фридрих положил трубку – встречу с мадам и её подопечными надо переносить... или вовсе отменить? Жаль... Хотя кое-какая польза от этого звонка всё-таки есть. Во-первых – не пропали деньги, это уже хорошо. Во-вторых... очень может быть, что этот невинный звонок заинтересует кое-кого... сей господин иногда бывает очень даже щедрым! Недаром он специально попросил Фридриха особо информировать о звонках некоторых клиентов. А этот – из их числа!

Лондон

Управление СИС

- Сэр Мортимер? Разрешите?
- Да, Патрик, входи. Что у нас нового?
- На связь вышел «Горнист».
- Вот как?! Долго же его не было... И чем он нас порадовал на этот раз?
- Сообщение от Лонгера. Послезавтра вот в этом квадрате, – протянул лист бумаги дежурный офицер, – ожидается выброс груза.
- Характер груза? Кому предназначен?
- Получатель неизвестен. Надо полагать, Лонгер этого не знает и сам. А вот состав... – лейтенант заглянул в блокнот. – Взрывчатка – около четырехсот фунтов, деньги и документы. Возможно – радиопередатчик. Точнее ему выяснить не удалось.
- Такое количество взрывчатки? Что они собирались взорвать?
- Не знаю, сэр.
- Что ж... надо будет допросить об этом тех, кто придет за грузом... Потрудитесь связаться со штабом ПВО – пусть ненароком не сковырнут с небес эту птичку...

В указанное время самолет действительно появился в указанном квадрате. Ориентируясь на горевший внизу костер (зажегшего его мальчишку поймали, но внятного описания того, кто посулил ему за это два фунта – так и не получили: туповат парень оказался...), он сбросил вниз два парашюта.

Но за грузом так никто и не пришел. Утром парашюты и контейнеры, к которым они крепились, были обнаружены местными жителями (а то у сидевших в засаде солдат уже зуб на зуб не попадал – ночью было сырого...) и доставлены в полицейский участок.

Там действительно оказалась взрывчатка – пятьсот фунтов. Деньги (около тысячи фунтов) и документы на имя Александра Холбрука, уроженца графства Кент. Самым ценным в них было фото, которое опознали очень быстро – этот человек был хорошо известен контрразведке. Ещё бы – его искали уже полгода! Значит, груз предназначался ему... А наличие в одном из контейнеров рации свидетельствовало о том, что агент

остался без связи.

Ну что ж – неплохой улов!

Жаль, что адресата на этот раз поймать не удалось... увы! Но ничего!
Не последний самолет он вызывает... поймаем!

Местные жители ещё долго судачили о странной находке и злых промокших солдатах, которые всю ночь просидели у реки, карауля немецкого шпиона.

Поздравительная открытка.

... наш бедный Эвальд напрасно ездил в пятницу в деревню – ему не удалось разыскать там своего доверителя. По слухам, он внезапно отъехал куда-то в Глазго и когда вернётся, неизвестно...

Спецсообщение

Строго секретно.

Докладываю Вам, что операция «Зов» выполнена. Противник среагировал на наше сообщение так, как и должен был поступить. Таким образом, канал связи подтверждён, является действующим, и может быть нами использован в дальнейшем.

Начальник Абвер-2

Полковник Лахузен

Где-то в глубине страны

– Ну, примерно такой штуки я и ожидал... – Мольнар положил на стол пачку фотоснимков. – Здесь ведь у них всякие шишки появляются. Стало быть, обычных пехотных сюрпризов – типа консервных банок на колючей проволоке – можно не опасаться. Это рядового пехотинца звяканье жестяноч даже как-то успокаивает, а вот высокого гостя, наоборот, нервирует. Поэтому придумают что-то не столь явное, но не менее эффективное, немцы на это дело мастера.

– И что же – есть у них тут что-нибудь подобное? – Чернов с интересом повертел в руках фотоснимки.

– Ну, а как же! Вот на левом снимке в нижнем углу. Коробку на заборе видите?

– Это где вы галочку поставили?

– Совершенно верно. Так вот, от этой коробочки внутри спирали колючки провода протянуты. Как ребята проволоку резать начнут либо иначе как этот самый провод заденут – все, ждите гостей.

– Это все сюрпризы? – полковник сделал пометку в блокноте.

– Не думаю... По немецким правилам – должна дублирующая система быть. Только я пока не вижу, какая и где. Но в том, что она есть, можете не сомневаться. Более того, наверняка и на дверях какие-то бяки изобрели. Так что просто так вы их не откроете.

– И что ж теперь делать?

– Что-что... Староват я со всеми этими вашими парашютами сигать, но никаких других вариантов предложить не могу. Придется мне самому на месте смотреть.

– Петр Степанович... Ну куда же вы? В вашем-то возрасте!

– Куда-куда... Туда, куда и все! Сиротин-то в те края собирается. А меня, стало быть, здесь, на хозяйстве оставляете?

– Но ведь там опасно! Мы не можем пока предсказать, как будет развиваться наша операция.

– Правильно! Не можете! – Мольнар ехидно ухмыльнулся. – А как же вы хотели? Сидеть здесь – а командовать там? Не придумала пока еще хитрая наука таких способов. На месте командир должен быть. Своими глазами обстановку увидеть, собственоручно забор тот пощупать, ножками лично каждый метр пройти, каждую ямку собственным пузом отполировать – тогда, да, есть шанс...

– Но ваш возраст...

– Так я вроде бы пока ещё в запас не уволен? Да и потом... Немцы – они мужики сообразительные! Раз такие меры к охране объекта приняли, стало быть, и возможность нападения предусмотрели! А раз так, есть там и система связи...

– Есть – две линии. Телефон и радиостанция у них имеется.

– Не это... То есть, это-то – просто обязано там быть! Другое я имею в виду... – старый преподаватель поерзal на стуле. – Году, эдак, в шестнадцатом, наносили мы визит в одно интересное место – в Пруссии. Имелось там кое-что, весьма наших генералов интересующее. Радио там, по давности времен, не имелось, зато телефон был. И сидел на нем унтер, который должен был вовремя в трубку слова нужные сказать.

– Так-так! – заинтересованно подался вперед полковник. – Что ж вы про такие-то вещи ничего не рассказывали?

– Даык... в архивах все есть – только не ленись!

– Да где те архивы... – разочарованно махнул рукой Чернов.

– Ладно – тогда продолжу! Унтера этого наш человек приголубил – вилкой к стене приколол. И группа в дом вошла... Да только через пять минут на улице сразу взвод ландвера нарисовался – с пулеметом, промежду прочим! И стало нам тогда тяжко... Словом, еле ушли. Что надобно – это то увокли, приказ есть приказ! Но вот восемь человек там и остались...

– А как же так вышло? Не доглядили чего-то?

– Горшок цветочный нам всё испортил, – огорченно произнес Мольнар.

– Это как?

– Была там ещё одна каверза. На подоконнике горшок цветочный стоял. Ежели дверь со всей дури толкануть (как мы и сделали), горшок тот, ясное дело, с окна и брякнется. Он и брякнулся, да аккурат куда надо и попал. Звонок там был... Я имею в виду, что в доме-то кнопка имелась, а сам звонок как раз в караулке ландверовской и находился. Свои-то все, в смысле, обитатели домика того, про это ведали, да и пинчищем по двери лупить – совсем не требовалось. Так вот нам и нагорело тогда...

– И вы думаете, что и на данном объекте такие меры предосторожности предусмотрены?

– Такие или нет – а что-то, наверняка, есть! Или это уже не немцы вовсе, а какие-нибудь румыны, не к столу будь сказано...

– Озадачили вы меня, Петр Степанович!

– Уж лучше я – здесь и словами! Нежели немец пулеметом в лесу вам свое неудовольствие выразит!

– Так-то оно так... – почесал в затылке полковник. – Черт! Теперь все заново планировать нужно...

– Такая уж доля командирская! – пожал плечами Мольнар. – Ночей не спать – думать! А над моим предложением – покумекайте, я ведь серьёзно говорю...

И полковник стал думать...

Итогом этих размышлений явился вылет ещё одного самолета. Внезапно снялся со своего лагеря и перебазировался в сторону местный партизанский отряд. Как ни прилагали усилие его командиры, стремясь сохранить этот факт в тайне, увы... Немецкая комендатура и местное подразделение ГФП тоже являлись людьми небесталанными – про это перебазирование узнали. И сделали выводы.

В еженедельном отчете данное происшествие заняло всего одну строчку – но там, где нужно, её прочли очень внимательно. Причём – в двух разных местах!

И если первыми (и основными) читателями явилось непосредственное начальство в РСХА, то вот второй адресат... Навряд ли ему посыпали данный рапорт курьером. И уж тем более – по почте, секретный же документ!

Но как бы то ни было – рапорт он получил... Там было много всего полезного и интересного, но карандаш внимательного читателя отчеркнул только одну строку...

«По указанию из центра, партизанский отряд „За Родину“ совершил передислокацию на новое место базирования – в сорока двух километрах от прежнего лагеря».

И если в РСХА эту информацию восприняли как лишнее подтверждение эффективности своей (в смысле – местной группы ГФП) работы, то вот у другого адресата на этот счет имелось свое мнение – в корне отличающееся от такового в РСХА.

Спустя некоторое время

Районный центр, proximity от лесного санатория

По узкой улочке, совсем недалеко от казарм, неторопливо продвигалась парочка – пожилой мужчина, почти старик, и молоденькая девушка. По-видимому, старику было трудно идти, он периодически останавливался и присаживался – благо тут было, где присесть. Возле палисадников частенько попадались скамеечки, а кое-где обгорелые бревна – остатки разбомбленных ещё в сорок первом году домов. На одно из них и присел старик перевести дух. Пощупав гладкий подбородок, молча сплюнул в пыль.

– Вот, ети ж их мать-то, на старости лет бороду сбривать пришлось... И ладно б из-за кого дельного – из-за фрицев! Стукнула ж кому-то моча в башку – бороды брить! Какой я теперь дед-то – без бороды?

– Да не волнуйтесь вы так! Мы-то вас всё равно так зовём – и звать будем!

– Да стыдно мне! Сколько лет в нормальном виде проходил – и нате! Не понимаешь ты мужской красоты, пигалица... молодая ишшо...

– Так ведь...

– А скажи-ка мне, щебетунья, отчего я именно тут присел?

– Ну... Поворот здесь рядом...

– И?

– Машины скорость сбросят.

– Правильно мыслишь! А ещё?

– М-м-м... стена напротив.

– И толку нам с того?

– Если заряд там поставить... Волна от стены отразится, да назад и ударит.

– Ну... где-то так. Ещё что? На этой стороне где?

– В кустах? Невысокие они...

– А сижу я на чём?

Той же ночью незаметные тени, пробравшись на неохраняемую улицу, тихонько уволокли оттуда одно из бревен. Это было совсем нетрудно сделать – патруль тут проходил раз в час и не слишком-то утруждал себя

работой. В городке и раньше было не слишком шумно, а уж сейчас... после фактического отступления местного партизанского отряда...

Да и тащить бревно пришлось не так, чтобы и очень далеко – в заброшенный сарай. Стоял он почти на окраине, и немцев рядом не наблюдалось вовсе – данное место было им неинтересно, ничего ценного и полезного поблизости не имелось.

Закрепив бревно на козлах, подручные деда сноровисто распилили его вдоль. Поработав инструментами, выдолбили внутри полости, куда и уложили взрывчатку – почти десять килограмм! Сверху все это щедро засыпали рублеными гвоздями и всевозможным металлическим хламом. Аккуратно скрепили половинки бревна, промазав их садовым варом и укрепив гвоздями. Правда, их забивали только в строго указанных местах – ни у кого не было желания долбануть гвоздем по капсюлю-детонатору.

С великим бережением протащив самодельную мину к прежнему месту, они укрепили её так, что под удар гвоздей и взрывной волны попадал изрядный кусок местности. Весь залп приходился почти вдоль дороги, чуть под углом к направлению движения. Протащив немного в сторону и прикопав провод, ведущий к детонатору, подручные деда скрылись – да и то сказать вовремя! Уже начало светать...

А дед со своей спутницей продолжил неторопливые прогулки по городу. То и дело, присаживаясь отдыхать в самых разных местах, он своими старыми (но очень зоркими!) глазами внимательно оглядывал окружающую местность. И вслед за его недовольным бурчанием возникали в самых неожиданных местах разнообразнейшие «подарки». Хорошо замаскированные, они терпеливо ожидали своего часа...

Очень похожие, хотя и не столь хитро спрятанные, мины заняли свои места и на дороге, которая вела в сторону лесного санатория. В паре мест предусмотрели даже импровизированные огневые точки, хотя никаких работ там не производили – рано ещё. Но по кустам туда-сюда поползали, веточки кое-где повышергивали...

Не остались без внимания и линии связи, к некоторым из них подключились, и чьи-то чуткие уши стали вылавливать в повседневных разговорах интересующие сведения.

Не сказать, чтобы их было так уж и много – но кое-что полезное имелось. Особенно полезными оказались сведения о наличии продовольствия. Когда в очередной заявке вдруг прозвучало требование об увеличении и некотором качественном изменении следующей партии продуктов, умные головы сопоставили этот факт и внезапно усилившуюся охрану на ближайшем аэродроме. Скажете – это разные вещи?

Возможно...

А возможно – что и связанные между собой...

Как?

Ну... разные причины могут быть.

Мало ли, а вдруг сюда должен приехать кто-то, кого стандартный армейский рацион не устраивает? Ну, вот привык человек есть-пить кое-что более вкусное и приятное. Не упрекать же его за это? Некоторых гостей можно и побаловать – с рейха не убудет...

А поскольку этот гость – человек занятой, то и прибудет он не на поезде. Ну, нет у него времени на нём туда-сюда раскатывать! И очень даже возможно, что прибудет он не в одиночестве – оттого и продуктов заказали побольше. Уж одного-то человека любой старшина прокормит, есть запасы... А вот когда их несколько... И приходится начальнику снабжения заказывать дополнительное продовольствие.

Секретность – она, конечно, штука важная. Никто и не спорит – особенно при наличии соответствующих указаний. Но ведь нет в подсобном хозяйстве своей молочной фермы и колбасного завода? И хлебопекарни нет... да и некоторых прочих полезностей – тоже вот как-то не наблюдается. Всё на стороне получать надо. Благо что соответствующие указания имеются и подтверждены на самом высоком уровне. Не все переговоры, правда, положено по телефону вести, это да... Но ведь таким макаром много чего подолгу ожидать придется! А в иных случаях и дважды туда-сюда разъезжать! Так ведь дорога-то (или то, что здесь так называется) тоже не близкая, за день можно и не успеть.

И кому охота получать незаслуженный фитиль? Проще уж позвонить... никаких секретов-то никто по телефону не выдаёт? Раз позвонил... другой – и привык. Везде так – не только тут.

А внимательные глаза и чуткие уши продолжали свою незаметную работу. По-прежнему неторопливо прогуливался по улицам дед со своей молодой спутницей, трудились по ночам незаметные тени...

Что-то вызревало в ночной тиши.

– Смотрите, товарищ капитан – вон там немец сегодня опять подзадержался! Каждый раз он там пасётся, неспроста это! – протянул свой бинокль Мольнару лежавший рядом боец спецгруппы.

– Угу... Молодец, Силантьев! Чуяло мое сердце... – приник к окулярам инструктор. – А что ж это такое мы там разглядываем?

– Непонятно, товарищ капитан! Который раз он там уже ходит, а на что глядит, чего ищет?

– Ну, положим, это отсюда мы и не разберем... А вот как он смотрит – это уже другой вопрос...

– Ну так... Под ноги не глядит, это точно!

– Значит, нет там ничего такого, за что запнуться можно. И это – хорошо, Силантьев! Стало быть, и мы там пройти можем. И ни обо что не споткнемся. Уже дорожка вырисовываться стала... А вот скажи-ка мне, друг мой ситный, они всегда одним и тем же маршрутом ходят?

– До вон той березки, товарищ капитан, одним. А вот дальше – постоят, да и после топают уже по-всякому... Но каждый раз – иначе.

– А стоят чего? Ждут кого-нибудь?

– Не знаю...

– Угу... И под ноги не глядят... – Мольнар поднес к глазам бинокль. – А вот куда ж ты гляделки свои уставил, друг мой ситный...

Капитан на какое-то время замолчал, глядя на удаляющихся немцев. А патруль тем временем, руководствуясь только ему одному видимыми приметами, свернул в сторону, прошел еще метров сто и после очередного поворота подошел к воротам санатория. Сбоку в заборе приоткрылась небольшая калитка. Когда последний солдат скрылся за забором, калитка захлопнулась.

– Лады, Силантьев... Жди тут еще, а я покудова до ребят смотаюсь.

Идти пришлось достаточно долго. Передовая база отряда находилась почти в пяти километрах от санатория. Так что до нее капитан добрался уже ближе к вечеру. Наскоро перекусив, он подсел к пню, который использовал в качестве стола, и начал что-то быстро писать в своем блокноте. За этим делом его и застал подошедший командир группы.

– Петр Степанович? Не помешаю?

– Садись, Миша... Очень ты даже вовремя подошел. Смотри, какая картина у меня здесь вырисовывается. По лесу немецкие патрули ходят как бог на душу положит. Какого-то определенного маршрута у них нет, и чем они руководствуются – заранее определить невозможно. Вот в болото они не лезут, это факт. Еще во всякие чащобы-буераки не очень заходить любят. Нет, при необходимости-то и туда, и туда попрутся, это мы с тобой уже знаем.

– Все так, товарищ капитан.

– А вот когда они к воротам подходят, тут картина уже совсем другая. Смотри! – и Мольнар пододвинул командиру группы свой блокнот. – Вот до этой березки они идут как хотят. А как сюда дойдут – чего-то ждут. И потом уже топают совершенно определенными маршрутами, ни вправо, ни влево не уклоняясь. И ведь заметь, Миша, маршрут этот каждый раз разный.

Однако же никто их не встречает и никаких указаний никому из них не отдает. Что можешь по этому поводу сказать?

– Мины там, товарищ капитан!

– Не дурак, понял уже. А отчего тропинка каждый раз разная? Чтобы саперы ихние каждый день мины переставляли – ни я и никто из твоих ребят ни разу не замечал. Какие выводы?

– Ну... – почесал в затылке командир, – там управляемые мины могут быть. Сам-то я таких не видел, но дед Миша нам про подобные штучки рассказывал.

– Этот тебе еще и не про такие ужасы наговорить может! – буркнул старый инструктор. – Хотя здесь он, скорее всего, прав. Я и сам башкой и так, и так раскидывал – не получается ничего другого. Ладно, пусть там мины, и пусть они управляемые. Фиг с ними! В другом вопрос: как нам по этой тропинке пройти? То что они каждый раз разные – это я понимаю неплохо. Но как сами немцы узнают, какой тропинкой идти? Если они к той березке выходят, то с наблюдательной вышки патруль хорошо заметен. Легко их сосчитать, да и в бинокль рассмотреть не трудно. Вот когда их часовой сверху разглядит, тогда и отмашку дают – каким проходом идти. Никакой очередности здесь не существует. Они рубильник включают каждый раз как левая пятка пожелает.

– Похоже, что так и есть, Петр Степанович... И что же нам делать теперь? По дороге не пройти, там те же самые мины и стоят. Недаром автомобиль каждый раз около одного и того же камня притормаживает и ждет чего-то. Да и увидят нас там всех: место-то открытое! Кстати, к слову сказать, немцы-то по дороге не ходят, всегда сбоку.

– Это для того, чтобы сектор обстрела пулеметчику не перекрывать. Кстати... – инструктор сделал пометку карандашом, – ты смотри, Миша: когда патруль к воротам идет, он в сектор обстрела старается не заходить. Значит ли это, что рубильник, который мины на тропе выключает, одновременно еще и дорожные мины обесточивает? Может ли такое быть, а?

Командир группы всмотрелся в рисунок, сделанный в блокноте инструктора.

– А ведь может такое быть, товарищ капитан! Ребята докладывали, что как-то раз машина с грузом проехала к санаторию в то самое время, когда туда патруль возвращался. И что самое интересное – не затормозила она тогда около камня-то!

– Значит, правильной моя догадка оказалась... Теперь за малым дело: догадаться, когда и какую тропинку дежурный отключает. Да сами

тропинки на карте обозначить, дабы не впоролся никто из наших.

– А сможем?

– Про то деда пытать надобно, – пожал плечами Мольнар. – Сам-то я в его епархию и кончика носа не суну. Да и вам никому не советую. Надо ждать.

Где-то в Берлине

Конспиративная квартира абвера

Сегодня с самого утра на майора напала меланхолия. Нехотя спустившись к завтраку, он наскоро перекусил. Оставил на столе нетронутый кофе, снова поднялся к себе в комнату, где, не раздеваясь, завалился на кровать.

Сообщившись об этом руководству, старший охранник получил указание гостю не мешать и никак его не беспокоить. Не успел, однако, он отойти от аппарата, как тот требовательно зазвонил.

– Лорингер у аппарата!

– Здесь Лахузен.

– Да, герр оберст! – вытянулся у телефона охранник, узнав голос полковника.

– К вам в течение часа прибудут господа из СД. Старший – штурмбаннфюрер Метцер. Он передаст вам письменный приказ, который вы обязаны будете исполнить. Вопросов прибывшим не задавать. Вам все ясно?

– Яволь, герр оберст!

– Как все закончится, дождите мне лично.

– Яволь!

Полковник положил трубку. Охранник постоял около аппарата еще несколько секунд и осторожно опустил трубку на рычаг. СД? Что они собираются здесь делать? Это же не их территория! Но Лахузен приказал... Надо исполнять.

Гости приехали неожиданно быстро. Начальник охраны едва-едва успел предупредить своих людей.

Командовавший визитерами коренастый рыжеволосый здоровяк протянул начальнику охраны пакет из плотной бумаги.

– Распишитесь на конверте, поставьте дату и время вскрытия.

«Хоть бы представился, что ли, для начала!» – неприязненно покосился на него охранник. Расписавшись на конверте, он ножницами взрезал его сбоку.

«С получением сего передать охраняемое лицо штурмбаннфюреру Метцеру. Личные вещи охраняемого передать людям штурмбаннфюрера. Об исполнении доложить».

«А кто подписал? Ого! Сам адмирал... Однако! Видать здорово на старика надавили!» Но внешне охранник никак не проявил своих эмоций.

– Вас проводить, герр штурмбаннфюрер?

– Сделайте одолжение.

Когда открылась входная дверь, лежавший на кровати русский даже не повернулся на звук головы. Продолжал лежать с закрытыми глазами лицом к стене.

– А мне говорили, что вы офицер... Да еще из старой русской армии.

– А вас что-то в этом разубеждает? – майор повернулся к вошедшему и сел на кровати.

– Ну, как вам сказать... Вообще-то офицер при входе посетителя, как правило, встает.

– Совершенно верно. Если обозначенный посетитель не сочтет для себя за труд хотя бы постучать в дверь. Да и потом, здесь все-таки не официальное учреждение, а некоторым образом гостиница. И данное помещение не мой служебный кабинет, а скорее гостиничный номер, обитателю которого в общем-то никто не запрещает иногда спать.

– А вы язвительный человек, герр майор!

– Уж какой есть. Кстати, мы находимся с вами в неравном положении: вы знаете мое имя и, как я только что убедился, звание. Я же про вас не знаю совершенно ничего.

– Штурмбаннфюрер Метцер к вашим услугам, – прищелкнул каблуками вошедший.

– Ого! Даже так? Следует ли мне это понимать так, что адмирал передал меня вашему ведомству? Неслабо, должно быть, старику нагнули, раз он на это согласился. А я-то уж было настроился на серьезное сотрудничество...

– Поверьте, герр майор, что в сотрудничестве с нами иногда бывает гораздо больше плюсов, чем это принято ожидать.

– С вами – это, простите, с кем? Исходя из вашего звания, к военной разведке рейха вы не относитесь. Так кого же заинтересовала моя персона? Ведомство господина Мюллера? Или у вас другое начальство?

– Я работаю в секретариате рейхсфюрера, если вам это что-то говорит.

– Вот как? – майор встал с кровати. – Говорит. Очень даже многое говорит. Покривлю душой, если скажу, что название вашей организации так уж сильно ласкает мой слух. Согласитесь, любезный штурмбаннфюрер, что о вас очень многие отзываются далеко не благожелательно.

– Не буду вас разубеждать, герр майор. Самый лучший опыт – это тот,

который получен лично. Думаю, что вы, как разумный человек, вполне способны сделать собственные выводы. Тогда можно будет вернуться и к этому разговору.

– Хм! Логично! Как я понимаю, моё дальнейшее пребывание в этом уютном месте...

– ...Подошло к концу. Нам с вами предстоит небольшое путешествие.

– Не секрет – куда?

– Не секрет. В Россию.

– Хм...

– Смею предположить, герр майор, что вы там сможете встретить некоторых людей, которые, вполне возможно, являются вашими старыми знакомыми...

– Это где ж такое место, штурмбаннфюрер? На тот свет я пока не собираюсь... А большинство моих старых сослуживцев, увы, пребывают в лучшем из миров. Да и, откровенно говоря, я уже как-то настроился на работу здесь... Во всяком случае – в Европе.

– Не беспокойтесь, герр майор, уж это-то от вас никуда не убежит! Моё руководство, не хуже вас самого, понимает истинную ценность возможного сотрудничества. Именно здесь! Просто обстоятельства сложились таким образом... Поверьте, данная поездка действительно является очень важной!

– Ну, раз так... Жаль, однако, я как-то уже настроился сходить ещё куда-нибудь – в смысле, в какой-либо ресторан.

– В какой же?

– Раз пошла такая спешка – выбирайте сами, мне всё равно...

– Хорошо, я передам ваше пожелание своему руководству. Надеюсь, оно не откажет... А пока я бы попросил вас...

– Собрать вещи? Пять минут – только умоюсь.

– У вас что – нет никаких вещей, герр майор?

– Да вот как-то не завезли...

Рассмотрев просьбу важного пленного, руководство Метцера не нашло в ней ничего невыполнимого. Тем более что русский не настаивал на каком-то конкретном ресторане. Поэтому заведение подобрали, учитывая все требования безопасности.

Вечер прошел без каких-либо эксцессов. Гальченко вел себя спокойно, не устраивал никаких неожиданностей. И вообще при взгляде на него складывалось впечатление, что уставший человек попросту захотел слегка расслабиться после тяжелой трудовой недели. Он мирно сидел за своим

столиком, прихлебывал пиво, изредка дополняя его шнапсом, и с интересом рассматривал окружающих. Через пару часов заскучал и попросился домой.

И только выйдя за ворота служебного особняка РСХА, Метцер облегченно перевел дух. Теперь он хорошо понимал беднягу Кройцера: майорские погоны ему достались действительно недаром. Все время, пока русский пялился на окружающих и глушил шнапс вперемежку с пивом, штурмбаннфюрер сидел как на иголках, поминутно ожидая какой-то каверзы с его стороны. А уж на что способен его собеседник, он представлял себе достаточно хорошо. В отличие от многих своих коллег, не вылезавших из служебных кабинетов целыми месяцами, Метцер не раз и не два принимал участие в задержании вражеских агентов. Достаточно было внимательно прочитать рапорт гауптмана Норберта, чтобы во всех красках представить себе истинный уровень подготовки своего противника. Штурмбаннфюрер был реалистом и прекрасно понимал, что даже наличие заряженного пистолета под мышкой служит для него скорее моральным утешением. Пожелай майор проявить свои способности по-настоящему, Метцера не спас бы ни пистолет, ни парочка охранников за соседними столиками. Там бы все трое и легли. Другой вопрос, что и русский вряд ли бы куда-то ушел из ресторана, но кто их поймет... Никаких особых иллюзий на этот счет штурмбаннфюрер не питал.

Радиограмма.

Лодочнику.
Получен сигнал «синий».

Поводырь.

Спецсообщение.

...Операция вступила в фазу «три». В самое ближайшее время ожидается транспортировка объекта в интересующее нас место. Предлагаю принять меры к форсированию подготовки. В нашем распоряжении осталось не более трех дней.

Где-то в лесу

Объект «Тишина»

Похоже, что у немцев что-то засвербило в заднице. Не дождавшись никакой моей реакции от встречи с лейтенантом, Холечек сегодня с видом заговорщика шепнул мне, что в ближайшие два-три дня ожидается приезд сотрудников ГФП.

– Вы же понимаете, подполковник, что я уже ничего не смогу для вас сделать в этом случае. ГФП мне никак не подотчетно, и помешать им совершенно не в моих силах.

– Ну, а что я должен в этом случае предпринять?

– Я думал, вы уже как-то обдумали создавшееся положение... Без помощи извне здесь ничего сделать невозможно.

Я конечно понимаю, родной, что тышибко хитро выделанный, но ведь и здесь тоже не лохи собрались. Иными словами, тебе, милок, позарез нужны мои внешние контакты, пройдя по которым, твоё руководство получит подтверждение своих домыслов либо их полное опровержение. Ну, а поскольку я по сей момент не в курсе того, что вы там, ребятки, себе навоображали, то, разумеется, ничем вам в этом помочь не могу. Да и не стремлюсь, откровенно-то говоря. Можно было, конечно, наврать им с три короба, да только вдумчивый оперативник, прикинув хрен к носу, за пару часов легко развалит все мои придумки. После чего немцы всерьез обидятся и могут перейти к различным неприятным для здоровья и самочувствия процедурам. А вот этого мне совершенно не хочется. Поэтому прикинемся лопухом и подождем первого шага с их стороны. Что-то же вас, дорогие товарищи, приперло ведь? Неспроста же Холечек так явно демонстрирует мне свое показное дружелюбие. Даже встречу с лейтенантом мне устроил. А это уж вообще ни в какие рамки не лезет.

С одной стороны, ты, друг ситный, демонстрируешь мне то, что находишься тут на вторых ролях. Вредные немцы тебя всячески третируют, зажимают и ходу вверх по служебной лестнице не дают. Даже рядовые медсестры – и те не воспринимают тебя всерьез. И вдруг, непонятно с какого бодуна, эти самые медсестры, доселе грудью стоявшие между мною и Деминым, покорно отходят в сторону, не мешая нам с ним общаться. Если все это подстава и спектакль, то его режиссеру можно смело лепить «кол». Тут даже Станиславским быть не надобно, не верю я в такие вот

случайности.

А картина, вообще-то говоря, кислая получается.

Судя по тому, как фрицы в меня вцепились, в бреду я наболтал действительно что-то очень и очень серьезное. И это не касается текущих событий. Надо отдать немцам должное, что, несмотря на всю ту задницу, куда они попали уже в сорок четвертом году, ни один проект, касавшийся по-настоящему серьезных вещей, не был свернут. Даже понимая то, что в ближайшей перспективе никаких полезных выходов они от этих проектов не получат, фрицы так и не прекратили своих исследований. Да и то сказать, реактивные истребители они сделали первыми, боевые ракеты типа их «ФАУ-2» – тоже. И многие другие подобные разработки не довели до конца всего чуть-чуть. Да вспомнить хотя бы и приснопамятного профессора Маурера. Тот ведь еще злодей оказался. Подобными исследованиями в мое время всерьез занялись только американцы годах в семидесятых. А этот зловредный дядя уже в сорок втором готовых головорезов на фронт выпускал. Если бы у него было чуток побольше времени, то он бы нам устроил похохотать...

Так что воспринимаем все всерьез. Как минимум, считаем то, что немцы каким-то боком проведали про эксперименты нашего дорогого академика. Понятное дело, что даже если меня разрезать на мелкие составные части, это не сильно поспособствует немцам в их разработках. Я действительно почти ничего взятного не могу им рассказать – даже если очень сильно захочу. Как работать с мозгом, я не знаю, и никаких догадок по этому поводу не имеется. Мягко говоря, это даже к лучшему. Ибо единственный пригодный пока для этой цели мозг находится сейчас в моей голове. И в обозримом радиусе ничего похожего не наблюдается.

Поэтому, в самую первую очередь, немцев надо лишить возможности работать именно с этим самым мозгом. Путей для этого два. Первый – это размазать его по ближайшей стенке. Теоретически исполнимо. Но попытка у меня будет только одна. Если не выйдет – то меня быстро спеленают и будут держать в таком состоянии сколько угодно времени. Есть и второй путь. Где-то, по-моему, у Роберта Шекли, я читал фантастический рассказ, в котором героиня ухитрилась изменить химический состав крови, искусственно приведя себя к сумасшествию. Я не очень хорошо помню, как она этого добилась, но повторять ее эксперименты не стану по причине того, что совершенно не уверен в их успехе.

Значит, первый вариант?

Что ж, принимаем эту самую гипотезу. Понятное дело, что сей секунд долбиться виском об угол я пока воздержусь. Но возможность такую

учитывать надо, и быть готовым к ней необходимо. В то же время, и прочие варианты рассмотреть можно. Например, устроить фрицам напоследок какую-нибудь основательную каверзу – тоже, между прочим, совсем неслабый подарочек выйдет... Уж чего-чего, а всякие бяки подручными средствами творить – этому меня учить не требуется, сам могу тут лекции читать...

Правда, этим, слава Богу, мне здесь заниматься не грозит. Повышение образовательного уровня здешних обитателей в мои планы как-то вот не вписывается. Обойдутся и своими знаниями. А вот некоторые последствия собственной необразованности, я полагаю, они ощутят в самом ближайшем будущем. Нечего сказать, здешние «медбратьки», хоть парни и подготовленные, однако же, грешат старым, чисто немецким ляпом, а именно: они все делают по шаблону. Не буду спорить, делают они это весьма качественно и грамотно. Ровно так, как учили. Как сказал в свое время небезызвестный наш первый император – Петр Первый, «не следует держаться устава, яко слепой стены». Голову включать надо, хотя бы иногда. А вот с этим тут тяжко...

С чего я это взял? Да просто все.

Каждый раз, сопровождая меня на прогулку, «медбрраток» идет на одном и том же расстоянии, на шаг сзади и на шаг вправо. То есть, именно так, как это принято в вермахте и люфтваффе. Таким образом, я уже одного человека в свое время поймал. Приснопамятный Артур, один из клиентов печально известного профессора Маурера, ровно на этом же и прокололся.

Казалось бы, ну и что тут такого? Никто из персонала не скрывает своей национальности. Все так. Но вот столь явно демонстрировать свою принадлежность к вооруженным силам – это, братцы, неправильно. Никогда не надо считать клиента глупее себя самого.

И идет этот товарищ следом за мной таким макаром, чтобы вовремя пресечь любую мою внеплановую активность. Ну, это, парень, положим, ты так думаешь... У меня-то на этот счет совершенно другое мнение.

Так, допустим... Парня этого я тычу мордой в стену – как минимум один пистолет у меня точно появляется. С медсестрой чего делать будем? Тоже мордой и в ту же стену? Не комильфо как-то, женщина все-таки... А кто сказал, что и у нее пистолета нет? Я вот проявлю такое благородство, повернувшись к ней незащищенной спиной и огребу туда парочку свинцовых пилюль. Что-то мне подсказывает, что здешние «медики» неплохо управляются и с такими вот лекарствами. Так что не будем рисковать, вяжем ей руки, рот заткнем чем-нибудь и в какую-нибудь дверь засунем.

Отчего в какую-нибудь?

Да оттого, что большинство комнат, мимо которых мы ходим, нежилые. С чего, спросите, я это взял?

Гуляя во дворике, я иногда (прям как ребенок какой-то) присаживаюсь на корточки и ковыряюсь в земле. Кроме шуток, действительно ковыряюсь! Там клумба есть порядком заброшенная. А на ней цветы растут – надо думать, посадили когда-то. Только в силу того, что за этой клумбой никто не ухаживает, позаросла она сорняками всякими, травой – та вообще чуть не на полметра вверх вымахала. Вот я и взял на себя сей нелегкий труд – привести клумбу в порядок. И ничего нет удивительного в том, что руки мои иногда оказываются запачканными в земле, а к одежде прилипают всякие веточки-травинки. Благо что пижама у меня из какого-то ворсистого материала. И в то время как я неспешно топаю назад по коридору, какие-то веточки могут упасть на пол, а то, что я при этом (чисто машинально, разумеется) могу наподдать такую веточку ногой – так и это все смотрится совершенно естественно. Другой вопрос, куда эта веточка отскочит... Случается иногда, что она ненароком залетает прямо под дверь.

А вот что действительно интересно – так это то, что, залетев однажды под эту самую дверь, веточка никуда больше не девается, так там и пребывает. Уборщица, которую я, правда, никогда не видел, убирает исключительно коридор. А вот то, что лежит уже в комнате (то есть, под дверью), к коридору уже никак не относится. Вот если бы кто-то эту дверь открывал да в комнату заходил и там убирался. Но не открываются двери, неходит народ в эти помещения. Стало быть, пусто там. Не совсем, конечно, полное запустение. Для чего-то эти комнатки, наверное, и используют, но уж точно не в настоящий момент. Один я на этаже. На весь десяток комнат – один. Нет больше здесь никаких пациентов, равных мне по значимости, а раз так – безбоязненно можно лупить по башке «медбрратка» и пеленать медсестру: не прибежит к ним никто на помощь. И в этом немцев подводит их, как ни странно, педантизм. Казалось бы, построили грамотную и хорошо продуманную систему охраны. Даже телефон протащили прямо к палате. Тем самым, кстати говоря, выдав себя с головы до ног: не бывает в настоящее время таких вот постов в госпиталях. Я так полагаю, что сначала какая-то подстраховка у «медбрратка» была. Во всяком случае, за дверью кое-какие звуки, на это указывающие, я в первые дни слышал. А вот как вошли наши ежедневные прогулки в привычную колею – так и перестали по коридору чужие ботиночки топать. И что это значит? А то, что сняли дополнительный пост. Вот они-то, скорее всего, за какой-то дверью и сидели.

А сейчас нет там никого. Не слышно шагов, не звучат за стенкой

голоса. Очень с большим трудом я себе представляю таких вот высоковыдержаных охранников, что передвигаются по коридорам исключительно на цыпочках и за все время нахождения на посту не обмолвятся ни единым словом. Я уж молчу о том, что парни эти все, как правило, крепкие, пожрать любят и умеют. А, стало быть, должен иметь место и обратный процесс. Только ведь не ходит никто по коридору. Туалет-то почти у самой двери на лестницу, бесшумно туда никак не проползти. Значит ли это, что охрана расслабилась? В какой-то мере – несомненно. Я, правда, не могу ничего утверждать о том, как они несут службу за пределами здания. Просто потому, что никогда там не был и ничего не видел. Но чисто по аналогии, навряд ли там сидят какие-то совсем запредельные спецы, постоянно сжимающие в руках табельное оружие. С их точки зрения, основная опасность находится здесь, на этаже. О моем присутствии в данном домике наверняка никто из посторонних не знает, поэтому опасаться чьего-либо визита сюда немцам не приходится. Так что помочи не будет. Придется воевать одному.

Не привыкать. В конечном итоге, мое везение и так уже зашкалило неведомо куда. Когда-то это все должно было закончиться. Почему же не сейчас? Надо только грамотно выбрать момент, когда ждать больше будет уже совершенно нечего, но немцы еще не начнут в отношении меня каких-то активных действий. Свое сумеречное состояние в первые дни по приходу в себя ничем иным, как воздействием каких-то крайне специфических и узкоспециализированных медицинских препаратов, я объяснить попросту не могу. Понятное дело, что главный заправила всего этого курятника – дядя, весьма неплохо поднаторевший в применении всевозможной химии. Да и чем-то другим, похоже, этот тип владеет неплохо. Вспоминая, как он ловко разводил меня наводящими вопросами, не могу отделаться от мысли, что этот деятель еще и неслабый гипнотизер. Или что-то близкое к тому. Нельзя ему больше в руки попадаться.

В лесу

Лагерь спецгруппы

– Это вы, ребята, правильно сделали, что никто туда не полез! – Сиротин по привычке протянул руку, чтобы огладить бороду, чертыхнулся и поднял с земли кружку с чаем.

– Ну так! Товарищ капитан сказал – мины там быть могут, – откликнулся тот самый наблюдатель, что лежал тогда в секрете вместе с Мольнаром.

– Могут... есть они там! Самая неприятная штука – Sprengmine 35! Да не просто сама по себе, хотя она и так-то далеко не подарок. Тут злодей опытный орудовал, да хитро выделанный, зараза!

– Так вы же при нас такие мины снимали? – удивился один из бойцов. – Сложно... но ничего невыполнимого в этом ведь нет?

Дед только хмыкнул.

– Со штатным взрывателем – не спорю, шанс есть. Но вся беда в том, что этот злодей тут понапихал совсем другие игрушки! Здесь вот эта фиговина стоит... – достав из сумки сверток, сапер осторожно его развернул. – Глядите!

– А что это, дед Миша? – сгрудился около находки народ. – По виду – вроде взрыватель... только незнакомый какой-то.

– Электрический взрыватель нажимного действия E.S.Mi.Z.40. Видел я его и в руках держал, только вот в нашей коллекции его нет, к сожалению. Вернее – не было до сих пор!

– Ну и что? Взрыватель... таких много есть.

– Таких – нет. Этот, насколько я в курсе, единственный. И вся бяка в том, что ставят его отдельно от мины – просто в грунт закапывают в сторонке. И все. А уже от него идет проводок... И стоять их может, вокруг той самой мины, без малого, два десятка – тот ещё заборчик получается.

– Дела... – присвистнул кто-то из бойцов.

– Угу... Я и этот-то, пока нашёл – пару кило веса сбросил, одёжу – хоть отжимай! Чуял я, чего ищу, оттого и берегся так...

Старый сапер умолчал о том, что по его приказу, бойцы, страховавшие работу, обвязали ему веревками обе ноги, чтобы, в случае подрыва оттащить тело быстро в лес. А там, присыпанный ветками, лежал в траве небольшой кабанчик... Имелась слабая надежда – спасти подрыв на

несчастное животное. Что при этом стало бы с самим Сиротиным, после такого таскания раненого – за ноги по кочкам... об этом никто старался не думать.

– И что же теперь? – нарушил молчание командир группы.

– С этой стороны мы к воротам не пройдем – абсолютно точно! Был бы у меня саперный взвод... да день спокойный... Тогда хоть какой-то шанс выпадал... а так... – развел руками Сиротин.

– Так всё безнадежно?

– Я, Митенька, за свои слова отвечать привык! Раз говорю – задница, значит, так оно, в натуре, и есть...

Командир группы озадаченно почесал щеку.

– Фигово...

– И не говори! Хотя один положительный момент во всей этой катавасии все-таки есть!

– Оптимист ты, дед Миша! Что уж тут положительного-то найти можно?

– Смотри... – взял в руку карандаш, развернул блокнот старый сапер. – Система здесь установлена сложная, а, стало быть, контроль за ней, да ещё в преддверии приезда серьезных гостей, будет всенепременно!

– Это так. Да нам-то с того какой прок?

– Не скажи, Митя! Раз тут управляемые мины стоят, так это значит, что всех прочих нет! Стало быть, в момент отключения минного поля, по нему без опаски идти можно, что мы, собственно говоря, не раз и видели. А в момент проезда машин – отключат всё, что около дороги стоит. Во избежание, так сказать, случайностей. Ибо, если камешек дурной из-под колеса выскочит да ненароком по взрывателю долбанет... Из машины такой тогда нехилый дуршлаг может получиться!

– Так это куда ж тот камешек выскочить должен? Да с какой силой?

– Не знаю. Может – никуда и не выскочит. Но исключить подобную вероятность не могу. И немецкий сапер не может – с него и спрос будет. Одним Восточным фронтом не отделается.

– Ну... допустим. И что с того?

– Смотри! – сделал пометку в блокноте Сиротин. – Вот сюда я дополз – да этого места дорога проверенная. Перед приездом гостей немец выйдет систему проверять. Без этого – никак, не станет он рисковать. Стало быть, как фриц поле смотреть вышел – вскорости и гостя жди.

– Согласен, – кивнул командир.

– Перед самым приездом машин выйдет патруль – так они уже не раз делали. И вот в этом месте, – в блокноте появилась ещё одна пометка, – они

встанут. Здесь поворот – они его и контролируют. И вот если мы между проверкой и выходом патруля своих ребят вот тут спрячем – то в момент проезда машин они смогут до забора доползти. Отключат немцы мины. А около забора – метров за тридцать, как минимум, их стоять не должно – по своим шрапнель стегануть может. Разлет-то у «лягухи» – двадцать метров! Да для безопасности ещё десяток метров набросят.

– А обычные мины?

– Так я уже говорил – нет их там. Немцы, когда к воротам идут, под ноги не глядят – уверены в безопасности своей.

Командир молча рассматривал рисунок. Если верить деду, то глубина минного поля в этом месте составляла метров пятьдесят – как раз два ряда мин, для гарантированного перекрытия. А в тридцати метрах от забора начиналась безопасная зона. Там, кстати, и кустики хиленькие есть, укрыться можно. Машины встанут у этого камня – двести метров до ворот. Ребята будут лежать в девяноста метрах от забора. И проползти им надо будет метров шестьдесят, для гарантии. С момента отключения поля до момента закрытия ворот за машинами у них будет... минуты две. Не та тут дорога, чтобы по ней переть на полной скорости, не станут немцы гнать. Успеют ли бойцы скрытно пересечь ползком опасную зону?

– Михаил Владимирович! А на каком удалении от дороги стоят управляемые мины?

– Сталбыть, принимаешь план мой?

– Другого варианта нет...

– Ладно! Давай кумекать!

Москва

Кабинет Меркулова

– Присаживайся, Михаил Николаевич! – указал гостю на стул нарком. – Рассказывай как дело обстоит?

Полковник Чернов опустился на указанное место и положил перед собою на стол папку с бумагами.

– Операция, Всеволод Николаевич, подошла к финальной стадии. Группа наших бойцов сейчас находится…

– Так! С самого начала давай. У меня голова – не Дом Советов, всего сразу не упомню.

– Слушаюсь! Как вы знаете, весь замысел у нас базировался на том, что у немцев, на этом самом объекте, имеется какой-то пленник. Чрезвычайно осведомленный человек, вероятно причастный к некоторым событиям, которые…

– Это помню! Дальше!

– Как удалось установить, во главе всего этого мероприятия стоит профессор Иоахим фон Хайдлер, видный сотрудник Аненербе. Кстати, как совсем недавно выяснилось, он имеет также и звание штандартенфюрера СС!

– Гиммлер?

– Принимает в этом самое активное участие, – кивнул полковник. – Постоянно держит на контроле ход мероприятия.

– Стало быть, придает ему серьезное значение.

– Совершенно верно. Далее мы установили, что немцы приступили к поиску людей, имевших отношение к случаям, входящим в особый список…

– Понятно! – кивнул нарком. – Дальше.

– Им удалось организовать похищение одного из наших сотрудников – старшего лейтенанта Демина.

– Как это произошло? Кто дал наводку на его место службы?

– Непосредственно этим вопросом мы не занимались – не наша компетенция. Материалы переданы в контрразведку, там уже удалось кое-что раскопать.

– Так! – Меркулов что-то записал на бумаге. – Проверю…

– Нам удалось определить список приоритетных целей – людей,

которых постараются захватить немцы. Вот он, – на стол легла бумага.

– Угу... Барсова? Помню эту фамилию...

– Вы не так давно подписывали представление на неё...

– Да! И что же?

– Допустить её захвата, учитывая возможные меры, которые немцы могут к ней применить, мы не имели права. Да и по другим соображениям – тоже.

– Это понятно. Благов мне докладывал о своих мыслях в этом отношении.

– Поэтому мы аккуратно подставили противнику другую, гораздо более соблазнительную, с их точки зрения, фигуру. А учитывая то, что непосредственно у нас в тылу работал абвер – так и просто незаменимую. Для этого пришлось, на глазах их агента, разыграть целую постановку – инсценировать нападение бандитов на магазин, в котором тот работал. Для этого в банду был внедрен наш человек, который и указал им цель. В момент нападения в магазин «случайно» зашли наши люди, в том числе и Барсова, вместе с майором Гальченко.

– Так!

– Наш человек «опознал» в майоре бывшего уголовника. Назвал его кличку – «Франт». Причем сделано было всё артистично – мы специально обыгрывали этот момент. Оперативнику даже доску в штанину запрятали, и когда, в процессе задержания, ему ударили по ней – явственно был слышен хруст! Полное впечатление, что нога была сломана по-настоящему. Вот он, якобы от боли, и выкрикнул... Майор выстрелил – наш человек прикинулся убитым. Специально для этого у него в обойме как раз холостой патрон вставлен был. Опять же, со стороны все естественно происходило – нельзя такого языкастого и информированного урку в живых оставлять.

– Кто ж это у вас там такой режиссер нашелся?

– Капитан Мольнар. Он тоже принимал в этом участие.

– Молодец! Мастерство не пропьешь! – хозяин кабинета улыбнулся.

– Вот и агент немецкий поверил. А уж когда абвер узнал кличку майора... Да и мы подсуетились – заранее подкинули кое-куда информацию, мало ли, что там немцы знают? А так – всё очень даже логично вышло. Они с а м и пришли к выводу, что давно разыскиваемый ими «Харон» и Гальченко – один и тот же человек. И вот тут уже Канарис уперся! Вместо того чтобы похищать никому не известного человека – Барсову, он предпочел гораздо более лакомый кусочек. Мы не знаем достоверно, какой именно он отдал приказ, но со своей стороны подстраховались, обставив всё так, что у немцев просто не осталось

никакого выбора. Или они «берут» майора – или никого. В подобной ситуации у них имелась только одна возможность – и они её реализовали. С нашей помощью, разумеется. Надо сказать, Всеволод Николаевич, что Гальченко всё исполнил с блеском – даже осечку пистолета имитировал!

– А как, кстати говоря?

– А у него второй патрон «вареный» был... Не сработал. Вот немцы его и «повязали». Правда, далось им это недаром – из всей группы только два человека и уцелело. Да и агент немецкий, который в магазине работал – с ними тоже убежал. Двоих мы даже в плен взяли, они, между прочим, тоже много чего интересного рассказали. В том числе – и про обстоятельства захвата Демина, они ведь и там тоже участвовали. Вот контрразведка за них-то и ухватилась.

– Рисковал майор сильно... немцы ведь и ответный огонь могли открыть.

– Как сказать... им мертвое-то тело – без надобности. Живой человек нужен!

– Живой – не обязательно целый.

– Это так. Но Гальченко меня уверил в том, что они стрелять не станут. Опыт у него есть, вот и поверили мы. И не ошиблись!

– Но риск-то каков был! – покачал головой Меркулов. – Ведь могли его там и пристрелить ненарочком!

– Но в результате этого у немцев не возникло ни малейшего подозрения в том, что это был хитрый ход с нашей стороны! Да и то сказать – сдать «Харона»! Кто из них в это поверит? С нашей стороны – глупость непростительная!

– Так-то оно так... А ну, как не выдержит он там? Представляете себе, что тогда может произойти? В авбере далеко не дураки сидят, умеют языки развязывать!

– Так Гальченко и не должен изображать из себя стойкого противника гитлеровской Германии! Авантюрист, причём, удачливый и азартный – в это они поверить могут. Тем более что никаких сведений, противоречащих этой картине, у них не имеется.

– Точно? Вы готовы в этом поручиться? – нарком пристально посмотрел на полковника.

– Готов!

– Ну... ладно, что там у вас дальше?

– Несколько дней мы ничего не знали о том, как всё сложилось. То, что немцы увезли майора, подтвердили наши наблюдатели – они видели, как его грузили в кузов автомашины. А вот дальше... – развел руками

Чернов. – Оставалось ждать. И вот спустя две недели он вышел на связь!

– Каким образом? Лично?

– У нас были оговорены разные варианты. Гальченко прибыл в ресторан, где у него была назначена встреча со связным. Это радиист, агент второго отдела генштаба Польши.

– Поляк?

– Так точно.

– Он работает на нас?

– Нет. У него связь с Лондоном, он считает, что до сих пор с ним поддерживает связь агент польской разведки. На самом деле, тот уже давно погиб, а этот канал использует разведка для дезинформирования англичан. Ведь те, официально находясь в состоянии войны с немцами и в союзе с СССР, продолжают поддерживать антисоветское подполье в самой Польше.

– То есть, на нас он никаких выходов не имеет?

– И никогда не имел. Это радиист, и, по большому счету, нам он пользы никакой не приносит – связь у него только с англичанами.

– Ясно. Продолжайте.

– Сам факт выхода «Харона» на связь – это сигнал нам. Я дошел, работаю. Первая же переданная радиостом радиограмма – второй сигнал. Это значит, что немцы Гальченко поверили и стали использовать радииста в своих целях.

– То есть, вы слушаете и его радио тоже?

– Да, у нас есть такая возможность. Точнее – не у нас, а у...

– Я понял. Дальше!

– Этот ресторан был заранее оговорен с майором – там в условленное время дежурил наш человек. Не в самом ресторане – снаружи. Поэтому немцы, проводя предварительную проверку места встречи и выявление постов охраны, его не увидели. Его задача – проследить майора и его сопровождающих до точки их постоянной дислокации. Мы исходили из того, что такого важного и ценного агента не станут держать в тюрьме или казарме. Вероятнее всего, поселят где-то на конспиративной квартире – это обычная практика в таких делах. Так и вышло.

– То есть – немцы клюнули?

– Всей пастью, Всеволод Николаевич! Естественно, между Гиммлером и Канарисом тотчас же возник спор – кто будет работать с «Хароном» дальше?

– Ну, итог этого спора можно предсказать заранее...

– Так и вышло – мы получили косвенное подтверждение тому, что майору уже выделена личная охрана и его перевозят куда-то в СССР. На

следующий день он это и сам подтвердил – попросился в ресторан.

– И немцы на это согласились?

– Так ресторан-то в этот раз они сами выбирали! Надо полагать, отыскали такой, откуда он не смог бы просто так уйти.

– То есть, за Гальченко никто не следил? – вопросительно посмотрел на собеседника Меркулов.

– Нам надо было просто зафиксировать факт его выхода из дома – все равно, куда. Если бы его просто куда-то увезли – другой вопрос. Но он вышел на улицу сам и уже там сел в машину – это условный сигнал, означающий скорый отъезд в СССР.

– Но он мог и не выйти. Немцы могли не выпустить.

– Есть и дубль-вариант. Начальник тыла на объекте «Тишина» заказал на складе исландскую сельдь. Майор объявил себя её ценителем и должен был попросить немцев о маленьком одолжении.

– Эк они его обхаживают-то!

– Так и получить хотят – кабы и не впятеро!

– Ладно. Что по готовности группы?

– Готовы. Ждут. В указанное место скрытым маршем передвигается группа поддержки – сорок человек. Оборудован аэродром, на который могут сесть наши самолеты для эвакуации.

– Всё?

– Нет... – чуть запнувшись, проговорил полковник. – По нашим сведениям, полученным из окружения Марии Оршич – медиума общества «Врил», на этот объект также прибудет группа экспертов данного общества.

– Подождите... – нахмурился нарком. – «Врил»... Мистики?

– Совершенно верно.

– Но ведь общества этого больше нет? С формированием Аненербе, его, кажется, распустили?

– Тем не менее, Мария Оршич по-прежнему занимается своей деятельностью, ничуть не пострадав от этого роспуска.

– Чертовщина какая-то... Вы серьезно, Михаил Николаевич?

– Более чем, Всеволод Николаевич. И это – настораживает и меня тоже...

Несколькоими днями ранее

Берлин

Кабинет Гиммлера

– Садитесь, профессор, – рейхсфюрер кивнул фон Хойдлеру на кресло. – У вас есть полчаса, чтобы меня убедить. Не скрою, у меня имеются серьезные причины задержать майора здесь, в Берлине. Тут он нужнее, и наше сотрудничество приносит свои плоды уже сейчас, а не в далеком будущем.

– Прошу прощения, рейхсфюрер, но вы давно с ним работаете?

– Не мы. Первым начал Канарис – ведь это его люди смогли выкрасть майора прямо из-под носа целого взвода солдат! Так что вполне логичным было дать и ему урвать кусочек славы.

– Иными словами, рейхсфюрер, он попросту задержал русского у себя.

Гиммлер наклонился вперёд, сверкнули стекла его очков.

– Профессор… я признаю ваш безусловный авторитет в некоторых специфических областях науки, но… и только там! В прочие же вопросы, касающиеся иных, далеких от ваших изысканий, тем – полагаю, вам лучше не особо вникать…

– И адмирал, как я понимаю, остался крайне недоволен тем фактом, что ваше ведомство заполучило столь ценного человека? Полагаю, что и ваши сотрудники ещё не в полной мере нашли к нему подход. Надо отдать должное экспертам абвера – тут они вас несколько опережают.

– Нас?!

– Именно вас, рейхсфюрер. До меня им, слава всевышнему, ещё далеко…

Гиммлер сжал губы и демонстративно посмотрел на часы.

– Я не задержу вас надолго, рейхсфюрер. Прошу! – профессор положил на стол плотный конверт. – Ознакомьтесь…

– Что здесь? – подозрительно покосился на стол хозяин кабинета.

– Вам будет интересно…

Гиммлер хмыкнул и решительным жестом вскрыл конверт. На стол выскоцкнуло несколько фотографий. Пожелтевших, с завитушками и виньетками. Фигурные рамки включали в себя названия старых фотоателье.

– И?

– Вот это фото, – рука фон Хойдлера чуть коснулась одной из

карточек. – Вам знаком этот человек?

– Ну... что-то есть... кто это?

– Шведов Александр Иванович – студент Берлинского университета Гумбольдта. Поступил туда в 1908 году, на кафедру юриспруденции. Вы его знаете под кличкой «Харон».

А вот это был мастерский удар! Рейхсфюрер несколько минут разглядывал фотоснимки. Несомненно, на них был изображен Гальченко – только гораздо более молодой.

– Признаю, профессор – вы меня удивили! Продолжайте!

– Вот этот человек... – тонкий палец собеседника тронул ещё одну карточку. – Вам он знаком?

– Нет. Кто это?

– Карл-Пайпер фон Маруг, профессор психологии. Не скрою, что очень многие науки и теории основаны на его исследованиях. В то время он преподавал в университете Гумбольдта.

– И что?

– На этом фото они изображены вместе...

– Вы хотите сказать, что Харон настолько близко знал фон Маруга?

– Более того – участвовал в некоторых экспериментах профессора. Сохранился даже лабораторный журнал... Хотя Шведов и учился на другом факультете, никто не препятствовал ему в свободное время посещать лекции и эксперименты на других кафедрах. Чем он, как мы теперь видим, и воспользовался.

– На нашу голову... – буркнул Гиммлер, разглядывая фотоснимки. – А это кто?

– Доцент киевского университета Синицын. Занимался аналогичными исследованиями в России. Тоже хороший знакомый и почти коллега профессора. Как видите...

– Вижу. И здесь отметился наш общий знакомый.

– Более того, Синицын даже останавливался у родителей Шведова – его отец служил в русском посольстве!

– Даже так...

– И вы, рейхсфюрер, ещё продолжаете спрашивать – зачем мне нужен этот русский?

Несколькоими часами позже

С отъездом профессора в командировку его особняк ничуть не опустел. По-прежнему он жил какой-то своей, непонятной окружающим, жизнью: все так же приезжали в него по вечерам таинственные автомобили, привозящие не менее интересных пассажиров. Чем они занимались в отсутствие профессора – неизвестно. Но иногда сквозь решетку ограды соседи могли видеть женщин с непривычно длинными, не по моде, волосами, которые неторопливо прогуливались по двору, ведя с сопровождающими их людьми какие-то беседы. Впрочем, среди окрестных жителей было немного желающих пристально интересоваться тем, что творилось за коваными воротами особняка. И, хотя сам профессор и его помощники были неизменно вежливы и обходительны, с недавних пор вокруг них поползли какие-то непонятные слухи. Нет, никто ничего плохого конкретно про них не говорил. Но какая-то напряженность словно бы повисла в воздухе. Нередко, проходя мимо дома, человек непроизвольно прибавлял шаг и переходил на другую сторону улицы. А соседи, подходя к окнам, лишний раз старались не смотреть на витую решетку, окружающую участок по периметру.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что никто не заметил, как в вечерних сумерках к воротам дома почти бесшумно подъехали два черных автомобиля. Первым из них был «Хорх» профессора, вторая же машина была не знакома соседям. Почти беззвучно раскрывшиеся створки ворот сомкнулись, пропустив машины во двор. Молчаливый привратник, появившийся у дверей, предупредительно распахнул пассажирскую дверь головного автомобиля.

– Кофе, Хайнрих! И разожгите камин в гостиной: хочу посмотреть на огонь.

– Слушаюсь, герр профессор, – вежливо наклонил голову встречавший.

Обернувшись ко второму автомобилю, фон Хайдлер сделал приглашающий жест вышедшему из него офицеру.

– Прошу вас, мой друг. Нам сейчас подадут кофе. У меня хороший, бразильский! Если хотите курить – в гостиной у меня есть настоящие сигары.

– Право, герр профессор, мне как-то неловко злоупотреблять вашим гостеприимством, – чуть смущаясь пассажир второй машины.

Несмотря на то, что он был одет в штатское, военная выправка выдавала в нем офицера. Внимательный взгляд чуть прищуренных глаз быстро пробежался по двору, отметив две темные фигуры охранников, неподвижно стоящих неподалеку от автомобилей. Покачав головой, пассажир следом за хозяином дома вошел внутрь.

— Присаживайтесь, гауптштурмфюрер. Будьте как дома, — указал на кресло около камина фон Хайдлер.

— Благодарю вас, — эсэсовец медленно опустился на указанное ему место.

— Дабы не было неясностей между нами, — сказал, присев в соседнее кресло хозяин дома, — хочу уточнить: получили ли вы соответствующее распоряжение из канцелярии рейхсфюрера?

— Я получил указание всецело содействовать вам в проведении ваших исследований.

— В каких пределах?

— Надо полагать, в любых. Поскольку иное в документе не указано.

— Очень хорошо! Тогда я спрашиваю у вас еще раз, гауптштурмфюрер: понимаете ли вы, что не все вещи доверяются бумагам, пусть и подписанными самыми высокопоставленными лицами?

— Понимаю. По роду своей деятельности мне не раз приходилось выполнять различные серьезные поручения, руководствуясь только устными приказами. В том, разумеется, случае, майн герр, если эти поручения не входили в противоречие с буквой и духом документа.

Фон Хайдлер покивал.

— Рад, что я не ошибся в вас, мой друг. Далеко пойдете, гауптштурмфюрер.

— Два года назад я носил погоны лейтенанта инженерных подразделений вермахта. А сейчас... — развел руками гость.

— Неплохая карьера, — скав губы, кивнул хозяин дома, — я сразу выделил вас среди лиц, которых встречал в вашем ведомстве. Впрочем, если не возражаете, перейдем к делу.

Профессор протянул гостю несколько листов бумаги.

— В самом срочном порядке мне требуется оборудование и снаряжение, согласно этому списку.

Гость быстро просмотрел переданные ему бумаги.

— Ну, здесь проблем не будет, это тоже найдём... Хм!

— В чём дело?

— Простите, герр профессор, но, насколько я осведомлён, вы работаете не над производством вооружения и боеприпасов, так?

- Да. Мои интересы лежат несколько в иной области.
  - Тогда, простите, но для чего вам такое количество взрывчатки? Ей можно взорвать мост!
  - Неужели?
  - Согласен, пусть и не мост, но уж этот-то дом – наверняка!
  - Мне он нравится, гауптштурмфюрер. Я в нём живу и работаю и не вижу необходимости в разрушении собственного жилища. Да и потом, взрывчатка нужна мне не здесь – в России.
  - Ну-у-у... это несколько меняет дело, но...
  - Напомнить вам о распоряжении рейхсфюрера?
  - Не требуется, – поморщился гость. – Полагаю, что среди ваших людей найдутся соответствующие специалисты?
  - Откуда? Я бы попросил вас, мой друг, оказать мне соответствующую любезность...
- Принесли кофе, и в гостиной на некоторое время наступила тишина.
- Полагаю, что вопрос с моей командировкой...
  - Будет решён без обычных проволочек, – наклонил голову хозяин дома. – В сущности, от вас, мой друг, требуется одно – разместить заряды указанным мною образом.
  - Где?
  - Вот план, – передал лист бумаги профессор. – Крестиками обозначены места установки зарядов, цифрами – очередность их подрыва. Это технически исполнимо? Они не взорвутся все сразу?
  - Удалённость зарядов друг от друга? Ага, вижу... Ну... при указанной здесь мощности – да, исполнимо. Каков промежуток между взрывами?
  - Здесь я полагаюсь больше на вас, как на специалиста. Они должны прозвучать, как... как треск разрываемой бумаги!
  - Она не трещит... – машинально ответил гауптштурмфюрер, разглядывая чертеж. – А что у вас здесь – внутри этой бетонной коробки?
  - Это не существенно...
  - В том смысле, что если вы собираетесь отдать команду на подрыв оттуда... То я настоятельно рекомендовал бы от этого воздержаться!
  - Почему?
  - А вас попросту размажет по стенам...
  - Но там нет окон!
  - Дверей тоже?
  - М-м-м... есть...
  - Тогда я вам не завидую...
  - А что же делать? Мне необходимо быть внутри!

– Разнести заряды – вот так! – инженер сделал на плане несколько пометок. – Сделать вот здесь отсыпку... заряд ставить подобным образом – тогда большая часть ударной волны уйдет вверх. Пробить отверстия в этой стене – для сброса давления. Так делают в дотах, чтобы близкий взрыв не выбивал бы двери. Вам, как я понял, ведь не разрушения нужны? А звуковой эффект, в основном – и фронт ударной волны, развернутый вверх? В этом случае – определённые шансы есть. Но всё равно – риск слишком велик! Без соответствующего приказа – никто из моих солдат не шевельнёт и пальцем.

– А вы сами?

– Тем более.

Профессор задумался. Глотнул кофе и рассеянно поставил чашку на поднос.

– Хорошо... Приказ будет! Готовьте своих людей!

Эсэсовец поднялся и прищелкнул каблуками. Наклонил голову, прощаясь, и вскинул руку в прощальном жесте.

– До свидания, герр профессор!

– До скорого, мой друг!

Проводив гостя, фон Хайдлер постоял на пороге, дымя сигарой, и вернулся в дом. Пройдя по комнатам, поднялся на второй этаж и постучал в дверь.

– Да?

– Это я.

– Открыто...

В комнате были приспущены шторы, и царил полумрак. Приглядевшись, можно было различить предметы обстановки, шкафы и стулья. На стоявшем в углу диване полулежала молодая женщина. Падавший со стороны окна слабый свет позволял разглядеть её роскошные вьющиеся волосы.

– Проходите, профессор... Вы сегодня задержались...

– Увы, милая моя Мария – дела! Но спешу вас обрадовать – всё решилось! Рейхсфюрер согласился!

– Я же вам говорила, – женщина чуть заметно пожала плечами.

– Не в последнюю очередь – благодаря вам! Вашим бумагам! Эти фото... они просто сразили его наповал!

– Да и любого другого, на его месте, ждал бы тот же результат. Наши аргументы неоспоримы.

– Но как же так? Вы всё знали с самого начала? И не сказали мне?

– Нет... – сделала отрицающий жест Мария. – Не знала. Да и документы были мною получены только позавчера. Я же не раз говорила вам – истинное действие, начавшись, втягивает в свою орбиту множество людей. Даже и совершенно к нему непричастных. Это как водоворот – не обязательно попасть сразу в центр, достаточно просто проплыть рядом. Фотографии и журнал принес мне отставной лаборант фон Маруга. Никто из нас о нем ничего и не знал – стариk по какому-то наитию сам пришел к моим дверям. Охрана его не пустила – тогда он оставил мне пакет и написал записку. Вы же её читали!

– Да... но я думал...

– Мы послали за ним. Увы, судьба распорядилась за нас – бомбекка... его тела даже не нашли в руинах дома. Но он погиб недаром! Он – успел!

– Да...

– Теперь, Иоахим – судьба даёт вам шанс! Именно вам! Наше будущее – в ваших руках!

– Понимаю... Я уже решил вопрос с установкой зарядов взрывчатки. Все так, как говорил этот русский. Взрыв – вот что пробьёт барьер времени!

– Не просто взрыв! Их каждый день происходит множество – но они ни на что не влияют!

– Разумеется! Недостаточно просто насыпать гору пороха, в надежде на то, что она, будучи подожжена, отправит нас в будущее.

– В лучший из миров – возможно.

– Нет! – фон Хайдлер возбуждённо зашагал по комнате. – Мысль – вот что первично! Энергия взрыва попросту усиливает ментальный посыл, будучи должным образом модулирована. И вот тогда...

– Вы справитесь?

– Если справился русский, то уж я – просто обязан! Обычный солдат...

– Не совсем обычный. Даже я не смогла понять его мыслей!

– У нас ещё предстоит с ним доверительная беседа! – усмехнулся профессор. – Вы же знаете...

– Я не сомневаюсь в ваших талантах...

Из записей профессора фон Хайдлера

...Русский был достаточно откровенен – да и с чего бы ему хитрить? Под действием этих препаратов человек приобретает повышенную болтливость и тягу к общению. Главное – вовремя его направлять в нужную сторону. Ну, а это я умею делать достаточно профессионально! Он так ничего до сих пор и не понял! Неудивительно... ранен, контужен, частичная потеря памяти – он сейчас будет отчаянно цепляться за любой клочок чего-либо осознанного, чтобы выплыть из глубин небытия.

... Он говорит. Много и не всегда понятно. Но его быт – зачем мне это? Какие-то странные устройства, он называет их компаниями... счетные машины? Они считают что-то, если верить его словам. Что именно? Или у него вокруг целая толпа математиков?

... Точка перехода – она в сознании человека, я был прав! Но как они смогли это реализовать? Передача сознания – знакомо, наши медиумы об этом не раз говорили. Но как переслать материальный объект? Какие силы для этого могут быть задействованы?

... Перенос сознания под гипнозом – да! Это же наш путь! Но мы пока не можем переносить его по желанию... Миры эти нам совсем незнакомы. А может быть, медиумы бредят, и все их видения – обычные галлюцинации, вызванные медпрепаратами?

... Сегодня он рассказал! Дом – отдельное строение, прокол пространства усилием сконцентрированного сознания... и удар! Взрыв, огонь! Косвенно это подтверждается рапортами офицеров, которые тогда преследовали партизан – после попадания мины в пулеметное гнездо стрелок исчез. А все остальные партизаны – они лежали далеко и огонь из пулемета вести не могли, солдаты бы это заметили. Значит, и во втором случае – тоже взрыв? Но энергия слишком мала, и переброс от этого произошел на слишком небольшую дистанцию? Возможно ли это?

... Теперь у меня есть конкретные цифры! Дата боя – это раз! Энергия взрыва мины легко вычисляется – и это два! Соответственно, оперируя этими величинами, можно вычислить энергию, достаточную для переноса в нужное время? Так? Опровергний нет... но и доказательств тоже. Хотя одно – вот оно, на койке лежит! Но человек в данной ситуации не должен получить никаких повреждений – это аксиома, боль от раны разрушит всё! Вот почему раненые взрывами солдаты всегда остаются здесь – боль от ран выключает правильную работу мозга...

– А имеет ли значение, сколько человек переносится одновременно? Думаю, что да – имеет. Только очень сильный медиум способен контролировать сразу двоих, не говорю уж о большем числе. Русский? Не медиум, Мария это бы почувствовала... Значит, медиум не стартует сам?! Только направляет? А это мысль...

Москва

Кабинет Меркулова

– И вы убеждены, что это сработает?

– До сей поры данный канал связи нас не подводил. Вся передаваемая по нему информация своевременно поступала адресатам. Не без некоторых искажений, но это, как вы понимаете, специфика работы данного вида передачи информации... – собеседник наркома пожал плечами.

– Ну что ж... – нарком задумчиво побарабанил пальцами по столу. – В принципе, рано или поздно, тем более – имея человека в руках, немцы всё равно до этого бы докопались... да и слишком у них мало времени, чтобы проводить долгие поиски. Ладно! Работайте!

Объект «Тишина»

День начинался как и все предыдущие – по заведенному распорядку. Раскрытые ворота выпустили несколько патрульных групп, которые привычными маршрутами углубились в лес, тщательно проверяя всё на своем пути. И только на крохотный островок кустарника около дороги никто из них особого внимания не обратил. Все знали – там мины, и лезть на верную смерть никому не хотелось. Вот и сегодня патруль обогнул его по дуге.

Пройдя по тропам и разведав ближние подступы к санаторию, патрули, однако, назад не ушли – остались на заранее оговоренных позициях, рассредоточившись вдоль дороги. Правда, некоторых, как раз наиболее соблазнительных участков они отчего-то старательно избегали...

Очередной раз это отметив, командир группы усмехнулся – прав был дед Миша! Стало быть, и там какие-то сюрпризы захованы... Хорошие из немцев вояки, да вот подводит их шаблонность мышления. Да и Мольнар, отметив эту привычку патрулей, на что-то подобное намекал. Этим двум старикам палец в рот не клади! Схарчат – и не заметят...

Значит, сегодня ждем транспорт. Не гостей – патрулей бы вышло больше. А что тогда? Рискнуть?

Время, время!

Его всё меньше, уже пришел сигнал из Центра – гостей можно ждать с минуты на минуту!

Ладно, работаем...

Машины были слышны издали – по звуку работающих моторов. По нему же и определили – не легковые.

Стало быть, не те гости, которых ждем – уж их-то на грузовиках не повезли бы. Спустя несколько минут небольшая колонна появилась из-за поворота и притормозила, подчиняясь жесту патрульного.

Он же, увидев остановившиеся машины, забросил карабин за спину и направился к головному автомобилю. Оставшиеся на месте солдаты, не выпуская из рук оружия, зорко оглядывали не только автомашины, но и не спускали глаз с леса.

Машины еще не были видны из-за кустов, а остальные патрули, заметив изменение положения своих товарищей, пришли в движение – все они вытянулись вдоль дороги в пределах визуального контакта.

Взяв наизготовку оружие, они развернулись в цепь, контролируя

ближайшие подступы. А крайний в этой цепи, обернувшись к воротам, которые находились от него метрах в двухстах, поднял над головою винтовку.

Лязгнули затворы пулеметов на вышках – пулеметчики взяли на прицел окружающий лес.

Переговорив с водителем первого грузовика и проверив документы, солдат перешёл ко второму, где повторилась та же процедура. Не выявив ничего подозрительного, он отступил в сторону и взмахнул рукой. Машины снова тронулись в путь и, проехав около восьмисот метров, притормозили у приметного камня.

Опять поднял вверх свой карабин замыкающий патрульный.

И в ответ под самым козырьком крыши моргнули вспышки – сидевший у рубильника управления минным полем ефрейтор заметил жест солдата...

«Одна, две... четыре!» – сжал в руках бинокль командир спецгруппы. – «Вот он где, сигнал-то! И верно, туда не каждый смотреть станет, вверх свет не ударяет – мешает скат крыши, и отблеск поэтому не так хорошо заметен. Только тот, кто знает куда глядеть, сможет разобрать сигнал... То-то все фрицы куда-то вверх плялились...»

Ещё вспышки – четыре, четыре, четыре. Четвертый маршрут? Четвертый вариант?

Всполошено прокричала в лесу очумелая птица.

Дрогнула цепь патрульных, они опустились на колено, а кое-кто, находившийся ближе к воротам, и вовсе залег.

Что это?

Пришли в боевую готовность?

Или подстраховываются на случай внезапного подрыва?

Скорее второе, обычно они в небольшую ложбину спускаются – туда никакие осколки не достанут, все поверху пройдёт. А сейчас на дороге колонна – её надо контролировать, да и лес тоже без внимания не оставлять. Вот и страхуются камрады, берегут свою голову. Или задницу – кому что дороже...

Взревели двигатели автомашин.

Чуть-чуть дрогнули ветки у тех самых кустиков.

Хрустя колесами по песку, тронулась с места головная автомашина. А вот вторая – осталась стоять, повинувшись предостерегающему жесту солдата.

Странное что-то... почему?

Переваливаясь на ухабах, первый грузовик подошел к воротам и

притормозил. Снова повторилась та же самая процедура проверки.

– Прошу меня простить, гауптштурмфюрер, – вернул документы владельцу часовой на воротах, – таков приказ!

– Всё в порядке! – кивнул тот, пряча их в карман. – Майерс – заезжайте во двор! Всем выйти из машины и быть готовым к разгрузке второго грузовика!

Из подъехавшей второй машины начали вытаскивать ящики с взрывчаткой – вот почему она осталась на месте. Не захотел рисковать инженер, следя вместе с опасным грузом через минное поле...

А увидев закрывающиеся ворота, двинулись назад и патрули. Повесив оружие за спину, они прошли сквозь калитку около основных ворот. Успокоились и стрелки на вышках – стволы их пулеметов больше не ощупывали подступы к бывшему санаторию.

Дежурный у рубильника привычным жестом перекинул его вверх – вспыхнули контрольные лампы.

Всё – объект отгородился от окружающего мира.

Теперь можно и закурить...

Несколько часов спустя

Еле заметная тень скользнула около забора, прижимаясь к земле и стараясь не производить никакого шума. Затем ещё одна...

Замерли, прислушиваясь и напрягая все остальные органы чувств.

Тихо.

Так прошла минута, вторая...

Где-то вдали скрипнула дверь, зазвучали шаги – обход. Блеснули в лучах фонарей витки колючей проволоки, натянутой поверх забора. Патруль приблизился. Стали слышны негромкие голоса переговаривающихся солдат. Только вот слов разобрать было нельзя, голоса звучали совсем приглушенно.

Шаги стали стихать... удалились...

– Прошли! – свистящий шепот коснулся уха одного из замаскировавшихся визитеров. – Полчаса у нас теперь есть!

– Левее двинули – там распредкоробка на столбе!

Тени зашевелились, из кустов бесшумно возникла ещё одна. Две тени составили подобие пирамиды, на которую вскарабкалась третья.

– Теперь, черти лесные, держите меня крепче!

Сквозь витки проволоки просунулась рука. Еле слышно звякнул о коробку металл отвертки.

В тишине было слышно только тяжелое дыхание человека. Он стоял сейчас в крайне неудобной позе, вытянувшись вверх и стараясь не задеть руками тонкие провода, проходившие внутри витков. Выбравшийся из кустов ещё один диверсант привстал, охватывая его ноги и помогая удерживать равновесие.

– Угу... спасибо... так!

Осторожно вынырнувшая из витков проволоки рука скользнула в карман. Оттуда была извлечена странная деталь – катушка с намотанными на неё проводами и торчащими в разные стороны отрезками проволоки. Подцепив её на верх забора, Мольнар (а это он сейчас стоял на плечах бойцов спецгруппы) достал из кармана какой-то прибор.

– Кто там внизу? Держи агрегат! А провода – мне сюда давай!

– Есть такое дело...

Сноровистые руки приняли прибор.

Зажав губами обыкновенные канцелярские скрепки, старый специалист начал осторожно прикреплять ими к виткам колючей

проводки тонкие провода.

– Есть!

– Пять минут! – прошептали снизу. – Скоро патруль!

– Сейчас... только крышку приложу на место... Есть!

Пирамида распалась, тени снова приникли к земле.

Протопали мимо сапоги удаляющегося патруля.

И снова вернулись к забору ночные гости.

Еще несколько раз проходил патруль, вынуждая их прятаться в своих укрытиях.

– Всё, ребята! Спускайте меня, а то уже ноги не держат – затекли.

Мольнар провел руками по забору, пряча в щели между досками тонкие черные провода.

– Так, в темпе всем облегчиться – до вечера тут лежим!

– А сигнализация как? – шепотом поинтересовался кто-то из диверсантов.

– До того столба, – махнул вправо рукой спец, – хоть верхом на заборе скачи! А вот дальше – снова немец зрячий будет.

– Всё – отставить базар! – прошептал старший группы. – Никодим, Паша – под теми кустиками ямки отрыли?

– Сделано все...

– Как товарищ капитан сказал – облегчились и по норам! Прикроете нас, сами уползайте правее, там с дороги не видно вас будет...

Объект «Тишина»

Утро

Нетерпеливый наш доктор Холечек заявился с самого ранья. Только что на месте не приплясывая от возбуждения, с трудом выслушал доклад дежурной медсестры.

– Хорошо, Магда, распорядитесь, чтобы подготовили душ Шарко – у нашего пациента сегодня два сеанса.

Величественная медсестра кивает и степенно выходит в коридор. Слышно, как звучат по паркету её шаги.

– Вы так ничего и не придумали? – взволнованно спрашивает меня доктор.

– Увы... у меня слишком мало информации... Я даже не знаю, где сейчас нахожусь! Что тут за города поблизости? Станция, наконец!

Холечек нервно облизывает губы и вытаскивает из кармана... книгу!

– Я не знаю и сам, нас везли на самолете, потом автомобиль... Но здесь была библиотека – на книге есть штамп!

Увы, но название санатория мне ничего не подсказывает.

Дновский район?

Это уже теплее – мы под Псковом.

И что это мне даёт?

– Какое сегодня число?

– Семнадцатое июня сорок третьего года! – волнуется врач.

М-м-да... почти год ещё ждать, пока наши сюда придут.

– Карандаш и бумагу мне дадут?

– Бумагу – да. А вот карандаш... это запрещено.

– Писать я пальцем буду?

Холечек нервно переступает с ноги на ногу.

– Обождите!

И исчезает за дверью.

А медсестру он ещё раньше отоспал... и «медбрраток» в палату не войдет – не положено ему. Так что несколько минут гарантированного невмешательства у меня есть.

Что имеется в палате из оружия?

В традиционном понимании этого слова – ничего.

Но ведь есть и нетрадиционные, так сказать, способы... Хотя это уж

смотря для кого они нетрадиционные. Китайцы, например, так даже лопаточки для риса в этом качестве пользуют! Не жалуются.

Пулемет – он, конечно, поантуражнее будет. Да и по эффективности лопатку для риса превосходит существенно. Но его у меня нет, как, впрочем, и лопатки.

А что есть?

У-у-у... знал бы добрый доктор, что могут сотворить шаловливые ручонки в прибавок к не слишком демшизанутой голове... Демшизанутой – в том смысле, что никакими нравственно-этическими нормами, типа толерантности и всеобщего человеколюбия, не замусоренной. А вполне себе разумной и хорошо (надеюсь) соображающей.

В общем – тот ещё коктейль получается, куда там приснопамятному Молотову...

Впрочем, отсутствовал Холечек недолго – и пяти минут не прошло. Целая вечность для понимающего человека.

– Вот! – протягивает он мне блокнот. – Это чтобы писать!

– Хорошо. А – чем?

Мне предлагается огрызок карандаша, сантиметров шести-семи длиной. Хм... ну, хоть что-то...

– Затачивать его, как я понимаю, нечем?

Ещё два аналогичных огрызка – целый арсенал!

А срезы-то на карандашах свежие... только что приготовили? Обломали и заточили получившиеся огрызки.

Дновский военный аэродром

Самолет из Берлина прибыл к полудню. Зарулив на стоянку, пилот выключил двигатели.

Ожидавшие его прилета автомашины тронулись с места и, подъехав к транспортнику, выстроились в шеренгу. Захлопали дверцы, и охрана, выскочив наружу, оцепила самолет, оттеснив в сторону аэродромных техников.

И только тогда, наконец, открылась дверца. Выглянувший наружу бортмеханик сноровисто приладил лесенку.

Первыми по ней сошли двое эсэсовцев, настороженно оглядывавшихся вокруг. Потом в дверном проеме возник профессор, сопровождаемый своими ассистентами. Ещё какие-то люди, тащившие с собою чемоданы и ящики.

– Гэрр профессор? – возник около самолета комендант объекта. – Машины поданы – можно ехать.

– Хорошо... За нами идет ещё один самолет, обеспечьте его встречу.

– Яволь!

Захлопали дверцы автомашин, негромко заурчали моторы. Небольшая автоколонна быстро пронеслась по полупустым улицам городка и скрылась в лесу.

Радиограмма.

Михалычу.

«Лектор» прибыл. Ждем указаний.

Часовой.

Радиограмма.

Часовому.

Будет ещё один самолёт. Ждите указаний.

Миха́льч.

А вот после обеда что-то поменялось...

Началось с того, что ко мне в палату заявились сразу две медсестры, придилично её осмотревшие. Протерли мокрой тряпкой пол. Что-то где-то подправили и, окинув напоследок все критическим взором, степенно удалились.

Так...

Или я полный либералистический лопух – или меня кто-то собрался осчастливить своим визитом...

И кто же?

Уж точно не для следака из ГФП тут такие приготовления устраивают. Не та птица, так сказать...

Местный босс?

Похоже.

Или какая-то комиссия с самого верха?

А за каким, простите, рожном?

Пленный подполковник (исключительно со слов, доказательств-то ведь нет?), даже и наболтавший неведомо чего, не та фигура, чтобы его навещали генералы. Смысл-то от подобного визита какой?

Это в наше время на стандартную бытовуху обязательно пожалует сам начальник управления. Чтобы лично окинуть руководящим взором место преступления. И указать местным операм и следакам – что именно они должны делать! И что – не должны. Словно без таких вот ОВЦУ (особо важных ценных указаний) ходящий по земле народ обязательно сотворит какое-нибудь гнусное непотребство, за кое его потом надо будет всячески взгреть. И поиметь в разных формах, в том числе и нетрадиционным способом.

И ведь не думает никто, что генерал этот от земли оторвался ещё во времена незапамятные, давно и прочно позабыв всё, что когда-то делал сам!

У немцев (во всяком случае – здесь и сейчас) не так.

Пока не так.

Стало быть, визит этот чем-то другим вызван.

Долго гадать не пришлось.

Хлопнула дверь, и на пороге нарисовался «медбрюз». Не из числа

тех, что обычно сидят около моей двери – новый. Но тоже, надо сказать, весьма впечатляющий. Не скажу, чтобы у меня возникло желание поработать с ним в спарринге. А вот он на меня посматривал вполне так оценивающе...

Здрасте – новый гость!

Точнее – относительно старый.

Тот самый очкастый деятель, что в кабинете у Холечека сидел. Он и сегодня выглядел как-то так основательно... по-хозяйски, я бы сказал.

Мужик быстро вошел в палату, я даже и приподняться не успел.

– Сидите, подполковник! – делает барственный жест очкастый. По-немецки, между прочим, говорит, дурака не валяет. Откровенно говоря, я был бы удивлен, заговори этот визитер вдруг по-русски. Как-то это с ним не вяжется – слишком уж прёт из него немец.

Он пододвигает к себе стул и неторопливо на нём устраивается.

– Удивлены?

– Простите, чем? – так же по-немецки отвечаю ему.

– Тем, что я знаю ваше воинское звание, например.

– Доктор Холечек любезно просветил меня на этот счёт.

– Ах, доктор... ну-ну... И что вы собираетесь теперь делать?

– У меня есть какой-то особенный выбор?

– Выбор всегда есть, – немец совершенно невозмутим и как-то по-академически сух и деловит.

– Неплохо было бы послушать...

– Вот что, подполковник, времени у нас мало – поэтому предлагаю перейти сразу к делу.

Очкастый меняет позу, сплетает перед лицом тонкие холеные пальцы.

Странно, но я никак не могу за ними уследить...

– Мне известно ваше место службы. Известны задачи, которые вы там исполняли. Ваши цели, точнее – цели вашего руководства.

– И что с того?

Он растягивает слова? Или это только мне кажется?

– Мы работаем в этом направлении и многое достигли. Кстати, вместе с нами работают также некоторые русские специалисты.

– Поздравляю вас. Но ко мне-то всё это каким боком относится?

– Вы – испытатель, так?

И что ему отвечать? А разница какая-то есть? У немца уже явно сформировалось какое-то мнение, и сейчас он хочет услышать от меня подтверждение своим мыслям. Или опровержение. И что лучше? В смысле – для меня лучше, не для фрица же? Черт, пальцы эти...

- В какой-то мере.
- Я так и предполагал... и как часто вы...
- Нечасто.
- Это заметно.

Интересно, черт возьми, по чему именно это заметно? Чем я таким особенным вдруг выделялся стал? Рога и хвост – не выросли. По-китайски – не заговорил. Летать – не умею.

Молча пожимаю плечами – мол, тебе виднее.

Как ни странно, очкастого такой ответ вполне устраивает, и он благодушно мне кивает.

– Вас ведь кто-то направлял всё это время?

Ясен пень, я что – по своей воле сюда сиганул? Так сказать, желанием горел с тобою пообщаться?

Нет, впрочем, некоторое специфическое общение – оно так очень даже кстати бы тут пришлось... Вот только удовольствия ты, мил друг, с того не получил бы никакого.

– Да, у меня был научный руководитель.

Вот только понимать бы – чем это он там, а главное – как, руководил? Валаясь в полной отключке, как-то очень затруднительно воспринимать действия окружающих...

– Кто вас направлял?

Вот это здрасьте? Как это?

По-видимому, моё удивление было настолько искренним, что отразилось на лице. И немец моментально это просек.

– Кто вас вел по путь?

По путь? Какому ещё пути? Чего он тут несёт?

Стоп...

Это же немец.

А у них всякой такой мистики – выше крыши хватало...

Пальцы эти... мельтешат, мешают сосредоточиться.

Пальцы?!

В памяти моей молнией промелькнула некая беседка...

– Готовы? – Травников испытующе на меня посмотрел.

– Да. Готов.

– Давайте!

Моя рука рванулась к трубке и сграбастала ... пустоту. Трубки на столе не было. Подняв глаза на академика ... я его тоже не увидел... кресло, где он только что сидел, было пустым.

Фокус с трубкой!

Только здесь её роль выполняют руки моего собеседника. Не совсем, понятное дело, штука аналогичная, но вот свою задачу она исполняет – и неплохо. То-то я таким квёлым стал!

Вот, значит, какие тут пляски...

Не знаю из какого ведомства этот дядя, но приёмчики у него... специфические весьма. Мозги мне компостирует данный товарищ. Так что, судя по ухваткам, опыт у очкастого немалый. Ну что ж... надо отдать должное моим учителям (много же их было...) кое-что в мою вредную голову они в своё время вложили. И некоторые вещи я запомнил – и запомнил хорошо!

А красавая у мужика строчка на воротнике... прямо-таки – загляденье! Как, интересно знать, её вышивали – машинкой? Или портной вручную постарался? Нет, стежки ровные, шаг одинаковый, чтобы так вручную вышить – хорошим мастером быть надо! А посадят ли такого мастера больничные халаты шить? Вот уж фиг...

– Подполковник! Вы меня слышите?!

А голосок-то – не плывёт боле!

– И очень хорошо слышу. Кстати, раз уж такой у нас разговор пошел... как я должен к вам обращаться?

Не «как я могу вас называть?», а именно – «как должен». Тут, ежели кто не просёк, своя фишка есть... раз я кому-то там «должен», то вроде как и верховенство его признаю. Ну, уж моральное-то превосходство – обязательно.

Между «могу» и «должен» – дистанция ого-го какая!

И если мой собеседник в натуре является спецом – просечет эту фишку враз! А то, что я чуток притормозил – спишет на свои старания. Ещё и нос перед самим собой задерёт. Это не жалко... пущай задирает.

– Можете называть меня профессором.

Разрешил... так сказать – с барского плеча. Ну спасибочки тебе, мил-человек! Век помнить буду! Твой век, ежели ты, милок, этого не просёк ещё. Ничего, на мою память это тяжким грузом не ляжет – ибо особо долго ты на этом свете не загуляешь...

– Спасибо, герр профессор, учту...

Пусть он свою «победу» празднует! Разрешаю даже рюмку хлопнуть, хоть две – не из моих же запасов?

– Повторяю свой вопрос – вас направляли?

Ты, дядя, не слишком ли хитрый?

Спрашивать-то логичнее было бы – к т о меня направлял?
Действительно ли этот? Или другой? А ежели хорошенъко припомнить?

Вот так и ловят оппонента...

Не опер ты, мужик – и никогда им не был. Догадываюсь, что и это – далеко не все твои фокусы. Есть что-то и в загашнике.

Ну так и я – тоже не пальцем деланный! И ежели кто думает (глядя на мою простецкую рожу), что понял меня до дна – такому человеку даже и сочувствовать не нужно. Поздно уже... разве что на поминки сброситься. Ибо тела как такового могут и вовсе не сыскать – дюже вредные мы все... как учили.

Хотя опыт допроса у него есть, не спорю.

Но одно дело – допрашивать полуочумевшего от таких штучек-дрючек клиента и совсем другое – колоть злобного и хитрого диверсанта. Который, кстати сказать, и сам-то все это делать умеет – можно даже экзамены не сдавать! Правда, у нас и приёмчики – малость отличаются... но сути дела это не меняет.

Так что ты, дядя, можешь и дальше разыгрывать тут большого начальника и вгонять в ступор несчастного Холечека. Твое право, мужик... только не заиграйся...

А профессор, между тем, разливался соловьем.

– Сколько человек присутствовало при вашем эксперименте?

– Тroe. Профессор Ситников (да простит меня Серега, что я и его сюда приплел) и... две его ассистентки (вот и поломай теперь голову – что это за бабы такие были!).

Странным образом, немец воспринял мои слова очень даже благосклонно.

– Вы можете их описать?

Минут пять вдохновенно фантазирую, описывая ему внешность Леночки (официантки из моего лесного домика) и... Котенка. Уж какой бес дернул меня за язык – и не знаю. Решив совсем уж приукрасить картинку, наделяю их обеих прямо-таки голливудской улыбкой и соответствующими (гм...) пропорциями.

Впрочем, к их внешности профессор остается глух. Но один неожиданный вопрос он все же задает.

– Какие прически носят эти женщины?

Опа...

А это тут с какого боку, спрашивается?

Но ему оно зачем-то нужно...

Словесный портрет? Хочешь и их найти да сюда притащить? Демина-

то они как-то же добыли?

А ведь может, сволочь такая... ну да ладно, сейчас ты у меня поскакешь! Попробуй хоть кого-то по таким приметам найти – опухнешь!

– Длинные у них волосы. Распущенные, я ещё все время удивлялся, отчего они косу не заплетают. Наверное, блажь какая-то... или мода...

Немец снисходительно хмыкает и каким-то сочувствующим взглядом смотрит на меня.

– Мода? Хм... ну, если только отчасти...

Вот те и здрасьте! Что же это такое я сказанул?

– Вы можете нарисовать помещение, где проводились эксперименты?

А вот тут врать нельзя – неизвестно, что я там в бреду наговорил. Очень даже вероятно, что это описание у них уже есть! И сейчас они попросту меня проверяют... ладно, родной, попробуй сконструировать... ну, пусть даже и простенький ноутбук – по моему-то описанию!

Я круто не завидую тому спецу, который рискнет делать что-либо помоим словесным пояснениям...

– Бумагу и карандаш?

Ого!

Напрягся «медбрюк» – слышит наш разговор? Негромко вроде бы, разговариваем, не орём вроде бы...

– Ляшке! – щелкает в воздухе пальцами профессор. – Бумагу и карандаш!

Фальшивый «медик» остается недвижимым. А сигнал кому подавался?

Скрипнула дверь, и на пороге возник ещё один персонаж – и тоже в белом халате.

В руках сей товарищ держал несколько листов бумаги и пару карандашей.

Ага...

Стало быть, нас слушают?

Очень даже вероятно, что и пишут – фрицы в этом деле были спецами неплохими.

И ещё одно наблюдение...

Появившийся камрад принес с собою два карандаша. А вот про те огрызочки, что любезно предоставил мне доктор Холечек, даже никто и не спросил.

Вывод?

Получил мой лечащий врач неслабых трендюлей – за неспособность раскрутить клиента на откровенность, и понуро куда-то уполз... Никому не сообщив о том, что дал мне бумагу и огрызки карандашей. Правильно, не

оценили его трудов тяжких. А это как-то не очень способствует хорошей памяти – обида всё застилает. Ну, с бумагой-то ничего страшного, эти листики на подоконнике лежали. И бдительные медсестры их тотчас же приватизировали – непорядок! Не удосужившись полюбопытствовать – для чего нужна бумага б е з приспособлений для письма? И вот остались у меня эти карандашики. Полезная вещь, они же не только для рисования применяются...

– Хочу вас предостеречь, подполковник! – поднимает палец вверх немец. – Мы и так знаем очень многое – вы, в своё время, были достаточно откровенны!

Это он, типа, меня топит? Мол, нет тебе дороги назад! Ну что ж, подыграем – ему сейчас только аплодисментов не хватает.

– Я понимаю, герр профессор... Ещё когда увидел здесь лейтенанта Демина...

Очкастый хмыкает.

– А чего же вы ожидали, любезнейший? Здесь работают серьёзные люди – мы ничего не оставляем на произвол судьбы!

Так вы зевнули?

Не усекли, что Демин назвал мне своё настоящее звание?

Вот что бывает, когда руководить серьезным делом начинают дилетанты!

Нет, где-то ты, дядя, несомненно, величина – тут и спорить не стану. Но вот в элементарных вопросах (которые тебе попросту неинтересны: орлы мух не ловят) – ты лох педальный! Да любой, даже самый сопливый, опер, первым делом обеспечил бы получение достоверной информации о моём разговоре с Деминым. И на разговор бы со мною не пошел без этого.

А ты, милок, решил, что твой гипноз (или что вы там ещё сотворили с ним) уже более чем достаточная гарантия? И даже более того – только что сам в этом признался?

Нет, где-то ты там, возможно, и профессор – даже академик! Хоть президент...

А в оперативной работе – на уровне первоклассника.

Церковно-приходской школы.

Элементарных азов не знаешь.

Кто мешал Холечека досуха выжать? Его рапортом не удовлетворившись?

Никто не мешал – но не сделали этого.

Дав мне в руки оружие.

Кто не давал бедного Демина наизнанку вывернуть, каждое его слово

запротоколировав?

Никто.

Но и этого делать не стали – дабы не подвергать сомнению авторитет очкастого. Неудобно им, видишь ли...

А значит, дошли мои бумаги по адресу!

Развязаны у меня теперь руки, нет больше нужды любой ценой через фронт идти. Стало быть, дорогие вы мои товарищи, пообщаемся мы плодотворно. Не обещаю, правда, что будет данное общение приятным (для некоторых)... так война же на дворе... не до любезностей.

– И что это за место? – вышедший из машины Гальченко с любопытством огляделся по сторонам. – Поглуже в лес заехать не смогли? Тут даже электричества, наверное, не имеется!

– Есть, герр майор! – Метцер позволил себе несколько расслабиться. Дорога позади, у ворот надежная охрана – можно перевести дух. – Здесь раньше был санаторий для каких-то важных персон. Так что – всё, что положено, присутствует.

От центрального здания быстро подходил офицер – дежурный вышел встречать важных гостей.

– Вот! – обернулся к нему Метцер. – Сейчас вас проводят в ваши комнаты, вы сможете привести себя в порядок с дороги.

– Неплохо бы... – успокаиваясь, буркнул майор. – Я бы и поспал – в самолете нещадно тряслось, да и эта дорога...

– Увы, герр майор – это не рейх! Хороших дорог тут нет...

После некоторого напряжения своих (весьма скромных, надо сказать) художественных способностей, протягиваю профессору рисунки.

– Ну... как-то вот так...

– И что это? – изучив мои «творения», тычет кончиком карандаша в рисунок очкастый.

– Измерительная аппаратура.

– Что она измеряет? Как?

– Увы... – разводжу смущенно руками. – Мне этого не объясняли...

– Так! Это кресло, куда вас усаживали... Цифра «один»?

– Научный руководитель.

– Понятно, вот где он стоит... так, чтобы видеть ваше лицо?

– Да.

– Тогда эти две цифры – его ассистентки?

– Совершенно верно. Стоят позади и держат руки на моих плечах.

– Обе?

– В смысле?

– Обе руки держат?

– Э-э-э... нет. Каждая держит одну руку. Простите, но я не мог повернуть головы – это было запрещено. Поэтому более подробно ответить не могу.

– Разумно... Как много энергии требует данная операция?

– Не знаю... много!

– Взрыв вы ощущали?

Мать-мать-мать... это ещё откуда? Какой, к чертям свинячым, взрыв?!

– Нет...

– В помещении нет окон?

А что я им успел уже сказать?

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно!

– Ну что ж... – встает со стула очкастый. – Отдыхайте. Скоро мы ещё раз встретимся.

Выйдя во двор, фон Хайдлер направился в дальний конец санатория. Здесь вместо существовавшего некогда спортивного городка (который, в принципе, и так никогда и не являлся особо популярным среди отдыхающих) было возведено странное сооружение.

Железобетонный забор, как удав, охватывал нескользкими витками приземистый бункер. Молодая трава не успела ещё скрыть следы недавней стройки. А по извилистой тропинке через специально оставленные проходы в бункер и обратно сновали сапёры. Внимательный взгляд отметил бы отсутствие бойниц, укрытий и пулемётных площадок. Это было не оборонительное сооружение. Симметричностью и регулярностью линий вся постройка в целом напоминала храм. Закончили строительство совсем недавно, бетон на внешнем кольце ещё даже толком не схватился.

Профессор, обдумывая свои эксперименты, воспользовался ранее построенным стандартным бункером, распорядившись возвести вокруг него кольцеобразные стены по своему чертежу. Так что и дополнения, внесённые гауптштурмфюрером, не слишком усложнили и задержали стройку.

Миновав работающих солдат, профессор, пригнув голову, вошел в центральное сооружение.

Здесь было светло – горели лампы. Бригада монтажников уже

заканчивала установку стенных панелей из дерева. На первый взгляд, убранство бункера скорее напоминало рабочий кабинет ученого, нежели внутренность блиндажа. Сходство только усиливалось обилием всевозможной аппаратуры, аккуратно установленной на стеллажах. Стоявший спиной к вошедшему гауптштурмфюрер распоряжался монтажом сложного пульта со множеством переключателей и контрольных лампочек.

- Левее, Эрхард! И чуть выше... так! Крепите здесь!
- Хайль Гитлер! – поздоровался вошедший.
- Хайль! – поднял руку инженер.
- Как ваши успехи, мой друг?
- Заканчиваем... – неопределённо ответил гауптштурмфюрер. – Остались последние штрихи. Вот эти группы переключателей – видите?
- Да.
- Переключатели сгруппированы по вашей схеме. Соответствующими цветами обозначены различные режимы подрыва. Я установил таймер – вам достаточно лишь включить тумблеры и замкнуть соответствующий рубильник – взрывы произойдут в той последовательности, в которой вы их таким образом и зададите. Очередность включения можно определить по порядковым номерам... Промежутки между взрывами задаются вот этим тумблером – каждое деление соответствует одной секунде. Какие либо вопросы, герр профессор?
- Да, в принципе, всё понятно... что это?
- Контрольный рубильник – на случай ошибки. Пока он не замкнут – можете хоть молотком по пульту бить, ничего не произойдёт. А также, если что-то пошло неправильно, подняв его, вы прерываете очередность срабатывания зарядов.
- Этого в моей схеме не было!
- Там и таймера не имелось, – усмехнулся инженер. – Вы что – с секундомером в руках собирались тут всё вычислять? Человеческий фактор, герр профессор! Его никто не отменял! Эраге хуманум эст!
- Человеку свойственно ошибаться, – автоматически перевел латынь профессор. – Благодарю вас, мой друг! Вы сделали для меня очень многое! Я этого не забуду!
- Стараемся... – пожал плечами эсэсовец. – Вечером приступим к установке зарядов. Закончим, вероятнее всего, к завтрашнему ужину. Кабельные линии уже подведены, колодцы оборудованы...
- Внутри бункера безопасность гарантируете?
- Если не нарушать последовательности взрывов – да. Но вот

акустический удар будет... очень даже неслабый – есть шанс оглохнуть!

– Что-нибудь с этим можно сделать?

– Я заказал несколько шумоизолирующих шлемов... такие используют наши артиллеристы, те, что стреляют из больших пушек.

– Сколько?

– Шесть штук. Больше не дали – не положено. Мы же не артиллерийская часть!

– Так... я сам, две ассистентки, испытатель, охрана – должно хватить. Спасибо, гауптштурмфюрер! Я об этом не забуду!

Выйдя из бункера, профессор ещё раз оглядел всё сооружение. Впечатляло... Мощные бетонные стены, строгие концентрические полудуги бетонных заборов, охватывающие его со всех сторон – всё это вызывало какие-то странные ассоциации. Что-то давно забытое – или даже может никогда ранее не виденное, колыхнулось в душе фон Хайдлера. На какой-то момент он усомнился в правильности своего решения. Он может сейчас открыть дверь... куда? Что и кто стоит с той стороны?

Русский прошел... и вернулся. Его вернули назад – это несомненно! Все факты говорят об этом. И вот он – уже сам по себе, приобрел способность самопроизвольно (или под воздействием внешней силы – это ещё нужно будет выяснить...) перемещаться в пространстве-времени. Но раз такое по силам одну человеку, тем более – русскому, то уж немец-то сможет!

Сможет – что?

Кем станет человек, получивший в свои руки такие способности?

И что ждет его там, куда профессор хочет забросить испытателя?

Восторженная встреча с цветами – или мрачные лица конвойных?

Как было бы все просто, умей он направлять человека в нужную точку! Не просто так положены серьезные средства в некоторые неприметные банки... Только назови нужное слово, подтверди комбинацию цифр... и самое надежное оружие мира – золото, будет в твоих руках!

Но эти руки должны быть чисты... и безупречны...

В это крыло санатория народ заходил нечасто – только охрана. Молчаливые рослые парни, привезённые лично фон Хайдлером, убирали комнаты и приносили пищу из столовой. Никто иной сюда допуска не имел. Даже из машин все пассажиры выходили (или их выводили) под прикрытием основательного дощатого забора, который надежно их укрывал от посторонних взглядов. Некоторых из них потом отсюда и выносили – так же тайно. Всякое случалось в работе профессора...

Поднявшись на крыльце, он уже взялся рукой за ручку входной двери – и замер. Застыл, не в силах сделать лишнего шага.

Словно холодный ветерок пробежал у него между лопаток.

Ледяная струйка протянулась вдоль позвоночника.

Секунда – и всё исчезло.

Лежавший под кучей старых досок диверсант поспешил отвел глаза, не выпуская, однако, из виду худощавую фигуру. Новый человек... на фото, которое всем показывали перед отлетом, он выглядит моложе. Эх, всадить бы тебе, умник, свинцовую пилюлю – говорят, легкость и мечтательность мыслей существенно уменьшаются...

Скрипнула, закрываясь, дверь, прозвучали по коридору быстрые шаги.

– Мария! – профессор опустился на диван.

– Что с вами, Иоахим? На вас просто лица нет... – встревожено приподняла голову молодая женщина.

– Сакки!

– «Ветер смерти»?

– Да... я почувствовал его... Хозяева подполковника пришли за ним!

– В каком смысле?

– Они з на ю т про меня! Они ищут меня – всех нас!

– Но до фронта – более двухсот километров! Или около того... тут безопасно – сам рейхсфюрер это гарантировал!

– Здесь б ы л о безопасно. Пока русские как-то не сумели нас вычислить.

– Нас?! – волнение фон Хайдлера передалось и женщине.

– Если вы ещё ничего не чувствуете – это только вопрос времени. Которого у нас мало! Эксперимент проводим завтра! Надо спешить – только удара через астрал нам и не хватало для полного счастья!

– Хорошо... – женщина приподнялась со своего места. – Я подготовлю Ольгу.

– И Магду! Я настаиваю, моя дорогая Мария, на вашем отъезде – мы не имеем права рисковать! Там, в моем особняке...

– Или в моем доме.

– Пусть так! Там – вас не достанут!

– А подполковник?

– Ну, уж к прежним-то хозяевам он в руки не попадёт! Я принял меры...

Вернувшись в главное здание, фон Хайдлер поднял на ноги всех, до кого смог добраться. И уже через час санаторий ощетинился, как еж, увидевший волка.

Все патрули были возвращены внутрь и заняли посты по периметру забора. Залезли на крыши дополнительные пулеметные расчеты. Даже молчаливые медбратья – и те открыто вооружились автоматами.

Лично проинспектировав охрану, профессор немного успокоился.

Поднявшись в свой кабинет, приказал вызвать к себе русского майора. Перед его приходом немец опрокинул рюмочку коньяка и пришел в нормальное рабочее состояние. Поэтому, когда невозмутимый гость переступил порог его кабинета, фон Хайдлер снова выглядел спокойным и собранным.

– Прошу присаживаться... – вежливо приподнялся он в кресле, указывая вошедшему на место. – Оставьте нас...

Сопровождающие тотчас же исчезли за дверью.

Гальченко с интересом осмотрелся по сторонам.

– Забавное место! А вы, как я понимаю, руководитель этого учреждения?

– Да. Позвольте представиться – профессор Иоахим...

– ...фон Хайдлер, – закончил за него гость. – Не трудитесь – я вас знаю. Полагаю, что и вы тоже знакомы с моей биографией.

– Следует ли это понимать так, что вы также и в курсе моих разработок?

– Отчасти. Моя работа носит несколько иной характер... носила.

– Занятно... люди рейхсфюрера вас на эту тему, оказывается, не расспрашивали?

– Они на многие темы со мною не беседовали, – усмехнулся майор. – Видимо, по недостатку времени...

– М-м-да... тут вы правы – его, действительно, немного. Кофе? Коньяк?

– И пиво...

– Не понял? – удивленно поднял бровь хозяин кабинета.

– Это старый анекдот, – улыбнулся Гальченко. – Хозяйка спрашивает гостя – что будете пить? Вино или водку? Он отвечает – и пиво! Разумеется, я не откажусь от коньяка – он, надеюсь, у вас неплох? Да и кофе – очень даже кстати будет.

– Хм! – нажав кнопу на столе, профессор вызвал ассистента и отдал ему соответствующие указания. – А вы, майор, интересный собеседник! Не

ожидал!

– Не вы один... Лахузен тоже был немало удивлён...

– Да, Эрвин – весьма впечатлительный человек! Впрочем, если вы не возражаете, вернемся к делу.

Гость вежливо кивнул.

– Согласен.

– Вы проводили разработки в моем направлении?

– Вопрос не по адресу, профессор. Я подготавливал людей, работали с ними уже совсем другие сотрудники. И по своим направлениям. Мое дело – отбор подходящих кандидатов. Поверьте, это не так уж и просто!

– Не сомневаюсь... – немец задумчиво побарабанил пальцами по столу. – То есть – вы их знаете?

– Скажем так, многих – работал-то я не один!

– А если я вам покажу одного из...

– Посмотрим. Очень даже возможно, что мы знакомы.

– Этот человек имеет звание подполковника...

– И такое может быть, – равнодушно пожал плечами майор. – Подобные люди быстро продвигаются по службе.

– Одного возраста с вами.

– Возможно, это кто-то из инструкторов?

– Вы так полагаете?

– Ну, я же его не видел... – развел руками русский.

Принесли кофе. На стол перед гостем поставили бокал с коньяком. Рядом возникла вазочка с печеньем. Пользуясь этим, профессор тихо отдал некоторые распоряжения ассистенту. Тот, молча кивнув, исчез за дверью.

– Каким вы видите своё дальнейшее существование, Александр Иванович? – помешивая ложечкой кофе, вежливо поинтересовался фон Хайдлер.

– По-разному может быть... – пожал плечами тот. – Прежнее, откровенно говоря, мне немного приелось.

– Вы ведь профессионал?

– Надеюсь!

– Если бы я предложил вам работать вместе? – немец скрестил перед лицом свои тонкие пальцы.

Гальченко прищурился.

– Даже так? И в качестве кого?

– В вашем прежнем – инструктора по подготовке людей. Могут меняться страны, правительства... но истинные властители – они всегда в тени. Вы можете быть рядом...

– Подполковника вы этим заинтересовать пытались? – поставил бокал на стол майор.

– А следовало бы?

– Уж точно не стало бы лишним. Если этот человек из с т а р ы...

– А вот вы и попробуйте! – «внезапно» заинтересовался этим предложением немец. – Вполне, кстати говоря, плодотворное начало сотрудничества.

А вот сегодня «медбратки» прикидываться перестали.

И оба заявившихся ко мне в палату деятеля носили свои МП-35 прямо поверх белых халатов.

Ага, стало быть, войска СС?

Понятненько...

Правда, надо отдать им должное, никто из них не хамил и не борзел, вежливо пригласив меня проследовать в кабинет к профессору.

«Медбраток», сидевший у дверей, тоже имел при себе автомат, только вот он у него попросту лежал на столе. И тоже – МП-35, что только подтверждало мои предположения. Ну, в таком разе, парни, вы бы уж и халаты поснимали – чего ваньку-то валять?

Кабинет профессора находился здесь же, в здании, только на первом этаже.

Оба моих сопровождающих так и вперились туда вместе со мной, замерев у дверных косяков.

А вот в самом помещении, окромя хозяина, присутствовал ещё один – весьма, кстати говоря, любопытный персонаж...

Много лет вперед...

– А вот это, – остановился генерал перед стеной, – наши сотрудники. Те, кто стоял у истоков создания управления... Ещё тогда, в годы войны. Классные все мужики были! Мне до них – как до Пекина раком!

Смотрю на фотографии.

Этого знаю – Благов. Ещё какие-то дядьки незнакомые, многие в форме.

Самые разные – молодые и не очень.

О!

Ещё одна личность почти легендарная – Сиротин, он же «дед Миша». А я и не знал, что он каким-то боком и сюда прилепился.

– Вот как?! Интересные же тут люди подобрались! Я его наставления читал в своё время – грамотный спец был. Снимаю шляпу!

Очередное фото – холодный взгляд стальных глаз. Характерные шрамы на аристократическом лице – прямо-таки немецкий студент.

– Ты смотри – истинно немец какой-то! И такие люди у вас тоже работали?

– Всякие были... не все ученые, взять хоть того же Сиротина! А это – вообще личность легендарная! Шведов Александр Иванович, он же – знаменитый «Проводник». Разведчик экстра-класса, работал ещё при царе! – поясняет мне Яковлев.

– Ого!

– А то ж! Управление «В» – в то время ещё отдел, вот именно такие люди и создавали. Кому только тогда голову дурить не пришлось...

И вот эти-то стальные глаза сейчас меня внимательно разглядывали...

Те же самые шрамы на лице.

Тот же холодный взгляд.

Охреносоветь... «Проводник»?!

Здесь?!

И сейчас?!

Думаем...

Раскрыт он не был, надо думать. Отчего такие мысли?

Так на фото он был в форме и с погонами. Полковника, между прочим!

А их, погоны, то есть, только недавно ввели, если мне не изменяет память. Точно не изменяет?

Да не похоже, вон даже всякие мелочи вспоминаю вовремя и к месту.

Ну да, химией меня пичкать перестали, решили, видать, что нужный эффект достигнут. Ну-ну... и дальше так думайте... Ушлые ребятки из лесного домика, надо полагать, не просто так колдовали с моим измученным телом. Кое-какой эффект их труды всё-таки принесли – восстанавливаюсь я теперь существенно быстрее, чем все окружающие меня люди.

И ещё нюанс, форма на Шведове тогда была н о в а я – послевоенная, то есть. Значит, снимали его уже после войны.

Стало быть, войну он прошел... Тогда прошел.

Э т о г о эпизода там не было... или был? Сам черт ногу сломит в этих хитросплетениях!

Одно можно сказать точно – моя родная контора тут уже пашет вовсю! И нехило, надо сказать, пашет. Сколько всего времени я тут валяюсь?

Уж несколько месяцев – и к бабке не ходи!

И за это время они смогли не только разработать план операции, но и его осуществить!

Ну, знаете ли... это уже какая-то фантастика выходит. Впрочем, если наш «любезный» хозяин строит свои козни не первый день (а уж это-то – наверняка!), то пристальный интерес соответствующего ведомства с нашей стороны ему просто-таки гарантирован. Угу... с вытекающими последствиями.

Итак, Проводник здесь.

Он пришел сюда сам, вон, в отличие от меня, его охрана не пасёт. Значит, положение у него лучше моего.

Думаем!

В каком качестве он сюда мог прийти?

Как немец?

Вряд ли. Хоть и трудился он в нашей конторе, не думаю, однако, что по научной части вкалывал.

Стало быть, у немцев он такими вещами тоже не занимался. И в качестве научного работника попасть сюда не смог бы. Черт, мало я о нём знаю...

Но тянуть долго нельзя!

Сейчас я ещё могу что-то сделать первым – так сказать, выигрышно зайти. Козырем, если хотите.

И тем самым существенно упрочить (или также существенно ухудшить) наши со Шведовым позиции.

Огрызок карандаша уtkнулся в моё запястье.

Ближайший конвоир стоит как раз в зоне досягаемости. Автомат у него

на плече, стволом вниз. Расслабился парень...

Напрасно это ты так. Со мною, друг мой ситный, всякий раз настороже надо быть – опасный я человек... и вредный. А уж какой злопамятный!

– Здравствуйте, Александр Иванович! А мне коньяка тоже нальют?

– Не по адресу вопрос, – вежливо кивает в сторону очкастого Проводник. – Да и вас, извините, я что-то не припоминаю...

Профессор делает мне жест присаживаться и пододвигает бокал, куда уже чуток (вот ведь жмот какой!) плеснул коньяка. Хорошего, кстати говоря – это я уже на расстоянии чую!

– Так и не удивительно – мы встречались мельком! Я же из совсем другого управления – из «А»! Ну, а уж вас-то, с вашими девушками, не упомнить... – развожу в сторону руки в извиняющем жесте.

А заодно – смотрю, как на это реагирует охрана.

Правильно (ну, это с моей точки зрения) она реагирует. Раз допустили клиента сесть за стол, бухла плеснули – всё, вроде бы уже не так и опасен. Допустимо. Вот парни слегка и расслабились.

Это хорошо, мужики, чуток коньяку в рыло плеснуть – кто хочешь глазки зажмурит. Это уже инстинкт такой у каждого заложен. Жалко, что у меня в бокале не спирт, тот вообще не хуже слезогонки бы сработал – если прямо в глаз попадёт.

Но немец, скотина, цивилизованный – спирт не употребляет...

Правда и коньяк в данной ситуации – тоже мало не будет.

– С девушками? – в некотором раздумье спрашивает меня Проводник.

– Вы уж там, при случае, конечно, привет им передайте. Есть у вас одна... Котенком зовут.

– От кого же?

– Да от дяди Саши...

Опа!

Есть попадание – глаза собеседника прямо-таки вспыхнули, такое у меня возникло впечатление. Значит, не прогадал я – пашет тут родная моя контора. А немец-то и не усёк – на меня собеседник смотрит, не видит профессор его глаз. Правильно мужик повернулся, соображает, откуда у кого хвост растёт...

– Ну... это несложно. Глядишь, и сами ещё это сделать сможете...

Так, а вот с этого момента – ушки востро!

Сам смогу?

Стало быть – здесь она где-то?

– Как я понимаю, – включается в разговор немец, – вы ранее встречались?

– Возможно, – кивает Иваныч. – Надо полагать, у подполковника тогда имелось несколько другое звание... и ведомственная принадлежность. Лицо мне знакомо – но не более того.

– Ну а вам, – поворачивается ко мне очкастый, – личность господина майора, как явствует из ваших слов, известна лучше?

– Некоторым образом. Он нас многому тогда учил... и отбирал наиболее способных.

– То есть – именно вас? – не отстает профессор.

– Не он один, естественно...

– Фамилии называть можете?

– Благов... говорили, он из ученых.

Проводник чуть заметно кивает.

Продолжать?

А похоже – вон он как сидит! Непоколебимо и самоуверенно.

– Сиротин... его ещё «дед Миша» звали.

– Да, – вступает в разговор мой сослуживец (нет, ну надо же такое совпадение, встретить здесь живую легенду спецслужб – умом рехнешься...), – такие люди мне известны. Это инструктора – каждый по своему профилю. Они имеют право давать свои рекомендации.

– Или – не давать? – прищуривается немец.

А спасовало твоё колдунство – не может фриц сразу на двоих воздействовать!

– И такой вариант вполне возможен... – кивает мой нынешний (будущий) сослуживец.

– Одну минутку, майне геррен! – берет в свои руки беседу профессор. – Вам не кажется, что обмен воспоминаниями можно пока отложить?

Я б с ним поспорил... но благоразумно воздержусь. Пока воздержусь. Пусть поговорит. А вот мне как раз и не помешает помолчать, обдумать кое-чего. Благо что так и не решил пока – в каком ключе можно продолжить нашу совместную беседу. Одно ясно – мы тут не одиноки!

– Итак, – не видя возражений, продолжает хозяин кабинета, – я хочу предложить вам небольшую прогулку! Недалеко – тут у нас всё рядом располагается.

Опять же не поспоришь – по сигналу очкастого в комнате появляются ещё несколько охранников. Тут уже без дураков – пятнистая форма, те же МП-35 наперевес. Баффен СС – прошу любить и жаловать!

Сопровождаемые столь внушительным эскортом, мы направляемся на улицу. Туда, где я пока что не бывал ни разу.

До сей поры мне приходилось видеть лишь прогулочный дворик санатория. А вот сейчас мы вышли в более просторный двор.

Если смотреть сверху, всё здание несколько напоминало букву «А». Печатную, с плоской вершинкой – как её рисуют первоклашки. Вот в маленьком дворе – том, что отделяется перекладиной, я и гулял раньше. Её роль здесь исполняет одноэтажная перемычка, обращенная во двор своей глухой стеной. Со стороны дворика её даже надстроили, подняв почти на три метра, теперь-то я это понимаю. А раньше думал, что это стенка такая...

Впрочем, тут ещё и внутренний забор есть, отделяет собственно здания от прочего. Недавно построенный, доски относительно свежие, и краска ещё не успела выцвести под солнцем. Да и не похож он по своей конструкции на капитальную ограду, окружающую основную территорию. Времянка – этим все сказано. Пусть даже и строили его немцы, со всей им присущей аккуратностью и педантизмом. В нём есть ворота, куда сейчас и топает вся наша неслабая компания.

А за воротами есть небольшой парк!

Точнее – был. Теперь от него осталась жидккая кучка деревьев, прочие срубили. Их стволы, очищенные от сучьев, аккуратными штабелями возвышаются неподалеку от забора.

И на освободившемся пространстве возвышается странное и малость уродливое сооружение – бетонный бункер. За каким-то рожном он окружен концентрическим бетонным бруствером, даже двумя.

Увидев это непонятное строение, я малость даже запнулся, что тотчас же и было истолковано профессором по-своему.

– Удивлены, герр подполковник?

– Да... как вам сказать... – и действительно, как? Даже и не представляю себе, какие-那样的 мысли должны были возникнуть в моей голове при виде этого...

– А ведь это построено по вашим словам! – кивает немец на сооружение. – Вот только бункер – он и до этого тут был. Санаторий планировали использовать как запасной командный пункт – тогда и возвели... А бетонные кольца – это уж по вашим рассказам. Много чего интересного в них было...

Да?

Это я тебе ещё «Звездные войны» не пересказывал! Представляю, что тут тогда понастроили бы!

Проводник с интересом оглядывается по сторонам, даже в затылке чешет совершенно по-русски. И в этот момент он перестает выглядеть

немцем, уж слишком по-простонародному у него все это выходит.

Сузившиеся в щелку глаза наблюдателя сощурились ещё больше – сигнал!

Вот он – тот самый человек, рядом с майором стоит. Не перепутаешь – только у них двоих нет оружия, так этот ещё и в какую-то пижаму одет. Немец, главный который, не в счет – да он и идет чуть впереди.

Рывок – натянулась припрятанная бечевка. И хрустнул сучок, посередине которого она была привязана. А вот в щелку забора ему не пролезть – места мало. Так и переломился, бедняга... Бечевка, не удерживаемая более ничем, тихонечко уползла под штабель древесных стволов – ещё не бревен. Их не то что от коры – и от сучьев-то не ото всех ещё очистили.

А половинки сломанного сучка остались лежать у забора, давая знак всем, кто мог это видеть – объект обнаружен!

Видели же – многие...

– Группе – готовность! Выдвигаемся на рубеж атаки!

Чуть слышно звякнули накручиваемые на стволы «Брамиты», расстегнули клапаны карманов бойцы штурмовых групп...

– Герр гауптштурмфюрер! К нам гости! – заглянул внутрь бункера фельдфебель.

– Профессор? – не оборачиваясь, спросил инженер, возившийся у пульта.

– Не только! С ним, кроме охраны, ещё двое штатских.

– Вот как?

Поразмыслив, он сунул руку внутрь пульта и что-то там переключил. Вытащил из кармана шнурок и завязал его петлей вокруг рубильника.

– Штойберт! Взрывчатку всю разгрузили?

– Никак нет! Заряды – эти все установлены. А оставшаяся взрывчатка – в грузовике.

– Где он?

– Как и положено – в ста метрах отсюда.

– Подгоните его поближе, поставьте около забора. Со стороны санатория.

– Но... герр гауптштурмфюрер... это же нарушение инструкции!

– Штойберт, что я слышу? – удивился инженер. – Я отдал вам приказание, и вы...

– Виноват, герр гауптштурмфюрер!

– Исполняйте!

Посмотрев в сторону ушедшего фельдфебеля, инженер отдал какие-то

указания работавшим в бункере солдатам. После чего их осталось внутри только два человека – прочие, получив соответствующие распоряжения, ушли. Да и по правде сказать, что тут было ещё делать, лоск наводить? Основные работы по монтажу были уже закончены, провода уbraneы в кабель-каналы, даже пол подмели... последняя проверка – и всё. Можно сдавать работу заказчику.

Заскрипел песок, затопали по бетонному полу ботинки – в бункере сразу стало многолюдно.

– Хайль Гитлер! – отсалютовал вошедшим гостям эсэсовец.

– Хайль! – ответно взмахнул рукой фон Хайдлер. – Не беспокойтесь, Клаус, мы вам долго мешать не станем... Итак, майнे геррен, что вы скажете на это?

И он вопросительно посмотрел на своих спутников.

Интересно девки пляшут...

И что же я должен ему отвечать?

А обстановка-то – отчасти напоминает лабораторию нашего дорогого академика... С некоторыми, ясное дело, допущениями. Ну, скажите мне на милость, где немец здесь компы возьмёт? Но какой-то аппаратуры он сюда понапихал... вон она, под чехлами стоит.

Кресло...

Ага, это он сюда кого-то усаживать собрался?

Уж не меня ли, часом?

А зачем?

– Не волнуйтесь, подполковник, данное кресло предназначено не вам – у меня есть и свой кандидат на эту должность! – заметив мой интерес, произносит немец.

Да и фиг с тобой, золотая рыбка! Другой или ещё какой – меня, в данный момент, волнует мало. А вот отвертку на столе кто-то забыл... это уже гораздо интереснее...

Проводник же вообще ничего не отвечает, только по сторонам смотрит.

– А этот пульт – он для чего? – тычу я рукой в сторону непонятного сооружения у дальней стены. – Такого что-то и не припоминаю...

И ведь действительно – не видывал я раньше эдакого... даже и сказать-то сразу трудно. Тумблеры, кнопки... рубильник какой-то. Странно, но на нём зачем-то петелька присобачена. И на кой ляд, спрашивается?

– У вас подобного не имелось? – интересуется очкастый.

– Совершенно точно – нет! – ничуть не кривлю при этом душой.

– Клаус, друг мой, – поворачивается мой собеседник к стоящему у

пульта эсэсовцу, – не будете ли вы столь любезны...

– Яволь! – прищелкивает каблуками тот.

Поворачивается к пульту и щелкает каким-то тумблером.

– Вы видите загоревшуюся контрольную лампу – система приведена в боевую готовность. При включении тумблеров в определённой последовательности можно задать очередность подрыва установленных зарядов. Разумеется, сейчас мы этого делать не станем – рядом с бункером стоит грузовик с двумя тоннами взрывчатки. Но если опустить вот этот рубильник... – протягивает к болтающейся петельке руку эсэсовец, – то мы запустим серию подрывов – и на улице всем станет очень плохо...

– А внутри? – спрашиваю у него я.

Зачем, скажете вы?

Да хрен его знает... пусть болтает. А вот к отверточке я чуток приблизился... и охрана, что примечательно, на это никак пока не отреагировала. И правильно, между нами-то говоря, – здесь это предмет обыденный. Вот в кабинете у профессора – совсем другое дело! Там она смотрелась бы совсем не к месту.

– После того как будут заперты входные бронедвери, здесь будет относительно безопасно. Сейчас они отворены, мы же ещё работаем. Поэтому любой взрыв снаружи – тем более, серия таковых, размажет всех присутствующих по стенам бункера. Так, что можно будет соскребать ложками...

Веселая перспектива, нечего сказать!

– И для того, чтобы этого не случилось... – эсэсовец просовывает руку в петельку, – надо, чтобы я её не опустил...

Он стоит к нам лицом, и только правая его рука сейчас поднята вверх – к рубильнику. Внезапно немец делает шаг назад и наваливается спиной на пульт. Что-то там щелкает, и наверху начинают тревожно моргать две лампы.

– Вот так, штандартенфюрер... Теперь отсюда никто не выйдет – пока я этого не разрешу! И потрудитесь приказать вашей охране, чтобы они бросили свои автоматы и пистолеты – против трех тонн взрывчатки у вас шансов нет!

Вот это он знатно завернул!

Очкастый ажно побелел – так его понять можно. Такая перспектива неслабая – три тонны (кстати, почему три?) взрывчатки, да тут и сам бункер снесет к свиньям! И прочим домикам тоже нехило прилетит.

– Но... что вы хотите, Клаус... я не понимаю вас... – пытается собраться с мыслями профессор.

– Оружие – на пол! – рявкает эсэсовец у пульта.

С лязгом падает на бетон автомат. Ещё один... Охранники торопливо избавляются от своего вооружения – и я их понимаю. Перспектива быть размазанными тонким слоем по стене – она как-то никого не воодушевляет.

Выскочившие откуда-то два солдата, подбирают автоматы и пистолеты эсэсовцев. Тогда стоявший у пульта гауптштурмфюрер несколько расслабляется – даже позу изменил. Тоже, между прочим, в офигенном напряге мужик находился. Думаете, легко в своих руках собственную смерть удерживать?

Очкастый за то время, пока солдаты собирали вооружение охранников, успел кое-как прийти в себя.

– Что вы хотите, Клаус? – уже спокойнее спрашивает он.

– Позвольте представиться, штандартенфюрер, – улыбается инженер. – Капитан Норман Мэллори, МИ-6.

– Но я с вами не ссорился! – удивляется профессор. – Что от меня нужно вашему ведомству?!

– Лично от вас – ничего. Можете и дальше дергать за волосы своих девиц. А вот одного из ваших гостей мы заберем с собой.

Фигасе завернул! И этот – тоже по мою душу?

Очкастый в недоумении. Некоторым образом его понять можно. Он всю дорогу считал себя центральной фигурой – и тут, нате! Такой облом... его даже всерьез не принимают, обидно!

– Кто же вам нужен? – сухо интересуется он. – И каким, простите, образом вы рассчитываете выбраться отсюда? Охрана вас не выпустит!

– Вот этот господин, – кивает в сторону Шведова Мэллори. – С ним очень сильно хотят побеседовать некоторые мои руководители... А что до выезда, профессор – так вы ещё утром подписали пропуск на вывоз с территории объекта неиспользованной взрывчатки и оставшихся материалов...

Немец поник. Надо думать, что такого облома он совсем не ожидал. Уж и не знаю, под какой легендой проник сюда мой коллега, но, скорее всего, профессора за такой промах по головке гладить не станут. И никакое колдунство его от гестапо не защитит – резиновые палки к заклинаниям и пальцеверчению нечувствительны.

Между тем, солдаты гауптштурмфюрера вяжут по рукам и ногам безропотных охранников. Проволокой, между прочим – и весьма жестко, те только покряхтывают. Но не рискуют никак иначе выразить свое неудовольствие, опасаясь непредсказуемой реакции англичанина.

А Мэллори стоит, опершись спиной о пульт. Он продолжает держать

руку у рубильника.

Блеф?

Не похоже... судя по всему, он сам эту систему и собирал, так что, скорее всего, не врет.

– А что будет с нами? – нарушает тишину очкастый.

– Свяжем и оставим здесь. На входе будет стоять мина. Через десять часов она автоматически отключится, и тогда вас найдут.

Ну-ну.

Рассказывай сказки детям!

Стрелять ты не хочешь – глушаков нет, вот и опасаешься, что охрана выстрелы засечёт. А взрыв через пару-тройку часов... да мало ли по какой причине он мог жахнуть? Особенно, если сработают и остальные заряды – а они точно бахнет, или я чего-то в этой жизни не просекаю.

И не я один – Проводник чуть касается рукой своего воротника, показывая мне три пальца.

Ага, стало быть – держать Мэллори? Три пальца – три кубика на петлицах – гауптштурмфюрер.

А солдаты? Их двое – и со стволами. Один вяжет, второй страхует. Потом меняются.

Но не профи – стоят близко, иногда сектор обстрела друг другу перекрывают.

Так, с охраной они почти закончили... остались мы вдвоем и профессор. Ему, правда, уже проверили карманы, вытащив оттуда какую-то дамскую пукалку. Но взять не стали – просто отвели в сторону.

А я, как стоял у столика с инструментами – так и стою. Демонстративно показывая всем свои пустые ладони. Отчего пустые?

Ну, надеюсь, за лопуха меня тут не держат?

Ещё когда меня бинтовали, ухитрился я на локоть приkleить узкую полоску пластиря. Она потом у меня в кровати обреталась – с внутренней стороны рамы. Ею и присобачены к рукам (чуть выше запястий) оба карандашных огрызка – мое единственное оружие. Да отвертка... так и манит!

Интересно, а как они собираются Шведова выводить? Он же в штатском!

Но, как выяснилось, англичанин и тут не сплоховал – велел снять с одного из охранников мундир.

– Переодевайтесь, господин майор!

– Господин капитан! – поворачиваюсь я к англичанину. – А мы и вправду не взорвёмся? Ведь здесь так много всего...

– Не переживайте – все будут целы.

– А почему три тонны? – интересуюсь я у него. – Вы же сказали, что в грузовике их две?

Мэллори некоторое время смотрит на меня, как на последнего лоха.

– Это в грузовике их две. И вокруг установлены заряды... правда, несколько более мощные, нежели просил герр профессор.

Он снисходительно ухмыляется.

– Пока у пульта стоит человек – вам опасаться нечего! Поэтому, кстати, никому и не советую в меня стрелять или толкать – плохо станет всем.

Ага, принцип «мертвой руки». И ещё что-то... разгрузочного типа, скорее всего – как раз на случай толчка.

Шведов, снимая брюки, вдруг отступается и, прыгая на одной ноге (вторая в брючине запуталась), неловко валится куда-то вбок.

Человек на одной ноге, абсолютно беспомощный... но очень нужный руководству, падает на бетон...

Что делать?

Да ловить его, ясен пень! Разобьется же!

– Держите его!

Впрочем, солдаты уже и сами все поняли – один из них бросается к Проводнику.

Легкийворот руки – пальцы нащупывают холодный стержень – отвертка!

Р-раз!

И солдат, страховавший своего напарника, выгибается дугой – бросать всякие железяки с короткой дистанции меня учить не нужно...

Рывок – карандаши в руках!

Н-на!

И первый из нихходит точно в горло англичанина.

Второй – в глазницу.

Со всего маха бью его плечом, прижимая тяжелое тело к пульту.

Руку подхватить!

Успел...

Позади меня слышу хрип, глухой удар...

Отчего-то у меня не возникает никаких сомнений относительно исхода схватки.

Тело Мэллори обмякает и заваливается куда-то вбок.

Вот же ж мать твою...

Удерживаю его, стараясь не отходить при этом с места.

– Помощь нужна?

Поворачиваю голову вбок – Шведов. Странно он выглядит – в форменных брюках и штатском пиджаке. В обеих руках по пистолету – мастер!

– Держу пока... только вот неудобный он, собака...

– Сейчас... придумаем что-нибудь...

– Майнे геррен... уже всё?

Мы недоуменно переглядываемся.

Блин, да это же профессор! А мы тут, грешным делом, чуть о нём и не запамятали.

– Всё – это вы, позвольте, о чём? – вежливо интересуется Проводник.

– Мэллори... он жив?

– Сомневаюсь, – бросив взгляд на развороченную глазницу англичанина, говорит мой коллега.

– Слава всевышнему! Надо срочно сообщить охране – на территории могут ещё быть их сообщники!

Так, дядя, похоже, что-то не догоняет...

– Вот что, любезнейший... – Шведов осторожно высвобождает руку мертвого англичанина из веревочной петли. – Ничего ещё не кончилось.

– Но почему?!

– Да потому, что ещё и не начиналось! – рявкает мой коллега. – Это, коли вам ещё непонятно, так себе... разминка была...

Оставив меня на минутку, он подскакивает к немцу и быстро скручивает ему руки. Той же самой проволокой – её здесь вполне достаточно.

И вот тут до фрица доходит...

Он просто дар речи потерял!

– Так, – обходит меня Иваныч. – Слушай, вот в подобных штуках я не силен... с рубильником – это ясно, но он ведь и спиной на что-то там опирался?

– И ногами... Проволока есть ещё?

– До... словом – хватит!

– Привязать его сможешь?

– К чему?

– К пульту, ясен пень!

– И каким макаром? Тут никаких дырок нет, не за что крепить!

– Черт...

Шведов задумчиво оглядывается по сторонам.

– Вот что... есть у нас тут спец... обождешь?

– А есть выбор?

– Это ты прав... но я ничего здесь не придумаю – не моя епархия!

– Обожду... куда ж денусь-то? Ствол мне какой-нибудь дай, а то – как ногишом стою.

– Три тонны тротила – мало?! – удивляется Шведов, но пистолет мне все-таки находит. И пару запасных магазинов.

Сдергивает с кронштейна на стене телефон и присобачивает его рядом со мною, подтащив для этой цели ящик.

– Ежели позвонят...

– Найду, что сказать. Давай – в темпе! У меня ноги не казенные!

Уже на пороге он оборачивается.

– Звать-то тебя как?

– Тезки мы с тобой. Только отчество – как у Пушкина.

– Лады! Жди!

Бухает, закрываясь, дверь.

Неторопливо идущий охранник ни у кого никаких подозрений не вызывал. Тем паче, что двигался он со стороны секретного бункера, куда посторонние (даже и солдаты охраны) не допускались. А этот – оттуда идет. Значит – из приближённых... ну и пускай себе топает... видали мы таких!

А то, что топает он в караульное помещение – так и вовсе объяснимо и как-то обыденно.

Поэтому, когда за спину дежурного офицера скрипнула дверь, он ещё сидел, развалившись на стуле, и не успел вовремя повернуть голову в сторону входа.

А потом... потом у него просто не осталось возможности так поступить.

Ибо что-то твердое и холодное уперлось ему в затылок.

– Один лишний звук – и твои мозги забрызгают стол! Выстрела никто не услышит – оружие с глушителем.

– Э-э-э... да, я все понял!

– Тише говори! Где отключаются мины у ворот?

Лейтенант метнул взор в сторону небольшого пульта на стене.

– Понятно...

Жесткая рука приподняла его со стула и подпихнула к пульту.

– Отключить мины!

– Все?

– Два раза повторять?

Лейтенант обреченно кивнул и повернулся к тумблеру. Погасла одна лампа

– в верхней части пульта, и тотчас же загорелась вторая. На этот раз – внизу и не столь яркая.

– Дальше!

Ещё щелчок – и ёщё одна контрольная лампочка.

– Мины у запасных ворот – их тоже отключить?

– М-м-м... тоже!

Нижняя часть пульта опоясалась сплошной полосой горящих ламп.

– Ну, вот... так гораздо лучше! Теперь – где включаются сигнальные огни? И в какой последовательности?

– Щиток на той стене...

И под краем крыши моргнули огоньки сигнальных ламп.

Щелкнуло незаметное реле в стеклом шкафу...

Телефонный звонок.

– Краузе, – поднял трубку помощник коменданта города.

– Герр гауптман! Получен сигнал тревоги с объекта «Тишина»!

– Сбоев быть не могло? Ошибка? Случайное срабатывание?

– Никак нет, герр гауптман! Сначала прошел сигнал об отключении всех мин – чего, в принципе, не могло быть. Потом поступили данные о включении сигнальных огней – всех сразу! Это обозначает, что либо дежурный офицер работает под контролем, либо включение произведено посторонним.

– На объект звонили?

– Нет. Сначала доложил вам, как и положено по инструкции.

– Поднимайте комендантскую роту! И соедините меня с объектом...

Негромко зажужжал телефон на столе у дежурного.

– Кто это? – поинтересовался визитер за его плечом.

– Город... Это из комендатуры звонят.

– Трубку бери! И смотри у меня...

Лейтенант протянул руку и поднес трубку к уху.

– Лейтенант Ламберт слушает!

– Это гауптман Краузе! Что там у вас происходит?

– Э-э-э... все в порядке, герр гауптман.

– Вы уверены?

– Только что прошел обход, герр гауптман! Ничего непонятного не выявлено. И пяти минут не прошло!

– Хорошо...

Помощник коменданта положил трубку и вызвал дежурного.

– Хашке, лейтенант Ламберт подтвердил захват объекта. Неизвестные контролируют помещение уже пять минут. Немедленно высыпайте туда роту!

– Но как они прошли через минные поля?

– Как-то прошли, – пожал плечами гауптман. – Потом разберемся. Сейчас главное – вовремя из всех там накрыть!

Увидев под козырьком крыши моргнувшие несколько раз лампы, командир группы обернулся к своему заместителю.

– А не подкачала-таки старая гвардия! Давай, Леха, теперь наша очередь!

Тихо хлопнули бесшумки – на правой сторожевой вышке осел на пол пулеметчик. Его коллеги на крыше этого не заметили – над мешками с песком поднимался легкий дымок: оба пулеметчика курили, пользуясь тем, что бесшумно подойти к ним по железной крыше было невозможно. А стало быть, и заработать нагоняй от фельдфебеля им не светило. Хороший пост... когда погода соответствующая. Легкий ветерок, солнце... дождя нет. Не то, что на вышках – стой себе на ногах всю смену, даже и присесть негде. А здесь можно и прилечь... кровля, нагретая солнцем, весьма к этому располагала. Нет, ясное дело, никто из них не собирался дремать на посту – это недостойно немецкого солдата! Но вот чуть-чуть расслабиться... покурить – что в этом плохого?

Поэтому следующей жертвой лесных снайперов пал постовой на левой вышке – его мешки с песком не защищали. А тонкие доски пулям не преграда.

Зашелестели кусты – прямо около ворот из травы появилась небритое лицо (а вот полежи-ка в кустах пару суток... и борода отрасти успеет!). Несколько секунд диверсант прислушивался и осторожно скользнул к калитке. Прижался ухом к теплым доскам, контролируя обстановку за воротами.

Тихо... патруль прошел десять минут назад – было слышно, как они там переговаривались. Значит, некоторое время у ворот никого не будет – часовой выходит из своей будки только тогда, когда к воротам подъезжают машины или когда кого-то надо впустить или выпустить. А таких гостей

пока что не ожидается...

Резко брякнул телефон на столе!

Повинуясь толчку своего пленителя, Ламберт поднял трубку.

– Слушаю...

– Герр лейтенант! Докладывает ефрейтор Олерт! Вы отключили минное поле – у нас горят сигнальные лампы!

– Отключил, – повинуясь шепоту над другим ухом, подтвердил дежурный. – И что?

– Но нас никто не предупреждал о подходе автоколонны!

– Считайте, что таковое подтверждение вами получено. Встречайте...

– Яволь!

«Вот какие тут пляски!» – промелькнуло в голове у Проводника. – «А система-то дублирована! Где ещё загорелись лампочки?!»

– Кто ещё получил сигнал об отключении минного поля?!

– Никто...

Хрясь!

В голове у дежурного словно бомба взорвалась – перед глазами брызнули искры, а затылок пронзило острой болью.

– А если не врать?

Вместо ответа лейтенант изо всех сил ударил правой рукой назад – туда, откуда раздавался свистящий шепот неизвестного. А левая рука с размаху впечатала в пульт небольшую кнопку.

Кра!

Кра!

Кра!

Корабельный ревун – колокола громкого боя!

Сигнал общей тревоги!

Да-дах!

Короткая очередь отшвырнула Ламбера вперед – на пульт...

Резкие вскрики ревуна были слышны везде – не только на территории санатория. И свои выводы сделали все.

Рванулись к темному забору диверсанты, на ходу загоняя патроны в патронники своих пистолетов и взводя затворы автоматов.

Разобрав из пирамид винтовки, ломанулись на выход солдаты охраны.

Ощетинились стволами эсэсовцы на внутренних постах.

Когда за стенами бункера противно заквакал сигнал, я только

выматерился сквозь зубы.

Сорвалось, значит...

Сколько там ребят в лесу сидит?

Ну, уж не рота – это совершенно точно. Взвод – и то при большом везении.

А здесь – только на вышках два пулемета да на внутренних постах автоматчики... не светит тут парням ничего...

Ну и что?

Что я сам-то в подобной ситуации сделать смогу?

От пульта не отойти – двух шагов не сделаю, рванет все к такой-то матери. Три, да пусть и две, тонны взрывчатки – от санатория только обломки стен уцелеют. Немцы – фиг с ними, но ведь и нашим же прилетит! И нехило прилетит...

Вздернутые с места сигналом тревоги, повскакивали на ноги и пулеметчики на крыше. Что случилось?!

Быстрый взгляд во двор – выбегают из казармы товарищи, там все ясно. Никакой суэты, все подтянуты и собраны.

А что за забором?

Что-то толкает в плечо... чего там?

Зажимая руками простреленную грудь, навалился сбоку первый номер. Он еще жив... пока. Но его быстро мутнеющие глаза уже не замечают ничего.

Кто ж его так?

Ведь не было слышно выстрелов?

Пулеметчик поднял глаза.

Быстрые, слово летящие по ветру клочки тумана, неслись к воротам темно-зеленые тени. На ходу огибая деревья и словно бы просачиваясь через кустарники и густую траву.

«Русские!» – мелькнула в голове мысль. – «Но как?! Там же мины кругом стоят!»

Но тени, похоже, этим совсем не заморачивались. Во всяком случае, ни один взрыв не прозвучал – на тени мины не реагировали совсем.

Быстрый взгляд влево – свернулся на полу вышки часовой.

Вправо – повис на перилах второй.

«Стрелять! Мины их не берут, посмотрим, как устоят эти призраки против пулеметного огня!»

Шаг вперед...

Удар... мелькнуло перед глазами ясное синее небо, швы на жестяной

крыше, мешки с песком... отброшенная в сторону рука товарища.

И наступила темнота.

Выскочившего из будки ефрейтора отбросило назад – пуля, выпущенная из бесшумного револьвера, попала ему в плечо. А секундой позже вторая ударила его чуть ниже обреза каски, разбрызгивая мозги по стене караульного помещения.

Его товарищи оказались ещё менее удачливыми – никто из них даже не успел передернуть затворы своих винтовок. В руках перескочивших через забор диверсантов захлопали наганы, пресекая ненужную активность привратного караула.

– Ковальчук! К воротам!

– Есть, старшина!

Замок на петлях – некогда искать ключ! Удар окованным прикладом прихваченной в караулке винтовки, ещё один...

Лязгнул отброшенный засов.

И скрипнули, расходясь в стороны, тяжелые створки.

А вот и ребята!

Уже рядом!

– Сюда давайте! В темпе...

Та-та-такс!

Ударил из открывшегося окна автомат охранника.

Вспух кровавыми пятнами комбинезон на груди диверсанта, рванулась навстречу сухая земля...

Бой сразу рассыпался на множество локальных схваток.

Прочно удерживавшие ворота, диверсанты легко отбили все попытки охраны вернуть себе контроль над въездом в санаторий. А проникшие заранее на его территорию бойцы неожиданным ударом с тыла заставили солдат снова возвратиться в корпуса – под прикрытие кирпичных стен. Не ударили и пулеметы с вышек, их расчеты были выбиты снайперами ещё в самом начале штурма объекта. Более того, прикрываемые пулеметным огнем со сторожевых вышек, взобравшись по фасаду дома, диверсанты захватили огневую точку на крыше главного здания, успешно отбив гранатами все попытки осаждённых выбраться наверх.

Бросившиеся было к помещению дежурного, эсэсовцы внутренних постов были встречены автоматным огнем и, потеряв несколько человек, оттянулись вглубь коридора.

Связи с внешним миром не имелось – стоявший рядом с помещением дежурного коммутатор был расстрелян нападавшими, а солдат-телефонист,

дежурившим там, по-видимому, ими убит. Во всяком случае, на звонки он не отвечал. Сколько там находилось нападавших и как хорошо они были вооружены, неизвестно. Но испытывать судьбу, прорываясь по узкому коридору под автоматным огнем, желающих нашлось немного.

Невозможно было и подойти к окнам. Захваченные диверсантами пулеметы немедленно пресекали любую попытку осаждённых выглянуть наружу.

Но и внутрь никто проникнуть не мог – забаррикадировавшиеся на входах охранники ощетинились стволами и, не испытывая пока недостатка в боеприпасах, встречали нападающих ураганным огнем.

Пат...

Оставшийся в живых единственный офицер – оберштурмфюрер Мориц, приняв на себя командование, распорядился немедленно выделить двух человек, дав им задание пробиться к своим и вызвать подмогу. Он ничего не знал о том, что комендатура уже получила соответствующую информацию – о существовании системы скрытой сигнализации не было известно даже эсэсовцам. Получившие такое указание солдаты сразу же после того, как успешно перебрались через забор, были расстреляны сидевшими в лесу снайперами. Сделав из этого соответствующие выводы, Мориц приказал перейти к глухой обороне. Сколько бы ни имелось тут партизан, долго атаковать санаторий они не станут – слишком опасно. Рано или поздно, а обеспокоенная внезапно наступившим молчанием санатория, комендатура забьёт-таки тревогу...

Сильно напрягало оберштурмфюрера отсутствие профессора. Да, он находился сейчас в прочном бункере, в сопровождении хорошо вооруженной охраны. И саперы там тоже есть – в здании присутствовало менее половины из состава инженерного взвода. Кое-кто из них, разумеется, погиб – их тела лежали недалеко от входа. Не успели добежать... бывает. Но командира саперов – гауптштурмфюрера Клауса Нерста, среди убитых никто не видел.

Нигде, кроме как в бункере, он находиться не мог. И, понятное дело, что работал там не один – кто-то из саперов ему помогал. Так или иначе, но человек шесть-семь рядом с профессором должно было быть. Уже легче – бункер, защищаемый таким количеством вооруженных людей, легко не взять. То, что со стороны бетонной коробки не прозвучало до сих пор ни единого выстрела, Морица не удивляло – бойниц-то там нет! Это ведь не укрепление – скорее, укрытие. Для ведения боя совершенно не приспособленное. Любой же человек, рискнувший занять позицию за бетонными брустверами, будет тотчас же сметен пулеметным огнем – от

выстрелов сверху бетонные стенки совершенно не защищали. Поэтому оберштурмфюрер ничуть не был огорчен таким поведением охраны профессора. Тот же инженер, судя по ухваткам и манере общения, опытный солдат. Наверняка, он сразу оценил создавшуюся ситуацию и принял правильное решение – единственно верное в создавшейся ситуации. Так что пусть сидят под полутораметровым бетоном – целее будут.

Визжащих от ужаса женщин фон Хойдлера, Мориц собственоручно запер в одной из комнат, не имевшей окон. И приставил к ним персонального охранника – более для их успокоения, нежели по необходимости. Оберштурмфюрер был уверен – внутрь нападавшие не проникнут. А один отсутствующий на своем посту человек большой потерей не станет.

– Вот, что, Ганс... – набивая патронами магазин своего автомата, проговорил Мориц своему заместителю. – Что ты думаешь об этих нападающих?

– Не партизаны – это точно, – осторожно выглядывая в окно, произнес тот. – Насколько тихо и незаметно они пробрались через минное поле... бородачи так не умеют.

– Разведка русских? Здесь?

– Ну, судя по тому, как они все тут разнесли, фон Хойдлер чувствительно наступил на чей-то мозоль...

– Ты и скажешь – разнесли!

– Есть другое название для происходящего? На улице лежат около двух десятков наших камрадов, да и здесь у нас уже убито четверо да почти десяток раненых. Это партизаны-то действуют с такой эффективностью?

– Да... пожалуй... – вставив на место магазин, оберштурмфюрер повесил автомат на плечо. – Как ты думаешь, долго мы здесь продержимся?

– Черт его знает, Макс... если бы не те диверсанты, которые засели сейчас в дежурке...

– М-м-да...

– Товарищ капитан! – Котенок подобралась вдоль стены к командиру группы. Тот вместе со старым инструктором расположились у угла сторожки, разглядывая основное здание.

– Да?

– Что делать будем?

– Куковать, – спокойно ответил ей Мольнар, не отрываясь от наблюдения за домом. – Залипли мы... Ни туда – ни взад.

– Так и будем здесь сидеть?

– Есть предложения? – обернулся к ней командир.

– Есть кое-что...

Выслушав её, капитан покачал головой.

– Это, дорогая ты моя, форменное самоубийство! Не могу я такого приказа отдать!

– Дело она говорит, капитан... – вмешался в разговор инструктор. – Да и придумка-то какова! Я и то – не враз допер! Двух зайцев прихлопнуть можем! В дом войдём – да и Гальченко вытащим!

– А ну – как не клюнут фрицы?

– В лоб штурмовать? Не выйдет – мало нас...

– Ладно, – вздохнул командир группы, поворачиваясь к Котенку. – Собирайся, раз так...

Рыча моторами, колонна тяжелых грузовиков вытягивалась вдоль улицы. Посадка солдат уже закончилась, и получившие последний инструктаж офицеры занимали свои места в кабинах машин. Лязгая и кренясь на ухабах, обогнал грузовики по обочине бронетранспортер, заняв место во главе.

Стоявший на крыльце гауптман Краузе нетерпеливо притопнул ногой – ну же!

Наконец, моторы всех машин взревели почти в унисон – колонна тронулась в путь.

«Ну, всё, – проводил её глазами Краузе, – теперь все зависит от них... Я свое дело сделал».

Увы... судьба сегодня совершенно не благоволила к комендатуре и её руководству.

Не проехав и полукилометра, машины, возглавляемые лязгающим бронетранспортером, свернули на боковую улицу – так было короче.

И, едва завидев автомашины, вскочил с лавочки молодой паренёк – почти пацан. Быстро, но стараясь не привлекать к себе внимания, он подошел к растущему рядом дереву и, подпрыгнув несколько раз, сдернул с ветки скрученную кольцом веревку. Ещё раз обернулся к дороге. Машины уже подходили к углу кирпичной стены, около которого предстояло сделать поворот. Далее оставалось проехать ещё метров триста, и следующий поворот выводил на прямую дорогу к лесу.

Рывок веревки – и на верхушке дерева затрепетало полосатое полотнище, остатки старого матраца.

Сидевший в кустах диверсант вытащил из тайника подрывную

машинку. Раскопав под ногами землю, извлек оттуда два конца провода и начал подсоединять их к клеммам машинки. Времени ещё хватало – целая минута! А то и две, смотря как быстро будут ехать немцы.

Он слегка ошибся в расчетах – колонна шла относительно быстро, так что времени хватило в обрез.

Но – хватило...

Лежавшее около дороги бревно внезапно превратилось в облако черного дыма и пыли, сквозь которое пробивались багровые всполохи пламени.

Рубленые гвозди и всевозможные железяки, составлявшие львиную долю начинки заряда, ударили по колонне. Правда, некоторую часть осколков принял на себя бронетранспортер – чуть поспешил с взрывом диверсант. Как посуду метлой с праздничного стола, снесло головы солдат, выглядывавших из-за его борта. Прочим повезло – осколки не пробили броню. Но вот водителю в неприкрытое бронезаслонкой окно прилетело... и тяжелая машина, вильнув в сторону, со всей дури боднула передком кирпичную стену. Так что на головы солдат обрушился ещё и град битых кирпичей, вперемешку со всяkim мусором, скопившимся на стене с незапамятных времен. Не смертельно – но бойцы из уцелевших, после такого столкновения, были никакие.

А вот грузовикам пришлось существенно хуже – у них брони не имелось вообще никакой.

Головная машина напоминала собою дуршлаг – правда, очень большой и малость подкопченный. Доносившиеся оттуда стоны свидетельствовали о том, что живые в этом дуршлаге всё-таки ещё остались.

Второй автомобиль горел.

Что уж там случилось – бог весть.

Но и здесь живых было не слишком много, а совсем не пострадавших можно было сосчитать по пальцам... Одной руки.

Прочим досталось меньше – и то божий дар!

Разом потеряв почти взвод только убитыми, командир роты рассвирепел и приказал тщательно прочесать все обочины на предмет поиска там очередных фугасов.

И, надо сказать, что предчувствия его не обманули – очередной фугас отыскался достаточно скоро. Массивная толстостенная труба – точнее, обломок таковой.

Стоило только подходящим солдатам, увидев трубу, залечь и выслать к ней сапера, как фугас взорвался. Погиб сапер, и двоих солдат немного поsekло осколками. После этого колонна поползла и вовсе с черепашней

скоростью. До выхода из города фугасов нашли ещё два, причем один из них подорвали с безопасного расстояния. Здраво рассудив, что на других дорогах могут ожидать солдат очередные ловушки, ротный решил идти здесь – все-таки более половины дороги уже пройдено.

Но, как бы то ни было – а почти час рота потеряла только в городе. А на войне многое значат и несколько секунд...

Впрочем, выехав, наконец, за город, рота почти не приблизилась к своей цели – дыбом встала уже проселочная дорога. А в довершении всего из придорожных кустов ударили ещё и пулеметы...

Оставшиеся в живых солдаты, подчиняясь приказанию одного из взводных (принявшего командование после гибели командира роты), отступили на окраину города. Лезть в лес наобум было слишком рискованно. Очевидно, что противник предусмотрел и такой вариант. Требовалось оценить обстановку, подтянуть дополнительные силы и перевязать раненых, которых оказалось неожиданно много. Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы бросить своих товарищей на объекте «Тишина» – такого приказа не отдал бы ни один здравомыслящий офицер. Но и посыпать солдат на неразведанные (к тому же, совершенно очевидно – управляемые) минные поля и заблаговременно подготовленные пулеметные засады... за это тоже пришлось бы отвечать – и очень серьезно. А для движения просто по лесу уцелевшего личного состава роты явно было недостаточно.

– Ганс...

– Да?

– Смотри... – оберштурмфюрер протянул вперед руку. – Видишь?

– Нет... что там такое?

– Мне показалось... или нет? По-моему, кто-то ползет со стороны бывшего парка.

– От бункера?

– Он левее... хотя... Очень может быть, что и оттуда...

– Позвать Штольца? Он хороший стрелок и сможет достать этого ползуна, даже не высываясь наружу.

– Пожалуй... Меткий стрелок тут точно не помешает.

– Я скоро вернусь!

Заместитель оберштурмфюрера вернулся даже гораздо быстрее. Вместе с ним, прячась за толстой стеной, прокрался к окну худощавый эсэсовец с карабином в руках.

– Оберштурмфюрер?

– Смотри туда – кто-то пробирается за штабелем бревен! Отсюда я не могу его разглядеть толком, то рука мелькнет, то ещё что-то... приглядись!

Откуда-то со стороны ворот сухо треснуло несколько выстрелов – взметнулись щепки, отлетевшие от бревен.

– Макс, русские по нему стреляют!

– И что? Это может быть уловкой...

Ползущий человек неожиданно резким прыжком проскочил открытое пространство и ничком рухнул под прикрытие следующего штабеля. Мелькнули в воздухе распущенные волосы...

Злобно каркнул пулемет, и вокруг штабеля заплясали фонтанчики земли.

– Это женщина, оберштурмфюрер! – оторвался на мгновение от прицела стрелок. – На ней белый халат, грязный и порванный.

– Оружие?

– Я не видел...

– Кто-то из медсестер? – повернулся старший эсэсовец к своему заместителю. – Ганс, они все на месте?

– На месте – только бабы профессора. А его «медсестры» попрятались кто куда. Двоих я видел – полезли в подвал, видать, упились со страху. Одна ухаживает за ранеными – эта, надо полагать, из настоящих.

– Значит, может быть, что это кто-то из них... Почему она ползет сюда?

– Не за забор же – там мины! А вокруг здания – русские, что немногим лучше.

– В таком случае, ей можно только посочувствовать...

– А если её послал профессор? Она же ползет со стороны бункера!

– Черт... может быть, что и так...

Впрочем, долго размышлять им не пришлось. Под прикрытием пулеметного огня, к штабелю бросились люди в масках налатах.

– Огонь!

Затрещали выстрелы со стороны дома, бегущие моментально нырнули вниз и попрятались кто где сумел. А секундой позже по зданию врезали изо всех стволов. Эсэсовцы в долгу не остались и ответили.

Стреляя из автомата, Мориц, однако, не выпускал из виду тот самый штабель. Прятавшаяся под ним женщина, по-видимому, была ещё жива – он пару раз заметил, как там что-то двигалось. Вот, вынырнув буквально из-под земли, туда скакнула темно-зеленая пятнистая фигура... и почти тотчас появилась снова – на этот раз гораздо медленнее. Оберштурмфюрер не успел выстрелить, человек грузно рухнул в густую траву, но Мориц

успел заметить, что его грудь и горло были покрыты какими-то темными пятнами. Кровь?

До штабеля от ворот – двадцать метров. Ворота во внутреннем заборе распахнуты, и ничто не мешает пробежать к дому – до него всего пятнадцать метров. Со своей позиции – со второго этажа, эсэсовец видел, что препятствий никаких нет. Если не считать таковыми русских, простреливших все подходы к дверям.

– Ганс! Собери охапку шинелей! В казарме есть керосиновые лампы – полей шинели керосином!

– Хочешь устроить дымзавесу?

– Хоть что-нибудь!

– В столовой есть масло!

– Давай!

Снова кончились патроны.

Уступив свое место Штольцу, Мориц принялся лихорадочно перезаряжать оружие. Черт, ещё парочка таких атак...

Топот ног – по коридору вприпрыжку неслись несколько человек, тащившие охапки шинелей. Сбросив их на пол, около окна, они привалились к стене, переводя дух. А вот и Ганс!

Пригибаясь к полу, он тащил тяжелый бидон.

– Керосина нет – все лампы побило! А вот масла – этого хватает...

– Ты чего скривился?!

– Рикошет... плечо ободрало.

Отбрав у заместителя бидон, оберштурмфюрер принялся щедро поливать маслом шинельное сукно.

– Всё! – отбросил он в сторону опустевший бидон. – Поджигайте! И бросайте их во двор!

Когда из окна шлепнулась первая дымящаяся шинель, русские даже на какой-то момент перестали стрелять. Видимо, соображали, что к чему.

Слава всевышнему, догадалась и женщина, прятавшаяся под штабелем. Так и не сняв своего белого халата (интересно, что у неё под ним? – успел ещё подумать Мориц), она поползла к дому. Не слишком успешно и умело, но хоть так...

Дым от горящего сукна сносило как раз в её сторону, он вился и метался перед домом, затекал в окна, и от этого першило в горле.

Снова ожил пулемет у ворот, короткими очередями прощупывая задымленную полосу перед домом – русские чего-то опасались. Улучив момент, Штольц вскинул к плечу винтовку – треснул выстрел.

– Ну как? – спросил его оберштурмфюрер, пережидая в простенке

очередной шквал выстрелов со стороны противника. – Ты в него попал?

– Ранил, скорее всего – он за плечо схватился...

– Молодец! Это был опытный пулеметчик!

Похлопав стрелка по плечу, Мориц сбежал вниз – к двери. Если его расчеты верны, то ползущая женщина где-то близко.

И точно!

В дыму раздался кашель.

Она совсем рядом!

Разбрасывая гусеницами песок танк вывернулся из-за поворота и, на секунду притормозив, выстрелил.

Столб песка вырос среди кустов.

– Отлично! – лейтенант Демерих опустил бинокль. – В последний раз стреляли именно оттуда.

Получив подкрепление в виде четырех средних танков, пополненная солдатами комендантская рота вновь двинулась к своей цели.

Нельзя сказать, что русские тотчас же отошли – напротив, их сопротивление стало особенно ожесточенным. Им даже удалось подорвать один из танков – ему сорвало гусеницу. Пришлось оставить его на месте подрыва, выделив пятерых человек для охраны. Прикрывавшие танки солдаты теперь открывали огонь по всякому подозрительному месту – и это приносило свои плоды. Огонь русских, хоть и не прекратился совсем, существенно ослаб. Потери сразу же уменьшились. Партизаны теперь старались стрелять издали, из глубины леса, куда солдаты не заходили. По этим целям вели огонь танковые орудия, подавляя стрелков на безопасном расстоянии.

«И все-таки – медленно идем! – огорченно подумал Демерих. – Всего два километра прошли...»

– Где она? – оберштурмфюрер выглянул из-за дверного косяка. – Кто-нибудь её видит?

Еле слышное движение у самых ног!

Мориц отскочил назад, вскидывая автомат.

Женщина!

Спутанные перепачканые пылью волосы, разодранный в тряпки халат, когда-то белый... В правой руке зажаты окровавленные ножницы – вот чем она пырнула того русского!

– Фройляйн! Бросьте свое оружие!

Ножницы звякнули об пол.

– Ползите внутрь! Быстрее!

Женщина подчинилась.

Какая-то мелочь зацепилась за сознание оберштурмфюрера. Что-то совсем незначительное...

– Встаньте!

Солдаты подскакивают к ней, но медсестра делает протестующий жест – сама! И вправду, опираясь на стену, она медленно приподнимается, движением головы откидывает назад волосы, закрывающие её лицо...

А она ничего!

Сквозь грязь и копоть от сгоревших шинелей можно разглядеть её лицо – очень даже миловидное!

И совершенно незнакомое.

И... русские сапоги на ногах...

Мориц похолодел. Ставшие неожиданно тяжелыми руки, медленно потянули вверх автомат...

А девушка совершенно неожиданно... улыбнулась.

И от этой улыбки в груди у эсэсовца всё вдруг оборвалось – так улыбается смерть...

В обеих руках у неё вдруг, как по-волшебству, появились пистолеты. Последнее, что услышал в своей жизни оберштурмфюрер, был звук удара пули о височную кость...

Находившиеся в комнате солдаты умерли почти одновременно – выстрелы слились в одну короткую очередь, словно кто-то нажал на спуск автомата.

Сменив магазины, Котенок внезапно рыбкой нырнула назад – на улицу. Упала на землю и быстро откатилась в сторону.

Бух!

Из двери вылетел клуб дыма, пронизанный осколками разорвавшейся гранаты.

Кувырок!

Ещё один!

В коридоре поднимается с пола ещё один эсэсовец – это он, стоявший на подстраховке, бросил гранату, как только услышал выстрелы.

Ках!

Левый пистолет.

Детина сгибается пополам, хватаясь руками за живот.

Ках!

Ках!

Оседает на пол ещё один, роняя на пол карабин.

Ках!

Ках!

Брякает об пол автомат – на этом этаже больше никого нет.

Граната на полу!

Отвинтить колпачок – выпал шарик – рывок!

И тяжелая толкушка М24 улетает вверх по лестнице. Там гулко барабанит, и кто-то истошно кричит.

А сзади уже слышен набегающий топот сапог – наши!

– В сторону!

Кто-то сильно отталкивает её с дороги и, стреляя на ходу, несется вверх. Слышны длинные автоматные очереди – он отступается, запинается, хватаясь руками за стену, сползает вниз, оставляя на стене подтеки крови.

Но сбоку набегает очередной диверсант – в проем второго этажа улетает темный шарик гранаты. Почти одновременно с разрывом по лестнице влетают еще трое...

Шатаясь и зажимая руками простреленную шею, сверху спускается немец. Он уже почти ничего не видит – его глаза застилает предсмертная пелена, и только ноги автоматически влекут его к выходу – на свежий воздух.

Сделав пару неверных шагов, он отступается и, привалившись к стене, замирает. Постояв так пару секунд, опускается на пол. Руки его бессильно повисают, голова наклоняется вниз – всё...

Снова крик наверху! Выстрель!

Магазины в пистолетах сменить! Автомат с пола – подобрать!

Запасные магазины – что, только один? Сойдёт!

А теперь – вперёд!

Гальченко ещё раз окинул взглядом дежурку – всё ли в порядке?

Ну, если не считать выбитых стекол и простреленных дверей... Проходя по коридору, он присел около убитого охранника и разжился парочкой магазинов к автомату, в его оружии оставалось менее десятка патронов. Ещё одна обойма к пистолету – и хорош... воевать пришлось бы голыми руками. «Если бы дали», – подумал он, спускаясь на улицу.

– Цел? – окликнул его Мольнар.

Инструктор сидел на крыльце, и один из бойцов перевязывал ему ногу.

– Как видишь, старый злодей! А тебя-то как угораздило? Или вдруг помолодел, чтобы врукопашную лезть?

– Да вот... – развел руками тот, – пальнул какой-то изверг...

– Наверх дойдешь? Там вроде все цело – только стекла побили, да дверь – как сито...

– Авось, да помогут. Надо же и мне эту кухню осмотреть? Вас только допусти до какой-нибудь техники...

– Товарищ майор! – откуда-то из-за угла вывернулась Марина. Вся чумазая, лицо закопченное, комбинезон на плече разорван – в руках автомат.

– Кого я вижу! Тигренка ты моя! Дай-ка я тебя обниму! – Гальченко раскрыл объятия. – И где ж это ты так? Места живого нет!

– Да само как-то вышло... такая стрельба была...

– Кстати! Тебе тут привет передавали!

– Кто?

– Тот самый мужик, которого тут фрицы держали! Говорит, привет тебе – от дяди Саши!

Марина отступила на шаг.

– Товарищ майор... не надо так...

– Я тебе истинную правду говорю! Да пойдём – сама и поговоришь! Только это... дед Миша где?

– В лесу...

– Ах, ты ж, твою мать! Далеко?

– У командира спросить нужно.

– Так... ладно, тогда давай поспешим!

Стрельба стихла. Перестали барабанить пулеметы, и не рвали больше воздух разрывы ручных гранат.

Финиш?

Похоже...

И кто кого?

Наши немцев – или наоборот?

Пододвигаю к себе ящик и кое-как пытаюсь на него опереться. И на что только этот инженер рассчитывал – тут уже ноги, на фиг, не держат совсем! Хотя он-то живой стоял да здоровый. А я эту тушу (нехилую весьма) вынужден удерживать! Почти на весу! Вот же гадский папа – не мог чего попроще изобрести!

Стой тут да матерись...

Впрочем, скоро всему этому конец.

Если победили наши – мне помогут. Не знаю, как, но...

А вот если немцы... По крайней мере будет весело смотреть на их перекошенные от ужаса морды.

Подождём...

Лязгнула входная дверь – пистолет прыгнул мне в руку, словно сам собой. А как-то странно он идет... ногу подворачивает?

Ранен?

Какое-то поскрипывание... словно тащат чего-то?

Что за хрень?

Снова лязг двери – это уже в тамбуре, стало быть, вошел клиент. Какого он там хрена делает?

Блин, да он дверь задраивает! Точно, это же маховики кремальер скрипят!

Опа, мужики, а хреновое дело-то... Раз мой сослуживец стал дверь за собою клинить – стало быть, задница полная пришла. Не переломили фрицев ребята. Фигово... видать на пару помирать станем. Интересно, а грузовичок-то тот на месте стоит?

Хотя, если б он жахнул... я бы услышал.

И даже почуял.

И когда в дверном проеме появляется... немец, открывшееся ему зрелище на какой-то момент вгоняет его в ступор. Как, впрочем, и меня – я, грешным делом, совсем другого человека ждал.

Он ранен, весь какой-то помятый и ободранный – словно собаки грызли. Но автомат у него в руках, и его ствол сейчас устремляется в мою сторону.

А вот это ты, дядя, фиг угадал!

Спрашивал же меня Иваныч – на кой хрен тебе пистолет, когда в руках три тонны тротила?

А вот на этот самый случай... Немец-то про тротил – ни в зуб ногой! И объяснять ему уже поздно.

Пуля бьет незваного гостя в верхнюю часть груди, и автоматная очередь, вместо того, чтобы перепилить меня пополам, лупит прямо по сидящим у стены фрицам.

Не завидую...

Всем, в том числе – и стрелку.

Ибо вторая пуля валит его на пол, разнося правое плечо. Всё мужик, хорош, больше ты тут хамить не станешь...

– Блин! Что за чертовщина?! – Гальченко несколько раз дернул маховик запора. – Не открывается... заклинило, что ли? Дед Миша!

– Ну...

– Рвануть эту дверь можно?

Сапер отошел от бункера и с сомнением его осмотрел. Колупнул острием ножа бетон, постучал костяшками пальцев по входной двери.

– Всё рвануть можно... а внутри там что?

– Люди... им сильно прилетит?

– Тамбур там есть?

– А как же!

– Вторая дверь?

– И вторая тоже... черт... ведь и здесь где-то заряды стоят...

– Это в колодцах что ли? Видел я их. С умом дверь рвануть – не сдетонируют. А вот если вторая дверь открыта... тогда тем, что внутри сидят – не позавидую, – покачал дед головой.

– Там телефон есть!

– И ответить кто-то может?

– Конечно! Наш там мужик – тот, что тебе привет передавал! – повернулся майор к Котенку.

– И хрена ль тогда мы тут заседаем? – поинтересовался Сиротин. – Отчего сразу не позвонили – он бы дверь и открыл.

Гальченко вздохнул и вкратце пересказал ему обстановку.

– «Мертвая рука»? Это кто такое сказанул? – вопросительно поднял бровь сапер.

– Сергеич и сказал... а что?

– Да так... ты вот, злодей старый да опытный – про такое ведаешь?

– Откуда? Это уж твои придумки...

– А он – знает! Непростой, стало быть, мужик... Ладно, хорош тут тряндеть, пошли в дежурку, там, поди, и этот телефон тоже есть.

В дежурке мрачный Мольнар, опираясь на насконо сооруженный костыль, ковылял вдоль пульта и что-то недовольно бурчал себе под нос.

Перепробовав несколько телефонных аппаратов, майор нашел-таки нужный.

Т-р-р-р...

Негромкое урчание телефона.

Поднимаю трубку.

– Слушаю...

– Сергеич?

Шведов! Цел!

– А ты кого тут думал застать, тезка?

– Ты какого хрена там заперся? Дверь не можем открыть!

– Я заперся? Да тут ко мне какой-то недобитый фриц ввалился... очумел совсем, даже стрелять стал... пришлось его успокоить. Так что с запертой дверью – это его благодарить надобно. Я-то от пульта отойти не могу... сам знаешь.

– А вторую дверь он тоже закрыл?

Быстрый взгляд в сторону тамбура.

– Нет, открыта вторая дверь. А что?

– Плохо дело... – покачал головою Сиротин, тоже слушавший разговор. – Нельзя дверь взрывать! Сомлеет он от взрыва, да и упадет... тогда тут всем карачун.

– А вырезать? Должны тут такие штуки быть... бункер как-то же строили?!

– Должны. Только их ещё найти надобно.

– Ну, так и озадачь народ-то! Или заряды разрядить... тебе на это сколько времени надобно?

– Час. Самое малое – не в игрушки играем!

– Нет у нас часа, товарищи... – устало опустился на край стола командир группы. – Связной прибежал только что. В километре отсюда – рота немцев при поддержке танков. Идут сюда. Ребята на заслоне их придержат малость – и всё. Уходить надо – и прямо сейчас. Иначе – зазря мы тут все ляжем. С танками нам воевать нечем – да и некому. В группе всего девять человек осталось – это, считая нас всех. Да на заслоне – четверо.

– Фигасе... Как же они узнали-то?

– Да тут, майор, все системы дублированы, – повернулся к разговаривающим Мольнар. – Что ни включи – сигнал ещё куда-то идет. Вот, надо думать, и в город такой сигнал ушел...

– Мы же все линии связи перерезали!

– Значит, не все. Что-то уцелело.

– Сергеич... – прохрипела трубка. – Тут... словом, фигово всё...

Выслушиваю собеседника, не перебивая и не переспрашивая.

– А если так? Вы отгоняете к чертям этот грузовик, а я подрываю заряды. Бункер же должен выдержать?

– Дед Миша! – поворачивается майор к Сиротину. – Что скажешь? Выдержит бункер?

– Англичанин сказал, что заряды усилены?

– Да...

– А насколько – не сказал?

– Нет.

– Тогда ничего гарантировать не могу... Тем паче, что вторая дверь не заперта. Может – и прокатит. А может – и нет. По-всякому быть может. Чего да сколько этот умник в колодцы напихал – неизвестно.

– Да и грузовик этот никуда не поедет – у него мотор разбит. Кто-то сгоряча ему по капоту из пулемета прошелся... – добавляет свою реплику командир группы. – Мы уж и сами его приспособить хотели, да где там...

– Иваныч! Слышишь меня?

– Здесь я.

– Там, где-то в комнатах, человек наш – старший лейтенант Демин. Немцы его всякой химией пичкали. Забрать бы парня?

– Решим вопрос. Капитан! – поворачивается Проводник к командиру группы. – Собрали бумажки немецкие?

– Два рюкзака набили. Сейчас и парня найдем, ребята уже все комнаты шерстить пошли.

– Сбор – у запасных ворот!

Совсем рядом гулко бахнуло разрыв – шальной снаряд пролетел сквозь лес и упал где-то около дороги. Порыв ветра принес отзвуки пулеметной стрельбы.

– Иваныч!

– Да.

– Похоже, что прощаться пора? Взрыв я слышал...

– Немцы подходят. Их танки – менее, чем в километре отсюда. Ты уж прости меня...

– Ладно, не кипешуй. Ты это... Благову передай – всё вы правильно делаете, понял?

– А... передам.

– И ещё что... Котенок там с тобой?

– Рядом.

– Ты береги её, ладно? Как человека тебя прошу!

– Сделаю.

– Трубку ей дай...

В трубке слышен шорох. Звук шагов – Шведов, надо полагать, отходит в сторону.

– Слушаю...

– Привет тебе, Котена. Догадываешься, от кого?

– Да...

– Вдругорядь нам с тобой не судьба поговорить... не везет.

Она молчит.

– Ты это... не переживай сильно, лады? Всё у тебя будет – ты только не скисай!

– Мы не встретимся больше?

– Надеюсь, что встретимся. Может быть – не сейчас. Но я приду!
Веришь?

– Верю...

– Что и кому говорить – сама решай. Могут и не поверить. Знаю, что говорю, оттого и предупреждаю.

Звук трубки, упавшей на стол.

Майор проводил глазами выбежавшую из комнаты девушку. Что ж ей такого сказали-то?

Мольнар!

– А ты тут чего расселся?!

– Иди... я у пульта сяду – мины включу, как в лес уйдете.

– А сам?!

– Не уйти мне... нога совсем отказалася. А на руках вам меня не унести – мало бойцов. Да и другие раненые есть. Всех не вынести – догонят вас и положат. Скажешь – неправ я?

– Мы своих не бросаем!

– Так я сам остался – разница есть?

– Старый! Я тебя сам потащу!

– Вместе и помрем. Тебе сильно полегчает? До точки эвакуации – полста верст! И все – лесом!

Проводник скинулся с плеча автоматный ремень и сел на стол.

– Тогда и я никуда не пойду!

– Не дури... ребят кто выведет?

– Не зелень – выйдут!

– А за ней, – кивнул инструктор в сторону двери, – кто присмотрит?
Ты человеку обещал! Надо выполнять!

Майор встал и обнял Мольнара.

– Черт ты старый... с самого начала ведь это измыслил?

– Устал я, Саша... как в ногу прилетело, так и понял – отбегался старики. Хоть с толком помру. А то, стыдно сказать – за всю войну ни одного немца не убил...

Проводник вытер предательски блеснувшие глаза. Поднял со стола автомат и пододвинул его инструктору.

– Я себе ещё подберу – тут этого добра...

Лейтенант Демерих толкнул ногой труп русского пулеметчика.

– Похоже, – повернулся он к оберфельдфебелю, – этот – последний. Никто уже больше не стреляет.

– Они, герр лейтенант, наверное, уже ушли. Или наоборот – заперлись в домах.

– Скорее, Штрайфельд, последнее. Лес тут повсюду минирован, куда-либо уйти – задачка непростая. Ничего, танки пробьют нам дорогу – им противопехотные мины не страшны. Да и по домам поработают – противотанкового оружия у русских нет. А мы добьем уцелевших.

– Им следовало бы сдаться...

– Фанатики... ты заметил, старина, что никто из этих даже и не попробовал поднять рук? Стреляли до последнего патрона...

Т-р-р-р...

Снова телефон?

– Слушаю.

– Ты как там – живой?

– И даже невредимый. С кем говорю-то?

– Отдельного корпуса жандармов ротмистр Молин Петр Степанович. Ныне – капитан Красной армии.

– Во как?!

– Вот так жизнь поворачивается. А ты кем будешь?

– Управление «В 2», подполковник Котов Александр Сергеевич.

– Иди ты... из наших?

– Не совсем. Скорее уж – из последователей. У вас-то – управление «В».

– И то правда...

– Чего не ушел?

– Не на чем – правая нога ранена. А тащить некому – ребят осталось мало. На раз чихнуть. Я тут напоследок немцам бяку устрою – минное поле включу. Танки только во двор пропущу – и привет!

– Ну, и я в долгу не останусь – три тонны взрывчатки – тоже, знаешь ли, не подарок.

Мой собеседник хмыкает.

– Да уж... могу себе представить. Выпить у тебя есть?

– Откель? У мертвяков, может, что и имеется, так я от пульта отойти не могу... так что – ты уж за нас обоих давай.

В трубке слышен шорох, бульканье.

– Иваныч мне тут флягу оставил...

Он чокается с телефонной трубкой.

– Ну – вздрогнули!

– И тебе не хворать.

Головной танк таранным ударом снес остатки ворот и въехал на территорию санатория.

Следом за ним, уступами вправо и влево, вошли ещё два. Спрыгнувший с брони десант разбежался в стороны, контролируя стволами винтовок пустые оконные проемы. Тихо...

Только ветер гонял по пустому двору какие-то обрывки бумаг, да неподалеку от входа слабо тлела куча какого-то тряпья.

– Майер, Крафт – проверить помещение дежурного! Висовски, Олерт – казарму! Всем остальным – осмотреть двор! Взять под контроль все входы и выходы!

Командовавший десантом ефрейтор подошел к воротам и дважды приподнял над головою карабин.

Заметивший этот сигнал, командир роты призывно махнул рукой, поднимая залегшую цепь солдат. Благоразумно решив не идти по лесу, он указал им двигаться вдоль дороги.

Видевший все это в окно Мольнар усмехнулся и, опираясь на костыль, пробрался к пульту.

Щелчок, еще щелчок... По мере его работы горевшие внизу пульта лампы постепенно погасли. А вместо них наверху зажглись новые.

Злорадно хмыкнув, он проковылял ко входу в помещение и выглянул в коридор. Никого. Только где-то внизу слышались осторожные шаги. Вернувшись к пульту, он вывернулся из гнезд горевшие лампы. Контрольная цепь – лампы включены параллельно, на готовность мин это никак не повлияет. Зато теперь при беглом взгляде невозможно было определить, активировано ли минное поле или нет. Генератор давно уже не работал, но запасные аккумуляторы давали достаточно напряжения, чтобы минное поле оставалось в боевом положении еще долгое время.

Передовой взвод комендантской роты только-только к этому времени ступил на заминированный участок. Подобное действие не осталось незамеченным, и в пяти метрах от идущего солдата раздался легкий хлопок. Вылетевший из гнезда стальной цилиндр взорвался, едва достигнув высоты пояса. Стальная картечь хлестнула по не ожидавшим этого солдатам. Бросившийся в сторону унтер-офицер наступил на

незаметный бугорок, в результате чего из близлежащих кустов вылетели сразу два очередных сюрприза.

Взрывы раздавались в самых неожиданных местах. Оптимальным решением в данной ситуации было бы просто залечь и дождаться отключения минного поля. Но здесь злую шутку с солдатами комендантской роты сыграл только что полученный ими опыт: в течение нескольких предыдущих часов они имели дело именно что с управляемыми зарядами, и поэтому представить себе, что взрывы происходят по их собственной вине, а не по злому умыслу спрятавшегося диверсанта, никто из них не смог. Безжалостная стальная коса прошлась по рядам роты, собирая среди них кровавую жатву.

Поднимавшиеся по лестнице солдаты, услышав на улице череду взрывов, поняли, что противник каким-то образом ухитрился заманить их в ловушку. Совершенно не исключалось и то, что какая-то засада может ожидать и около помещения дежурного. Поэтому они взяли оружие наизготовку и, прижимаясь к стене, двинулись к цели своего путешествия.

Вот и открытая дверь в комнату дежурного. Валяются опрокинутые телефоны, рассыпаны по полу обрывки каких-то документов, и никого.

Вскинув оружие, оба солдата ворвались в помещение. Цепкий взгляд внимательно обшаривал все вокруг. Тихо. Только где-то капает вода. Быстрый взгляд на пульт: контрольные лампы не горят, система обесточена. По крайней мере, одной неприятностью меньше: минное поле объекта деактивировано. Оставив своего товарища караулить пульт, второй солдат побежал вниз – надо было сообщить командиру о том, что минное поле отключено. Не успели еще затихнуть его шаги, как из открывшейся двери соседнего помещения высунулся увенчанный набалдашником глушителем револьверный ствол. Тихо хлопнул выстрел, и солдат сполз вдоль стены.

Спустившись вниз, его товарищ доложил обо всем ефрейтору и тот час же получил от него неслабый нагоняй.

– Какой черт отключено! А что сейчас творится за воротами?! Немедленно возвращайся назад и лично проверь пульт, он должен быть справа от двери на стене!

– Гэрр ефрейтор, я его видел! На нем не горит ни одна лампа!

Чертыхнувшись, ефрейтор понесся туда сам. Однако стоило ему повернуть за угол коридора, как короткая автоматная очередь отбросила его на руки спешащих следом солдат. Те не остались в долгу и ответили частым огнем. Но безуспешно: стрелявший, судя по всему, спрятался таким образом, что пули его не доставали. За угол полетела граната – с таким же успехом. Перестрелка затягивалась, а за воротами продолжали грохотать

взрывы.

Наконец, один из танков, развернувшись во дворе, выехал на дорогу, с тем чтобы своими гусеницами проделать проход в минном поле. И это было весьма своевременное решение. Ибо пехотинцы, которые пытались пройти по колеям, ранее оставленным танками, как-то еще ухитрялись подрываться.

Т-р-р-р...

Поднимаю трубку.

– Подполковник... Ты там как, живой еще?

– Что тут со мной сделается?

– А я уже все, похоже отбегался...

– Что так?

– Достали меня гады. От пулю-то я спрятался, так они меня гранатой фуганули. Да и патронов осталось на две очереди. Так что прощевай, братец! Теперь дело за тобой.

Что-то глухо стукнуло в трубке, и в тишине бункера я рассыпал сухие щелчки выстрелов.

Все, отвоевался ротмистр. И то сказать, если он сумел запустить минное поле, так на тот свет отправится с нехилой такой компанией. Значит, немцы прорвались внутрь. И теперь достаточно скоро подойдут и к моему бункеру. А вот успеют ли они отогнать грузовик со взрывчаткой? Да, он неисправен, как я понял из разговоров, но кто мешает зацепить его хотя бы и танком?

Вот тоже дилемма возникает: ждать ли мне, когда немцы начнут стучать в дверь бункера, или рвать все к чертовой бабушке прямо сейчас? В расчете на то, что сдетонирует взрывчатка в грузовике. Поднимаю трубку и прислушиваюсь. Где-то там вдалеке слышны звуки шагов, отдельные слова. Надо понимать, что немцы заняли дежурную часть. Как много времени им потребуется для того, чтобы обыскать весь санаторий? Если они прошли мины, то за этим дело не станет. Десять-пятнадцать минут – и в дверь бункера ненавязчиво постучат. Значит, при любом раскладе обстоятельств пять минут у меня точно есть. Можно было бы покурить – так я некурящий. И выпить у меня ничего нет. Как-то неудачно сложилась моя нынешняя вылазка – ничего толком не сделал, да и врагов-то завалил всего двоих. И ладно бы кого серьезного – недобитого фрица и хитро выделанного англичанина. Тоже мне, великие противники нашлись...

А время-то идет. Вон, и стрелка на настенных часах переползла еще на одно деление. Ведь неохота отпускать этого задохлика за спиной. Черт его

знает, ведь может стать и так, что бункер выдержит взрыв. А может, и не выдержит...

Как же хочется жить...

Начальнику Дновского гарнизона
подполковнику Лейеру

Рапорт

Докладываю Вам, что сегодня при проведении операции по деблокаде объекта «Тишина» в 16.08 на территории объекта произошел взрыв огромной мощности. В результате этого практически полностью разрушено здание санатория, уничтожено два средних танка и один танк серьезно поврежден. При взрыве погибли восемнадцать нижних чинов и три унтер-офицера. Ранения различной тяжести получили исполняющий обязанности командира роты лейтенант Демерих и двадцать два солдата.

Находившийся на объекте персонал в значительной части погиб еще до деблокады. Поиски уцелевших людей под завалами до настоящего времени к успеху не привели. Удалось обнаружить только одну женщину, которая была направлена в городской военный госпиталь.

Поиски нападавших до настоящего времени успехом не увенчались ввиду того, что окрестности объекта заминированы, а карта минных полей отсутствует. До сих пор непонятно, куда и как они могли исчезнуть с территории объекта. При осмотре было обнаружено несколько тел, одетых в форму разведподразделений противника. Никаких документов, удостоверяющих личность, при погибших не оказалось. Все тела находились в одном месте, присыпанные землей и замаскированные. Из этого можно сделать вывод, что в живых после боя осталось достаточное количество людей, которые и смогли организовать похороны.

По моим предположениям, огонь из помещения дежурного вела группа людей численностью не менее трех человек. Вполне возможно, что это была группа прикрытия, которая отвлекала на себя внимание, в то время как оставшиеся члены диверсионной

группы противника занимались установкой зарядов и закладыванием взрывчатки.

Вероятность того, что кто-либо из них уцелел после взрыва, оцениваю как ничтожную.

Полагаю, что в настоящем случае мы имеем дело с особым отрядом коммунистов-фанатиков, которые не ставили своей обязательной целью отход после завершения операции.

Командир третьего взвода комендантской роты

лейтенант Ламарк

Москва

Кабинет Меркулова

– Итак, товарищ майор, я прочитал ваш рапорт. Понимаю, что вам пришлось столкнуться с хорошо подготовленной, технически укрепленной обороной противника. Я согласен с вашим выводом о том, что подобных мер предосторожности противник ранее не предпринимал, и у нас отсутствует опыт преодоления таких рубежей. Все так. Но, тем не менее, вопросы у меня все же остались...

– Я готов ответить на все ваши вопросы, товарищ народный комиссар.

– Это хорошо, товарищ майор, что у вас есть ответы на все мои вопросы. Тогда попрошу вас ответить на самый первый: кого держали немцы в санатории? Вы говорили с этим человеком, кто он? И почему вокруг его личности возникает так много непонятного?

– Простите, товарищ народный комиссар, но вот именно на этот вопрос я не могу вам ответить в полной мере. Это, несомненно, наш человек. Доказательством может служить хотя бы тот факт, что он подорвал бункер, нанеся тем самым колossalный урон немцам. К сожалению, мое с ним общение длилось очень и очень недолго. Но даже из этого я могу сделать твердый и безошибочный вывод: он знает о характере нашей деятельности. Вернее, знал.

– Вы абсолютно в этом уверены?

– Да, товарищ народный комиссар. Абсолютно уверен. В самые первые минуты нашей встречи он безошибочно назвал мое имя и отчество. Согласитесь, что даже в данном здании немного найдется людей, настолько осведомленных. Он совершенно точно знает лейтенанта Барсову. Не исключаю, что лично.

– Это, кстати говоря, очень интересный факт. Барсова пишет, что по ее впечатлению разговаривавший с ней по телефону человек общался с ней и ранее. Ей знакома манера разговора, привычка строить фразу. Да что я говорю – вы и сами, товарищ майор, неоднократно сталкивались с фактом, что речь человека, которого вы видите в первый раз, вам знакома. Ученые называют это чувство «дежа вю» – «уже видел». Так вот, у Барсовой это самое «дежа вю» встречается уже второй раз. Не слишком ли часто?

– Не думаю, товарищ народный комиссар. Как вы знаете, «обычных» людей в нашем подразделении изначально нет. Каждый уникален по-

своему. Вполне естественно, что такие люди привлекают к себе точно таких же, но находящихся вне нашей организации. Более того, я склонен думать, что такие встречи были не только у Барсовой.

– То есть, вы хотите сказать, товарищ майор, что ваши сотрудники сознательно скрывали от вас некоторые свои контакты?

– Не так, товарищ народный комиссар. Я не исключаю того, что не все из них в должной мере смогли оценить необычность таких встреч. В конце концов, мы слишком мало знаем о некоторых особенностях человеческого организма. Мы долго сидели с товарищем Благовым...

– И каково ему было получить подтверждение своей правоты столь экстравагантным образом?

– Честно говоря, товарищ народный комиссар, он был в немалой степени потрясен. Скажу более – даже дар речи потерял. Ведь о его исследованиях знает настолько узкий круг людей, что я их свободно могу пересчитать по пальцам двух рук. И, кстати говоря, после некоторых раздумий товарищ Благов предложил один интересный вариант.

– А именно?

– Он посоветовал нам покопаться в прошлом. Не исключено, как сказал Благов, что мы и ранее контактировали с подобными людьми. Но в силу каких-то причин эти контакты не были восприняты нами в должной степени серьезно.

Нарком госбезопасности покатал по столу карандаш.

– Ну... В какой-то мере я с вами даже соглашусь. Да, операция была чрезвычайно трудная. Не сомневаюсь, что ее последствия еще не осознаны нами в полной мере. Из всего произошедшего мы обязаны сделать самые серьезные выводы. И мы их сделаем! – поднял вверх указательный палец Меркулов. – В первую очередь хочу отметить, что ваша система подготовки кадров себя полностью оправдала. Достичь подобных результатов силами всего лишь усиленного взвода... Это, знаете ли, далеко не каждому по плечу. Я уже подписал соответствующее распоряжение, которое направлено полковнику Чернову. Вы должны в самый кратчайший срок развернуть подготовку специалистов в больших масштабах, нежели это делалось вами ранее. Вся необходимая помощь вам будет оказана.

Берлин

Тирпицуфер

Кабинет адмирала Канариса

– Итак, Эрвин, наш уважаемый рейхсфюрер, вместе со своими «высоконаучными консультантами», благополучно сели в лужу. Как говорят наши оппоненты с той стороны Канала, они остались «с непокрытой головой». Подобного конфуза его заведение не испытывало уже очень и очень давно.

– Да, экселенц, до меня доходили самые разнообразные слухи об этом провале. Более того, проскочила информация, что среди людей рейхсфюрера оказалось не все чисто и в плане иностранной агентуры, – Лахузен выжидающе посмотрел на своего начальника.

– Да, мой друг, в этом случае ваши информаторы оказались правы, – адмирал сжал губы и покивал. – Это не слухи.

– Но как же так? Насколько я в курсе, СД привлекло к этой операции только самых проверенных людей. И предположить среди них наличие вражеского агента...

– ... Обязан был даже самый ленивый контрразведчик. Верить нельзя никому! Если не ошибаюсь, это слова самого рейхсфюрера?

– М-м-м... Не могу этого утверждать.

– Оставьте, Эрвин, это несущественно. Гораздо важнее то, что среди сотрудников СД оказался кадровый офицер английской разведки. И не смотрите на меня настолько удивленными глазами! Я привык всегда отвечать за свои слова.

– Экселенц... Такие утверждения... У вас могут потребовать доказательств!

Адмирал фыркнул, вытащил из верхнего ящика стола пакет из плотной бумаги и бросил его на стол перед своим заместителем.

– Прошу! Вы будете первым, кто это увидит.

Полковник надорвал конверт и вытащил из него лист бумаги и несколько фотографий.

– Так... Капитан Норман Мэллори, сотрудник МИ-6. Он же гауптштурмфюрер Клаус Нерст, командир специального инженерного подразделения РСХА. Ничего себе... – он внимательно рассмотрел прилагавшиеся фотографии. – Как вам удалось это получить, экселенц?

– Кавалерия Святого Георгия, мой друг, исправно воюет не только на стороне островитян. Деньги любят все. Не стал исключением и данный случай.

– Но в свете этих сведений... выходит, что взрыв на объекте «Тишина» – дело рук английской разведки? А как же нападающие?

– А что, кого-то из них взяли живым? И он признался в своей принадлежности к НКВД? Новость, Эрвин, я этого не знал!

– Экселенц... Что вы собираетесь делать с этими сведениями?

Адмирал задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Трудно сказать. Долг честного немца обязывает меня доложить данные материалы туда, – палец Канариса показал на потолок. – Разумеется, я понимаю, что поставлю этим рейхсфюрера в крайне неудобное положение. И я готов рассмотреть все возможные варианты... В конечном итоге, английский агент мертв, объект уничтожен, а человек, который находился там, бесследно исчез. Что же до судьбы покойного фон Хайдлера, то она никогда не занимала меня настолько серьезно, чтобы я готов был пожертвовать ради ее выяснения хоть чем-нибудь. Если вдруг на вас (совершенно случайным образом, разумеется) выйдут люди рейхсфюрера, вы можете высказать им мои сомнения по данному вопросу. Как вы понимаете, все это будет актуально в течение ближайших четырех-пяти дней. По истечении этого срока я как честный офицер обязан буду дать ход всем этим материалам...

Лондон

МИ-6

– Сэр Стюарт, к вам посетитель! – секретарь начальника МИ-6 придержал у уха телефонную трубку. – Да, сэр. Я немедленно провожу его к вам.

Положив трубку на рычаг, он встал из-за стола.

– Господин майор, прошу вас, – и секретарь приоткрыл перед гостем тяжелую дверь кабинета.

Войдя в кабинет, майор Хорн остановился на пороге.

– Проходите, мой друг, присаживайтесь, – сэр Стюарт Мензис сегодня был само радущие.

Майор прошел к указанному месту и присел.

– Как вижу, мой друг, вы не принесли мне хороших вестей. Я прав?

– Увы, сэр Стюарт... К сожалению, мне нечем вас обрадовать.

– Как я понимаю, бедняга Мэллори...

– Пропал без вести, сэр. Но хочу отметить, что все сведения, полученные нами из данного источника, нашли свое безусловное подтверждение. Так что даже потеряв ценного агента, мы взамен приобрели не менее ценный источник информации.

– Одного агента? А как же люди Мэллори?

– Обычные наемники, сэр. Их интересовали только деньги. Мы немного потеряли с их исчезновением. Безусловно, я очень огорчен гибелью капитана. В конце концов, мы даже были когда-то друзьями! Но, увы, сэр, война... Никто из нас не может предвидеть всех тех случайностей, которые неизбежно возникают в столь серьезных вопросах.

– Да-да... – глава МИ-6 заглянул в лежащие на столе бумаги. – Я ознакомился с теми сведениями, которые вы получили из указанного источника. Что я вам скажу, мой друг... Будем работать. Вот здесь, – он пододвинул к своему гостю лист бумаги, – имеется перечень вопросов, на которые мне желательно получить самый обстоятельный ответ. Вы меня поняли?

– Да, сэр Стюарт. Я займусь этим немедленно.

– Прекрасно, мой друг. В этом случае я склонен согласиться с вами, что гибель капитана действительно явилась следствием непредвиденных случайностей. Благодарю вас и более не задерживаю.

Управление «В»

– Так-таки ничего и не можешь предположить? – Гальченко, налив в стакан чаю, пододвинул его Марине.

– Не знаю, товарищ майор... когда говорила с ним, такое чувство было... словно встретила кого-то родного, кого не видела уже давно. Знаете, бывает ведь так, приезжает кто-то из родни, из дальней, издалека откуда-то... и вдруг понимаешь, что это для тебя человек самый близкий! Не сказал ещё ничего, словом не обмолвился – а свой!

– Понимаю...

– Вот и здесь, – она обхватила стакан ладонями, словно согреваясь.

– Досталось тебе...

– Всем досталось. Ребят сколько там легло!

– Да... – майор отвернулся к окну. Показалось Марине или нет, но вроде бы он смахнул слезу?

Некоторое время оба собеседника молчали.

– Стоило оно того, товарищ майор?

– Стоило... Ты, дорогая моя, только малый кусочек всего видела, так, поверь, даже и это – уже все наши потери оправдывает! Профессора этого прижучили да бумаги его взяли – плюс огромный! Кое-кто так вообще – голову от счастья потерял! Дядя этот был много куда вхож, к самому Гиммлеру чай гонять ходил. Ну, и в бумагах своих много чего любопытного понаписал... Считай, что у немцев мы очень даже умную голову срубили. Этот деятель много чего ещё натворить мог – и всё против нас.

Гальченко вздохнул и отпил из своего стакана.

– Да и некоторых других «товарищей» побеспокоить пришлось... Это, как в воду камень бросить – круги ох, как далеко, расходятся... Думаю я, ещё долго кое-кому икаться будет – и неслабо весьма.

– Понимаю.

– Ты, может быть, отдохнуть хочешь? Не стесняйся, я уже с полковником говорил. К морю съездишь, на солнце погреешься...

– К морю? Я и не видела его никогда...

– Вот и посмотришь...

Где-то у моря

Ожидавший у машины лейтенант Свиридов уже в третий раз лез в карман за папиросами. Самолета все не было. А солнце припекало – жуть! Только и спасало, что со стороны моря иногда налетали легкие порывы ветерка.

О!

Из-за гор вынырнула темная точка – самолет!

Ну, наконец-то!

Пользуясь своими документами, он выехал прямо на взлетную полосу и подъехал к самолету, когда он уже заруливал на стоянку.

Вот и пассажиры выходят.

Пожилой полковник – это не к нам.

Троє офицеров-летчиков – тоже мимо.

А вот и невысокая девушка в военной форме – это уже наш объект!

– Товарищ лейтенант?

Ого, а девушка-то не простая!

Свиридов был на фронте с первых дней войны, воевал не хуже прочих. Это сейчас, после ранения, приходилось в тылу сидеть – так и это, хотелось думать, ненадолго. Так что заслуженные награды носил честно.

Но вот что такого могла сотворить эта... хм... красотка? Раз уж ей столько всего привесили? Лейтенант задумчиво почесал затылок.

– Слушаю вас, товарищ лейтенант?

– Извините! Товарищ Барсова?

– Да. А ваши документы я увидеть могу?

– Разумеется!

«Встретить на аэродроме лейтенанта Барсова. Вопросов не задавать. Отвезти в санаторий и постоянно быть в пределах видимости. Выполнять все требования лейтенанта. Обо всех встречах с кем бы то ни было – докладывать немедленно. Принять все меры к охране лейтенанта».

Полученный от заместителя начальника Особого отдела приказ был предельно лаконичен. И понятен.

Абы кого – так опекать не станут.

Поэтому Свиридов и протянул девушке свое удостоверение.

– Мне приказано быть с вами рядом. Постоянно – в любое время дня и ночи. У меня, разумеется, будет сменщик, возможно, что и не один. Их вам представят по прибытию на место.

– Спасибо, товарищ лейтенант. У меня чемоданчик есть – куда его положить?

– А вот – машина стоит! Вы садитесь, ехать долго...

Показав документы постовому на выезде, лейтенант прибавил газу, и автомобиль через несколько минут выскочил на дорогу, идущую вдоль моря.

– Это море тут такое?

– Да...

– А можно остановить? Я его послушать хочу. И посмотреть...

Свернув с дороги на обочину, Свиридов заглушил мотор. Открыл дверцу, собираясь помочь своей спутнице, но опоздал – она уже выскочила со своей стороны.

Быстрыми, летящими шажками девушка вскочила на камень, лежавший на самом краю обрыва.

Остановилась, сняла пилотку...

Вот оно какое – море!

Налетавший оттуда ветер ерошил русые волосы, обнимал.

Что-то тихо шептал на ухо.

Гладил по щекам.

И высушивал слезинки, стекавшие по ним...

Наше время

Окрестности города Псков

Выдержка из оперативной сводки УМВД по Псковской области.

... Автопатрулем полиции № 38–06 в 23.40 было получено сообщение о взрыве и перестрелке в лесном массиве на окраине поселка «Лесное-2». По прибытию на место старший патруля, прaporщик полиции Нефедов В.П., был встречен сотрудником частного охранного предприятия «Алмаз» Горбатовым А.М., который пояснил ему, что около 22.55 неподалеку от ограды поселка произошел взрыв неустановленного взрывного устройства. В результате взрыва был поврежден забор поселка, частично разрушен недостроенный дом, расположенный на участке, принадлежащем гр. Федоткину П.П. В настоящий момент владелец участка находится под следствием и помещен в СИЗО. На участке сейчас никто не проживает. При попытке осмотреть место взрыва сотрудник ЧОП заметил в кустах неизвестного мужчину. Обоснованно подозревая в нем злоумышленника, пытавшегося причинить ущерб охраняемому имуществу, Горбатов с целью его задержания произвел выстрел в воздух из имеющегося у него на законных основаниях травматического пистолета «Гроза». В ответ неизвестный мужчина произвел несколько выстрелов в направлении сотрудника, после чего скрылся в лесу.

Предпринятыми мерами стрелявший вскоре был обнаружен и задержан. В момент задержания он находился в бессознательном состоянии. На теле и одежде задержанного имеются многочисленные следы ожогов и падения, синяки и ссадины. Указанные повреждения могли быть получены им в результате взрыва неустановленного взрывного устройства, которое он забросил на территорию участка гр. Федоткина.

При нем обнаружен пистолет «Вальтер П-38» за номером N2835 и 14 патронов калибра 9 мм к указанному пистолету.

Никаких документов, удостоверяющих личность,

задержанный не имел. После оказания необходимой помощи подозреваемый был доставлен в районную больницу и помещен в палату под круглосуточную охрану.

Командир взвода ППС
лейтенант полиции

Марков О.С.

Начальнику уголовного розыска
УМВД по Псковской области
подполковнику полиции
Лемешеву А.Г.

Raport

Докладываю Вам, что сегодня, 24.07.20.. года мною, оперуполномоченным УР лейтенантом полиции Грачевым Н. С. был произведен допрос неизвестного мужчины, подозреваемого в незаконном хранении оружия и взрывчатых веществ, задержанного 22.07.20.. г. в поселке «Лесное-2».

На мое требование назвать себя мужчина сообщил мне номер телефона, по которому рекомендовал мне перезвонить. Он пояснил, что на любые вопросы, касающиеся его личности и обстоятельств задержания, может ответить только в присутствии его непосредственного руководства. На мой вопрос о том, кто является таковым, задержанный пояснил, что по телефону мне должен ответить генерал-лейтенант ФСБ Яковлев. От дальнейшего общения задержанный отказался.

Оперуполномоченный УР
УМВД по Псковской области
лейтенант полиции

Грачев Н.С.

– А папе римскому он позвонить не просил? – начальник УР с утра пребывал в дурном настроении.

– Нет... только в ФСБ.

– Угу... явятся эти гаврики и увезут его куда-нибудь. Ясен хрен – в их изоляторе условия получше! Отлежится, окрепнет... да и скажет – мол, ошибочка вышла, я честный бродяга – ничуть не шпион!

– Ну, так его нам же и вернут!

– Когда, Грачев?! Через пару месяцев? А у меня показатели по тяжким – никакие вообще! Три раскрытия за квартал – тебе самому-то не смешно? Да и те... сплошная бытовуха! В кои-то веки нормального взрывника взяли – да с поличным! И со стволом! И вдруг – нате вам! И из ГИЦа так до сих пор ничего не пришло, а ведь им его фото и пальчики ещё когда отправили! Редкий, должно быть, фрукт...

Подполковник в сердцах сплюнул.

– Словом так, лейтенант. Рапорт этот свой можешь засунуть себе в задницу. Или ещё куда – твоё дело. Но, чтобы завтра, протокол допроса этого хитрована лежал у меня вот тут! – подполковник постучал по столу. – Усек?

– Понял... а... телефон? Звонить?

– Кому и когда звонить – это уже я сам решу. И ни в какую Москву – хватит и местных, пусть они уже сами дальше передают, что хотят. Этот деятель ещё с кем-нибудь общался?

– Не в курсе я... вроде бы нет.

– Так постового расспроси!

– Сменился он... Утром новый заступил.

– Гос-с-споди! – начальник УР схватился за голову. – И откуда вы только беретесь – такие умники? Узнай телефон – и позвони ему домой, расспроси! И, это...

Договорить подполковник не успел.

Дверь его кабинета распахнулась от мощного рывка, и внутри сразу стало тесно.

Помимо троих здоровенных парней в штатском, которые как-то очень быстро просочились в дверь и заняли позиции по обе стороны от неё, напротив стола начальника УР образовался ещё и хмурый дядька в неплохом костюме.

– Где он??!

– Кто? – опешил подполковник.

– Котов где?

– Какой ещё Котов? Да вы, вообще – кто такой?

Перед лицом главного областного сыщика развернулось удостоверение.

– Генерал-лейтенант Яковлев Виктор Петрович... – подполковник сглотнул. Сказка начала приобретать реальные очертания, и они очень ему не нравились.

– Э-э-э... в больнице.

– Он ранен?

– У него есть некоторые повреждения...

– Поехали! – повернулся к двери генерал. – Капитан, останетесь здесь!

Все бумаги, по данному факту – изъять!

– Но постойте! Этот, как вы говорите, Котов, стрелял в охранника!

– Какого ещё охранника?

Вступив в беседу, лейтенант поведал грозному гостю обстоятельства задержания неизвестного.

– Так охранник первым выстрелил?

– В воздух...

– Его счастье, что Котов, видать, тогда ещё не совсем в себя пришел...

А то был бы у вас хладный труп! Тоже мне, Рэмба отыскался! Пошли, лейтенант, проводиши нас...

Секунда – и ничего более не напоминало о визите неприятных гостей.

Впрочем, одно напоминание тотчас же проявилось.

На стул около начальственного стола присел худощавый мужчина.

– Познакомимся, господин подполковник – капитан Васнецов. Вот – прошу, – и на стол легло удостоверение. – А это – соответствующее предписание на изъятие в с е х документов по делу. Тех, которые находятся в вашем распоряжении. Как видите, подписано оно вашим руководством – лично заместителем министра. Вам э т о г о достаточно? Или мне предъявить д р у г и е документы?

«С этого станется... – тоскливо подумал сыщик. – Вот же, мать его за ногу, облом-то какой, а?»

А зазвонивший на столе телефон только добавил неприятных ощущений. Ибо, судя по голосу звонившего (а это оказался заместитель начальника областного управления), у того тоже имелось мало поводов для радости – визитеры из ФСБ сидели уже и у него. И в следственном отделе находился кто-то из московских гостей...

И снова белый полоток... в который уже раз?

В голове пусто... ну, почти пусто.

И дернул же меня черт!

Черная форма эта – прямо-таки форма полицаев! Да и стрелять он стал – почти сразу, как я его окликнул. Лопух злокачественный, так ведь и убить

можно! Его счастье, что когда я его уже на мушку взял, шеврон на рукаве разглядел. А ведь полицаи такого не носят! Да ещё в цвете! Хорошо, хоть фонарь на заборе уцелел...

Что там громыхало-то?

Да фиг его знает...

Интересно, полицейский позвонит? Молодой ещё мальчишка, авось, не зачерствел ещё душой-то...

Хотя, и без того, небось, все на ушах стоят. Стрелял я, в чертяку этого (хоть и не в него, а поди, докажи...), рвануло что-то там неслабо (интересно, что?) – да при таких обстоятельствах, и в этой, Богом забытой глухи, хай поднимется ещё тот... Пальцы у меня в краске – стало быть, пальчики откатали уже, да послали куда надо. Вот и подождем... кто первый на этот счет чухнется.

Опа – стадо!

Ну, как есть – стадо, так по доскам топочут!

И полицейский встрепенулся, за кобуру хватается.

Ну, ежели это те, кого я жду, то пистолет тебе, милок, поможет как перочинный ножик против линкора.

– Здрасьте вам! – левой рукой (правую приковали к спинке кровати наручниками) приветствую Яковлева, который только что возник в распахнутых дверях.

– Ты?!!

– Ну, тут, вроде бы никого больше нет...

Полицейского отпихивает в сторону тот самый опер, что утром приходил, а генерал в два шага оказывается около кровати. Все-таки он дядя немаленький и шаги у него – соответствующие.

– Живой, черт...

Лязгают снимаемые наручники, и меня тотчас же обступают со всех сторон. Кто-то хлопает по плечу.

– Ну все, злодей! – грозит мне кулаком Яковлев. – Точно такими же – к столу прикую! Никуда больше ни ногой – даже в деревню к бабке! Хватит уже, набегался...

– Как там мои, Виктор Петрович?

– Целы все! Старшая девица так расцвела – у моих парней аж слюнки бегут!

– Вот их кое-кому в глотку-то позапихиваю...

– Всё, полковник! Теперь ты у нас невыездной – на веки вечные! Я тут с тебя чуть не поседел раньше времени...

Шумной толпой мы идем по коридору к выходу. Я вижу на стоянке

перед больницей знакомые автомобили и окончательно понимаю, всё – странствия закончились!

Теперь я дома...

КОНЕЦ